

Синдром Вильямса

Марта Трашная

Люди называют их эльфами. Они называют себя цветочным народом. Они умеют лечить генетические болезни, выводить урожайные сорта растений, ходить между мирами и многое-многое другое. Единственное, чего они не умеют, — это убивать. Зато убивать умеют охотники, которые в каждом мире находят и уничтожают эльфов.

Эта история о том, как Крепис, спасаясь от облавы, оказывается на нашей Земле (Москва, 2010 год). Как она выживает, как пытается понять, что ей делать дальше и зачем жить.

Синдром Вильямса

Часть 1. Вымирающая популяция. Глава 1. Дом

Вместо ключа от дома я по ошибке достала из кармана пропуск, поднесла к замку и замерла. Дверь была открыта. Этого не могло быть. Я научила дом не открывать дверь самому. Никогда и никому. Невзирая на просьбы и уговоры. Только личные ключи, приложенные к замку. Только наша семья.

Я медленно-медленно опустила руку, шагнула влево от входа, к козырьку под окном, прижалась спиной к стене. Дом еле уловимо возмущенно вибрировал. Чужие. В доме были чужие. Я не слышала их голосов, я не слышала их запаха, но они были там. Охотники. Недолго длилась наша спокойная жизнь в этом месте.

Стоять больше не было времени. Я быстрым шагом пошла прочь по улице, с трудом сдерживая себя, чтобы не бежать. Бег — это ошибка, быстрое движение активирует защитные системы дома, он покажет повышенный уровень тревожности в окружающей среде. И тогда те, кто в доме, могут меня заметить. Рано или поздно меня все равно заметят, я не строила иллюзий на этот счет. Но если все пойдет по плану, мы выживем.

План у меня был готов давно. У каждого из нас есть план на этот случай. Мой план состоял из трех пунктов: забрать Дармину и мужа, предупредить остальных и быстро-быстро в убежище. Хорошо, что у нас есть убежище!

Я считала шаги до красного знака ограничения движения — «Осторожно, на этой улице живут дети!». Осторожно, на этой улице больше не живут дети. Дети, осторожно, вам больше не стоит жить на этой улице. На этой улице появились охотники!

Я шагнула за знак. Все, сенсоры дома дальше не действуют. Я бросилась бежать: в подземку, на потом на эскалатор минус второго этажа, потом на стоянку к свободному элекару, попутно забрав из ячейки хранения «аварийную» сумку как раз на такой случай.

Подъезжая к школе, где работал Террэган и училась Дармина, я поняла, что опоздала. Черный дым застилал улицу. Я не видела школу, но клубы дыма, похожие на извержение вулкана, поднимались из-за белой стены, отделявшей школьный двор от остальной улицы. Я проехала еще немного и остановилась. Дорогу перегородила огромная пожарная машина, не из тех, легких красных малышек, что ездят на ежедневные вызовы к случайно загоревшейся бумаге в урне. Это был танк для войны с огнем, с бронированными стеклами, экскаваторным ковшом спереди, чтобы убирать обрушения, с низкими бортами по бокам и двумя огромными стальными цистернами. Верхняя, я знала, была заполнена газом, а у бортов была автономная система охлаждения. Машина была белой и угрожающей.

Между машиной и домами протиснуться было почти невозможно, а другого пути в школу не было. Другого близкого пути. Я выскочила из элекара, в надежде, что вернусь быстрее, чем успеет сработать программа автовозврата. Протиснуться между ковшом и стеной мне удалось, но на этом везение закончилось. Шесть человек в термокостюмах разворачивали установку, запускали зонд и следили за двумя уже работающими файеркилами. В общем, занимались делом. Школа полыхала. Я осторожно двинулась вдоль стены дома, надеясь, что они меня не заметят.

— Стой, — взревел ближайший ко мне пожарный и схватил меня за локоть. Я не успела увернуться.

— Там моя дочка! — Я дернула руку. Он продолжал меня держать. — Отпусти меня!

— Там уже никого нет, — рявкнул он.

— Где они? Куда их эвакуировали? Отпусти меня!

Он развернул меня к себе.

— Не успели никого эвакуировать, ясно?

Я сразу все поняла, но не желала верить.

— Так не бывает. Это же город, школа, зона повышенной безопасности.

— Вот именно, город. Здесь тысячи людей! — Он обернулся к машине. — Май, замени меня! Кто-нибудь связался с мэром? — Он откинул с лица маску и посмотрел на меня. У него были злые глаза. Но злился он не на меня. — Кто-то взорвал школу. С воздуха. Кто-то специально взорвал школу. Мне очень жаль. Но там никто не выжил.

— Зачем тогда вы тушите пожар?

— Чтобы не загорелись соседние дома и парк.

Я не поверила ему. Дармина и Террэган — не такие, как все. Они могли выжить. Они не могли сгореть. Я еще могла успеть к ним. Но я сделала вид, что поверила. И когда он ослабил хватку, вывернулась и бросилась вперед. Я знала, что меня не будут догонять.

— Да пусть бежит, — сплюнул пожарный, — не ползет же она в огонь!

Конечно же, я полезла. Мы умеем выживать там, где другие давным-давно бы оказались раздавлены стихией. Может быть, только поэтому мы еще не вымерли.

Я плохо разбираюсь в бомбах. Вернее, не разбираюсь совсем. Но то, что упало на школу, пробило четыре этажа. Дом сложился, словно бы картонная игрушка, составленная неловкими ручками маленького ребенка. Там, внутри каменной ловушки еще бушевал огонь. Но пожарный был прав, выживших не осталось. Но они могли быть. Я остановилась на несколько минут, перестраиваясь на то, что ждет меня — огонь, яркий свет, горячий воздух, ядовитые газы и очень мало кислорода.

Внутри оказалось примерно так, как я себе и представляла, только в сто раз хуже. Горело все, что может гореть. Что не может гореть — плавилось. Что не может гореть и плавиться — раскалилось и испарялось, молекула за молекулой. То, что еще час назад было людьми, вылетало черным дымом через пролом в крыше. Спасать здесь было некого. Огонь гудел и тянулся вверх. Тот, кто устроил этот поджог, знал что делал. Я шла почти насквозь. Кабинет Террэгана был на первом этаже, рядом с задним входом в школу. Дармина прибежала к нему, когда заканчивала свои уроки. Значит, они могли успеть выйти. В мире в действительности очень мало событий, которые происходят мгновенно. Многие из мгновенного просто очень быстрое. И если успеть... я очень надеялась, что они успели. И что здание от взрыва разрушается как раз быстро, а не мгновенно. Впрочем, я никогда не видела, как падает бомба.

На том месте, где был кабинет Террэгана, лежала рухнувшая балка. И хотя все вокруг блестело и пылало, я увидела то, чего больше всего боялась. Пятно холодного синего света, который нельзя спутать ни с чем другим. Охранный медальон Дармины. Я нашла его. Круг с заключенным внутри солнцем. Он до последнего делал все, что мог. Но у него было слишком мало силы, чтобы победить такую стихию. Рядом с ним не было даже пепла. Мне нечего было унести с собой. Все уже унес ветер. Я провела ладонью по раскаленному камню, словно гладила ее в последний раз по голове. И наткнулась ладонью еще на одну вещь. Я не отыскала бы его сама — даже мои глаза не могут увидеть черное на черном. Пепельно-черное кольцо Террэгана. Самое обычное кольцо. Второе такое же было на мне даже сейчас и, почувствовав пару, пусть даже искалеченную огнем, чуть сжалось.

Я выходила через задний вход. Через то, что раньше было задним входом. Медальон

Дармины и кольцо Террэгана обжигали руки. Но это было неважно. Руки восстановятся, если я выживу. Но я не знала, хочу ли я жить. Одежда на мне обгорела. В сумке была запасная, но сумка была в элекаре, а я не знала, хватит ли у меня сил добраться до него. И нужны ли они мне.

Террэган — моя горькая полынь. Дармина — мой крошеный цветочек.

Глава 2. Семья

Остальная семья жила на южной окраине. Охотники могли прийти в город только с севера, поэтому выбор семьи нельзя назвать неразумным. Но мне он не нравился. Из центра города на юг вела только одна дорога. И там же обрывалась. Если что, их район, заканчивающийся песчаным мысом, мог стать самой настоящей западней. Впрочем, как показала жизнь, и мой дом у перекрестка оказался не слишком надежным. Когда возникает опасность, количество путей к бегству не имеет значения, если среди них нет ни одного безопасного.

Сестра считала, что они смогут уйти по морю. У них всегда было два катера, на которых можно было добраться до яхты. Брат говорил, что в крайнем случае они будут прорываться на дорогу. После случившегося я была не очень способна на прорыв. Все-таки резкая перестройка организма требует очень много сил. И вообще, воин из меня никудышный. «Хорошие врачи редко умеют воевать», — повторяла сестра каждый раз, когда ей приходилось отбивать меня от охотников. За последние годы это случалось все реже, но не из-за того, что я научилась драться. А из-за того, что я научилась прятаться и уходить от погони. Потому что мне было кого прятать и ради кого жить. А теперь... Я оборвала себя. Ястребинка и Дэнделайон, сестра и брат, — моя изначальная семья. И они близки мне не меньше, чем Дармина и Террэган. И я надеюсь, что мы успеем уйти.

Я надеялась до того самого момента, когда не подъехала к их дому. Оставаясь в элекаре, я смотрела на дом и выискивала те мелочи, которые могут выдать охотников. Но с домом было все в порядке. Аккуратные дорожки с мелким песком без грубых следов. На карликовых мимозах вдоль дорожки распушены все листики. Плотные закрытые жалюзи на окнах. Плотная сомкнутая дверь. Тишина. И только когда я совсем уж собралась выйти и мой взгляд упал на песчаную косу в конце улицы, я поняла, что опоздала.

Оба катера валялись на песке и песок под ними был черным. Я видела голову Ястребинки с длинными золотистыми волосами. Они были как ковыль на ощупь, а теперь слиплись в одну черную веревку. Одну только голову, без тела. Дэнделайон лежал рядом. Я узнала его по плетеному браслету из белых шерстяных ниток на правом предплечье. Брат всегда носил белую одежду, но теперь она была буро-черной. А браслет так и остался белым. Брат никогда не носил оберегающих медальонов, говорил, что против топора и пули ни один медальон не поможет. Словно знал...

Я смотрела на них и понимала, что то, что с ними сделали, сделали уже давно, несколько часов назад. Что можно даже выйти, потому что скорее всего убийцы отправились в мой дом. И где-то на краю сознания билась мысль, что это был не один охотник и не два. Это я не умею драться. А брат с сестрой умели, убивать не мог ни один из нас, но они умели защищаться и отражать атаки охотников... Если бы на каждого из них приходилось по три охотника, то брат с сестрой могли бы вырваться и сбежать. Но они лежат здесь. Это значит, что началась облава. И единственное, что я должна сейчас сделать, это бежать.

Глава 3. Дорога

Узкая песчаная дорога почти не петляла. По обеим сторонам росли высокие краснокожие сосны, все одинаково ровные, стройные, без сучков и кривых веток. Небо стремительно теряло краски. Оставалось не так уж много времени до заката, но сумерки и темнота были мне на руку. Я прожила в этом мире достаточно долго, чтобы хорошо слышать и понимать происходящее. Любой искусственный свет, включая костер, я почувствую задолго до того, как стану видна. А охотники, я надеюсь, еще не успели мутировать настолько, чтобы видеть в темноте. Во всяком случае, во время моей последней... то есть предпоследней встречи с ними, они все так же ненавидели искусственные мутации и поэтому не обладали ни инфракрасным зрением, ни зачатками морфирования, ни интразвуком... Словом, ни одним из тех свойств, которые сделали бы наше истребление вопросом времени. Кроме одного — охотники нас чувствовали. Не так, как акулы плывут на запах свежей крови, и не так, как волки чуют верную добычу по запаху адреналина. И даже не так, как иногда предчувствуют неприятность или опасность люди, останавливаясь за минуту до катастрофы.

Нет, это чувство не имело ничего общего с обонянием, осязанием и даже интуицией. Это чувство возникало, когда они видели нас. Вот что было главное — не дать себя увидеть, не позволить им оказаться рядом. Их чувство к нам было сильным, как любовь, и таким же страстным. Поэтому охотников нельзя было ни подкупить, ни переманить на свою сторону, ни убедить в их неправоте.

Я поняла, что плачу, когда вместо дороги начала видеть туман. Пришлось остановиться, вытереть слезы и успокоиться. План, заученный и вбитый в сознание, требовал выполнения. И как бы мне ни хотелось вернуться в город, войти в свой дом и встретить там свою смерть, я направлялась в убежище.

Убежище — самое безопасное место на краю мира. Если воспринимать мир не с географической точки зрения, то можно увидеть места, где он заканчивается. Или, вернее, куда не дотягиваются его законы природы. И если продолжать двигаться в том же направлении (насколько применимо слово «направление» при отрицании географии), то можно попасть под влияние других законов природы... в другой мир. Узкий перешеек, почти нейтральная территория, где находятся в равновесии силы и законы обоих миров, мы выбираем в качестве убежища. Там нас сложно найти, даже находясь рядом с нами. Там можно быть в безопасности. Потому что охотники не умеют искать такие места. Говорят, увлекшись погоней, охотники могут следовать за жертвой даже из мира в мир. Но для этого они должны видеть жертву. Я надеялась, что никогда не узнаю, насколько правдивы эти слухи.

Конечно, край мира — это не просто место. Молнии, которые ударяют в одно и то же дерево, огоньки на болотах, протоптанные тропы, которые внезапно обрываются в чистом поле, тройная радуга, туманы на вершине холма, ураганы в отдельно взятой долине — эти природные аномалии говорят о том, что все законы природы в этом месте внезапно дают слабину. Чисто теоретически никто не мешает охотникам отыскать эти места. Но во-первых, мы так и не знаем, известно ли им о существовании края мира, а во-вторых, для этого охотникам пришлось бы достаточно долгое время провести на одном месте, наблюдая за природой, а не за нами. А к этому они не привыкли. Да и срок их жизни заставляет

охотников торопиться.

По сравнению с охотниками — мы не просто долгожители, мы живем вечно. Но они ненавидят нас не из-за этого. У нас не сохранилось никаких легенд или сказок, где мы были бы одной семьей, а потом поделились на два враждующих клана. Но почему-то я всегда думала, что их цивилизация — ровесница нашей. Просто наши народы двигались в разных направлениях. Мы — изучали природу жизни и учились пользоваться своими знаниями. Они учились охотиться и развивали свое «пятое чувство». Во всяком случае, в сказках иногда встречались фразы «тогда еще охотники не умели чувствовать так сильно, как теперь, и иногда можно было обмануть их, пустив по ложному следу и спрятавшись в надежном месте». Теперь оставалось только надежное место, ложный след больше не срабатывал. И еще — я никогда, ни разу не слышала о том, чтобы кто-то из охотничьих кланов занимался чем-то, кроме охоты. Единственное, чего я никогда не могла понять, — если они не умеют ходить между мирами, если они живут меньше нашего, почему во всех мирах мы всегда встречаемся с охотниками? Почему они всегда нас находят? Чем мы мешаем им жить, в конце концов?

Да, я вижу, что они нас ненавидят. Фанатично, на уровне подсознания. Потому что только фанатик может убить сотню детей ради того, чтобы наверняка уничтожить двоих. В некоторых мирах есть религия, в некоторых — нет. Но охотники всегда нас ненавидят и убивают. Наша «официальная» версия состоит в том, что они противники того, чем мы занимаемся. Но это все равно что сказать: волк убивает зайца потому что ему противно, что заяц ест траву. Но волк съедает зайца, а охотники нас не едят, вот в чем дело. Мы не входим в их пищевую цепочку, но они все равно убивают нас.

Иногда среди нас находились безумцы, которые считали, будто нам и охотникам нужно сесть за стол переговоров, обсудить наши проблемы и заключить мир. Но все дипломатические миссии заканчивались на этапе переговоров. Однажды, впрочем, круглый стол был собран. И всех участников с нашей стороны беспощадно умертвили. Отрезали головы, если говорить точнее. С тех пор идея переговоров с охотниками вне закона. Может быть, рано или поздно мы узнали бы причину природной ненависти к нам, но это не то знание, за которое стоит платить десятками жизней. Я была согласна с решением большинства, хотя когда оно принималось, я была еще совсем ребенком. Младше Дармины. Я застонала, слезы полились с новой силой.

Когда я закончила плакать, окончательно стемнело. Я вышла из элекара и осмотрелась. Дальше мне предстояло идти пешком. Я вынула сумку и свои обгоревшие лохмотья в отдельном свертке. Все-таки они были моими. И пахли мной. Да, в основном дымом и копотью, но и мной тоже.

Я прошла несколько километров обратно по дороге, прежде чем свернула, наконец, в лес. Воздух был свежий и прохладный, чистый. Пахло остывающим от солнечного дня песком, сосновой смолой, цветущим вереском и ко всему этому примешивалась нотка кисловатых осенних ягод. На этот-то запах я и пошла.

Я остановилась на краю болота. Время близилось к полуночи. Можно было идти и прямо сейчас, не дожидаясь завершения суток. Но после морфирования на пожаре у меня осталось не так много сил. И я не была уверена, что доберусь до убежища без проблем.

Наконец, планета завершила оборот и я посмотрела вверх. Там, где недавно было сплошное черное небо, теперь были светлые пятна, словно разрывы в сплошном полотне туч. Я смотрела на этот беспорядочный узор до тех пор, пока его рисунок не отпечатался у меня

на изнанке век. А потом я закрыла глаза и шагнула вперед. Я шла по светлым линиям, и земля не проваливалась подо мной, только тихо вздрагивала, когда я слишком сильно отталкивалась для прыжка или чересчур резко шагала вбок, чтобы переступить очередной темный разрыв. И вот наконец узор закончился, я оказалась в конце пути. Болото осталось за спиной. В нескольких десятках шагов от меня начиналась опушка леса. Холмик, поросший вереском — я даже отсюда чувствовала его запах. И темная фигура сидела на вершине холма. Я замерла. Прислушалась к себе и ничего не услышала. Эх, если бы мы могли чувствовать охотников так, как они нас!

Фигура не шевелилась. Я тоже. Это мог быть кто-то из наших. Это был хороший мир, благосклонный к нам и нашим знаниям. Многие из нас здесь работали, нас здесь ценили. Здесь было безопасно. Настолько безопасно, что я позволила себе влюбиться и завести семью. И не я одна. И до сегодняшнего дня здесь не было охотников. И я пришла в убежище. Маловероятно, чтобы меня здесь поджидал охотник. Я рискнула и шагнула вперед. А потом еще и еще. Пока не оказалась на самом холме.

— Ты пришла одна? — еле слышно прошелестела фигура. И тогда я узнала ее. Тетушка Гацания. Вернее, она приходилась мне двоюродной бабушкой. Но ее называла тетушкой еще моя мама. И я привыкла называть ее так. И Дармина, если бы выросла, скорее всего, тоже называла бы ее тетушкой.

Я кивнула, потому что не могла говорить.

— Ты их видела? — спросила тетушка.

— Да, — сказала я, почти так же беззвучно. — Я видела то, что от них осталось.

— Иди в дом, нечего здесь стоять.

— А ты?

— Я посторожу, вдруг придет кто-то еще.

Я замялась, не зная, стоит ли ей говорить. Потом все же рискнула.

— Тебя видно оттуда. С того берега.

— Если смотреть глазами, то нет.

И тогда я открыла глаза. Передо мной была просто огромная старая ель с неряшливо растопыренными ветками.

Глава 4. Убежище

Мне не понравилось место, где находился вход. Но не я строила это убежище, поэтому ничего не сказала. Но когда прошла по узкому коридору, ощущая, как под плечом осыпается на пол песок со стены, моя тревога усилилась. Я наклонилась и вошла в пещеру.

— Кто-нибудь знает, есть здесь второй выход?

Мне никто не ответил. Я осмотрелась. Мебели не было почти никакой. В самом дальнем углу, на полу, в спальном мешке спали Дейзи и Беллис. И то, что они не проснулись при моем появлении, говорило лишь об одном, они очень, очень устали. Исчерпали себя до дна. И я слышала дыхание кого-то третьего в другом углу пещеры. Плохие новости, очень плохие. Я-то надеялась, что приду сюда одна. Что напали на след только нашей семьи. Меня, Террэгана, Дармины, Ястребинки и Данделайона.

В углу было несколько охапок сена. Видимо, вместо матрасов. Никаких намеков на другую комнату или второй выход не было. Слева от входа в углублении в утоптанном полу — прозрачная вода. Что ж, родник есть, и на том спасибо. Справа от меня, у короткой стены стояла низенькая, чуть выше моей щиколотки, лавка — единственная мебель, которую я увидела с первого взгляда. Впрочем, бывали у нас убежища и совсем без мебели, не в ней дело.

Кем-нибудь, кто мог бы мне ответить, если бы мог говорить, оказался незнакомый тонкий юноша с переломанным носом и кровоподтеками по всему лицу. Правда, кровоподтеки и перелом я увидела не сразу, пару секунд спустя, сначала я поняла только то, что ему нужна моя помощь. Он сидел, запрокинув голову и прижимая к лицу мешочек из ткани, наполненный чем-то, очень похожим на болотную жижу. Ну, за неимением ничего другого, я тоже пользуюсь болотной жижей. Но не в присутствии настоящих врачей, конечно.

Я отвела его руки от лица, положила на пол мешочек.

— Тебя били?

Он застонал, попробовал покачать головой и зашипел сквозь стиснутые зубы. Да, совсем юный мальчик. На полу стояло несколько свечей, и я зажгла их все. Потом велела юноше лечь. Он попытался качнуть головой.

— Я врач, ложись.

И он послушался. Я села лицом к свету и положила его голову к себе на колени. Потянула за подбородок. Два зуба оказались выбитыми, в лунках чернела кровь, но осколков не было. Ладно, ничего. Регенерирует, какие его годы. Я накрыла его лицо ладонями и выдохнула. Работать со своими всегда лучше и проще. Это как учителю решить домашнее задание для седьмого года обучения. Но силы все равно нужны, конечно. Их у меня оставалось не так уж много после пожара и перехода сквозь грань. Но достаточно, чтобы восстановить этого мальчика. Если что, ему проще будет уходить без боли. Но я надеялась, что никакого «если что» не случится. Много уже наслучалось. Хватит!

Гацания вошла, едва я закончила. Юноша уснул, я аккуратно уложила его голову на лавку. Когда проснется, не будет ни синяков, ни кровоподтеков, ни сломанного носа, ни сотрясения мозга. Боли, естественно, не будет тоже.

— Нивяник просто упал, — сказала она.

— Я думала, это дело рук охотников.

— Если бы он попал в руки охотникам, он бы не ушел живым. Ты же знаешь.

— Я уходила, — возразила я.

— Ты была старше. И тебя отбивала Ястребинка.

Гацания подошла к роднику, зачерпнула воды ладонью и сделала несколько глотков.

— А почему ты не помогла ему? — я кивнула на юношу. — Так нужно было сидеть и ждать встречающих?

— Ты напрасно злишься. — Гацания осмотрелась и села на пол передо мной, скрестив под собой ноги. — Он мог бы справиться и сам.

— Когда я пришла, он стонал и не проявлял никакого желания вылечиться.

— Ему мешала боль, — вздохнула Гацания. — Нивяник еще не прошел через Клятву. Но справиться с болью он бы смог, если бы захотел. После Клятвы такие вещи делать легче.

Я даже кожей чувствовала, как торжественно она произносит это слово — Клятва.

— Да кому она нужна, эта твоя клятва! — взорвалась я. Мне хотелось кричать во весь голос, но я только шипела. — Кому она хоть однажды помогла? Может, Террэгану, когда он оказался в центре пожара? Или Данделайону с Ястребинкой, когда им отрезали головы? Или родителям Нивяника, которых, видимо, уже больше нет на свете? Кому? — у меня перехватило горло, и я закашлялась. Пришлось замолчать, восстанавливая дыхание.

Гацания положила ладонь мне на запястье и легко сжала.

— Клятва помогла тебе добраться сюда. Послушай себя. Разве тебе хотелось жить, когда ты узнала о смерти мужа и дочери? Разве ты не хотела умереть, когда увидела мертвыми брата и сестру? Когда поняла, что ты осталась одна? Клятва помогает терпеть боль, любую боль. Если бы не Клятва, нашего народа уже не осталось бы. Ты еще слишком молода и не помнишь времен, когда нас оставалось всего два десятка. Из тех, оставшихся, все были раздавлены, все потеряли изначальные семьи... И конечно, никто не хотел думать о новой семье. Но они все выжили, и это главное. А если бы не Клятва...

— У пещеры нет второго выхода, это плохо, — тускло сказала я. Мне не хотелось слушать про Клятву, про древние предания. Мне вообще ничего не хотелось. Пункты плана были выполнены, в моей помощи никто не нуждался, и теперь мне хотелось остаться наедине с собой. Уйти в себя.

— Вот видишь, — сказала тетушка Гацания, — даже в таком состоянии ты думаешь о безопасности. А значит, ты стремишься выжить. Может быть, ты этого не хочешь. Но ты это сделаешь. И ты не впадешь в забвение, как бы тебе этого ни хотелось. Но поспать ты можешь. Я пока не хочу.

Я тряхнула головой. Спать хотелось. Но это было желание тела. Сознание не было готово отключиться. Отчасти и из-за того, что мне не нравилось это убежище.

— Кто строил это место, тетушка?

— Не знаю. Кажется, отец Нивяника. И он не был безмозглым идиотом, поверь мне. Так что если он не сделал второго выхода, то на это были причины.

Я вздохнула. Кем бы ни был отец Нивяника, больше его не было. Как и моей семьи. Какой смысл говорить о недостатках убежища, если до него никто не смог дойти...

— А много еще здесь было наших в последнее время? На последнее равноденствие нас было две сотни, но это было почти год назад... Может, расселились в другие места, а я просто не знала?

— Наоборот, — глухо сказала тетушка. — Еще и переехали сюда три семьи.

— И это все, что осталось?

Она покачала головой.

— Я пришла четыре дня назад. Через весь континент. Облава началась оттуда. Если бы они поменяли направление и начали отсюда, с южного побережья, уйти не удалось бы никому из нас.

— Облава? Ты говоришь — облава?

— Можно подумать, ты сама не догадалась, что это облава, — прошептала Гацания.

И я поняла, что она замолчала, чтобы не плакать. У нее ведь тоже была семья: муж и трое детей. И если она здесь, а их нет... Вообще, странно, что нет мужчин. Кроме Нивяника.

Я никогда еще не попадала в облавы. Не то, чтобы они были редким явлением. Просто мне до сих пор везло — в тех мирах, где жила я, облав не было. Облава становилась возможной в одном случае — если охотники объединялись с местными властями. И те соглашались на наше уничтожение. И, соответственно, власти выдавали охотникам нас или помогали найти, что в сущности, одно и то же. Действуя самостоятельно, охотники могли бы выследить меня и мою семью. Может быть, Ястребинку и Дайделайона. И уж тем более не семью тетюшки Гацании — с ней я не виделась по крайней мере год. А с Дейзи и Беллис — и того реже. Значит, нас выследили не по цепочке, не из-за того, что мы общались друг с другом. И уж, конечно, охотники не смогли бы поджечь школу, если бы не действовали с согласия властей.

— Что дальше? — спросила я. — Если это облава, нам нужно уходить отсюда. Слишком близко, нас могут найти.

— Если на хвосте не выведет кто-нибудь из наших, убежище не найдут. А ты же знаешь, какими мы становимся осторожными, когда на нас идет охота. И потом... ты думаешь, я зря сидела там, на холме? Незваных гостей ждут ловушки.

— Мы тоже учимся охотиться?

— Что делать, Крепис, что делать... Давным-давно мы даже помыслить не могли о таком. Теперь мы умеем ставить ловушки. Единственное, чего мы никогда не сможем сделать — это убивать и нападать первыми.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что тогда это будем уже не мы, — грустно сказала тетюшка, — может быть, они будут выглядеть как мы и будут уметь то, что умеем мы, но это будет другой народ.

— А ты думаешь, мы сможем понять, когда случится такая мутация? Позволяющая нападать?

Гацания пожала плечами.

— Такие мутации уже случались.

— И что?

— Мы не позволяли им закрепиться. Не тебе у меня спрашивать, как, ты же врач.

Она была права. Я даже знала, где и как закодировано наше миролюбие. И подозревала, что могла быть и другая комбинация генов. Позволяющая нападать первыми. Или позволяющая убивать всех без разбора.

— Скажи, тетюшка, а правда, что раньше мы вообще не могли отвечать на нападение? Просто давали себя убивать и все?

— Я не знаю, — кивнула Гацания. — Может быть. Я помню те времена, когда некоторые из нас не могли проявить насилие ни в каком виде. Не могли даже причинить вред охотнику. Но их теперь нет, они все умерли, давным-давно.

— Сами? Я имела в виду — от старости, своей смертью?

— Как можно умереть своей смертью, когда на тебя идет охота, а ты продолжаешь любить того, кто несет тебе смерть? — горько усмехнулась Гацания. — Конечно, их убили. Они не выжили. Законы природы, естественный отбор.

— Природа не бывает жестокой, — попробовала возразить я.

— Да? Тогда спроси у нее, зачем ей понадобились охотники? — рявкнула Гацания, и я поняла, что несмотря на свой возраст — ей тоже больно. И она сидела на вершине холма не только для того, чтобы увидеть преследователей, если они появятся, а в ожидании своих родных. Она надеялась, а потом перестала.

— Что стало с твоими детьми? — спросила я ее.

— Я не знаю. Я ждала их все эти дни. Думаю, они не придут. — И внезапно она сказала то, что я меньше всего ожидала услышать, тем более от нее: — Если их не будет через десять часов, я пойду их искать.

— Но это же безумие!

— Это мои дети. — Она поднялась и погладила меня по голове. — Не беспокойся. Я тоже давала Клятву и не стану рисковать понапрасну. Я не приведу к вам охотников. А сейчас ложись и поспи. Я разбужу тебя и покажу ловушки через несколько часов.

Мне не хотелось ее отпускать. Ни туда, на холм, хотя там было достаточно безопасно. Ни туда, в мир, где было очень и очень опасно. Но у меня не было аргументов. Может быть, если бы я не была уверена в смерти Дармины и Террэгана, я бы тоже отправилась их искать. И мне плевать было бы на все клятвы мира.

Глава 5. Утро

Я проснулась в сумерках. Впрочем, в таких местах, на краю света, почти всегда сумерки. Может быть, поэтому они и называются краем света, усмехнулась я. Мне было странно просыпаться. Я раньше думала, что я не проживу ни одного дня, если не станет Террэгана или Дармины. Я думала, что усну и заставлю свое сердце остановиться во сне. И вот я прожила целый день, и проспала несколько часов и проснулась. И мое сердце по-прежнему стучит.

Я осторожно поднялась. Нивяник еще спал. Дейзи, кажется, тоже, Беллис сидела у родника, опустив в воду кончики пальцев. Я подошла к ней и присела рядом.

— С тобой все в порядке? — тихо спросила я. — Помощь врача не нужна?

— А тебе бы только спасать, всех и каждого, — ответила Беллис. У нее был хриплый голос и я поняла, что вчера она много и долго кричала. Вот только не знала, это были крики отчаяния и боли, или, может быть, гневный боевой клич?

— Врачи — они такие, — ответила я, — пока не спасут кого-нибудь, не успокоятся.

— Я вижу, ты уже спасла Нивяника.

— Это было вчера.

Она втянула воздух сквозь сжатые зубы, словно ей было очень и очень больно.

— Мне бы сейчас другого врача, Крепис. Который лечит душу, а не тело.

— Я бы тоже не отказалась, — тихо сказала я. Вспомнила, как вчера мне не хотелось разговаривать с тетушкой и поняла, что Беллис нужно оставить одну. У всех нас свои трагедии. У каждого из нас свежие раны.

Я подошла к своей сумке, нашла флягу и наполнила ее водой из родника. Фляга была стальной, тяжелой, а с водой стала еще тяжелее. Зато я не боялась, что она помнется или протечет при сильном ударе. А еще это был первый подарок Террэгана.

— Пойду умоюсь, — сказала я Беллис, чтобы она знала, слишком уж скоро меня можно не ждать. Если ей нужно поплакать, пусть плачет без свидетелей. Спящие Нивяник и Дейзи не в счет.

Снаружи было зябко. Я чувствовала себя усталой, а это значило, что проспала я совсем мало. Обычно во сне возвращаются силы, восстанавливается ясность ума, четкость восприятия и скорость реакции. Я по-прежнему двигалась заторможено, не слишком ясно видела и координацией приближалась примерно к трехнедельному волчонку: споткнулась у выхода, задела плечом мокрую ветку и оказалась под градом холодных капель. И вместо того, чтобы остановиться, я отскочила в сторону, поскользнулась на влажном мхе и все-таки упала. Молодец, девочка! Кажется, в последний раз я падала в лесу, когда была вдвое моложе Нивяника. Вместо того, чтобы немедленно подняться на ноги, я заставила себя лежать. Потом приказала мышцам расслабиться, вдавилась всем телом в мох и закрыла глаза. Я слушала лес.

Я все равно собиралась это сделать, так какая разница, где? Вряд ли кто-то из наших сильно удивится, если увидит меня здесь.

Лес шумел, и мне это не понравилось. Мне вообще не очень нравилось здесь. В убежище обычно бывает спокойно. Даже когда там нет пещер или домов и приходится спать на ветвях деревьев или прямо на траве. Но это было самое настоящее убежище, хотя я не понимала, что в нем не так. А это — вызывало чувство тревогу. Хотя, может быть, дело не в убежище, а

во мне?

Я снова вслушалась в голоса леса. Деревья готовились сбрасывать листву. Немногочисленные местные птицы занимались своими делами. Болотная курочка, настоящий птичий отшельник, шипением отгоняла от гнезда дикую утку, та шипела в ответ. Наливалась соком брусника, доцветал вереск. Ветер дул порывами, с запада на восток. Холодный, чуть влажный, трещал осиновыми листьями и стегал воздух гибкими ивовыми ветками. Две старые ели у болота стояли почти неподвижно. Самый обычный шум.

Может быть, тревога исходит от того, второго мира? Ведь убежище — это всегда место между двумя мирами, и каждый вносит свой вклад. Что ж, значит, стоит определить, где начинается дорога в другой мир... и что это за мир.

Делается это довольно просто, даже дети умеют. Надо просто почувствовать, какая характеристика мира отличается от обычной. А потом двигаешься в ту сторону, где отличие возрастает. Как хищник идет на запах. И время от времени сверяешься с восприятием мира, проверяешь, что еще изменилось. Это несложно, нужно лишь сосредоточиться и внимательно анализировать все, что ощущаешь.

Я сосредоточилась. Здесь была чуть другая сила тяжести. И другой состав воздуха. Не в пределах колебаний, а другой. Больше углекислого газа. Меньше кислорода. Заметно меньше кислорода. Примесь тяжелых металлов. И высокая ионизация. И это значило только одно — рядом находится техногенный мир. Возможно, именно это вызывало у меня тревогу — я не люблю миры с высоким уровнем развития техники. Даже здесь, где техника была ближе к бионике, мне не всегда было уютно, особенно первое время. А жить в мирах, где искусственные организмы создаются из металлов и полимеров, обладают разумом на уровне дождевого червяка, где болезни лечатся при помощи скальпеля и пилы, я вряд ли смогу. То есть я буду пробовать, конечно, но мне кажется, что такой мир убьет меня вернее любого охотника. И даже клятва не сильно мне поможет.

Ладно, примем как данность, что с убежищем на этот раз мне не повезло. Для многих из нас техногенный мир — лучшая перспектива, чем встреча с охотниками. А что касается меня, то мне придется там не обжиться, а искать выход в другой мир. Хотя... я приподнялась на локте и перекатилась вбок. Еще раз. Сила тяжести еле-еле уловимо менялась. Я дождалась, пока стихнет ветер и снова втянула воздух. Потом поднялась и сделала несколько шагов в сторону. Подпрыгнула. Заставила замолчать тонкий голосок Дармины: «Мама, а когда я прыгаю вверх, меня земля тянет вниз». Она всегда смешно говорила о своих проснувшихся способностях и чувствах. Я прошла еще несколько шагов и снова подпрыгнула. Приземление занимало больше времени. На тысячные доли секунды, но больше. И воздух оказался немного чище. Совсем немного, на восемь молекул на вдох. Но достаточно, чтобы понять неожиданный факт.

Три мира! Отсюда можно было уйти в три мира. Редкое место. Мне неожиданно стало легче. В конце концов, охотники не всеильны. Они не смогут окружить нас с трех сторон. С трех настолько разных сторон. Я прошла еще немного вперед — не столько для того, чтобы убедиться в своем выводе, сколько для того, чтобы прикинуть расстояние перехода. И вдруг я услышала голоса. Далекое, очень далекое звуки. Я не понимала слов, голоса доносились на пределе слышимости, но возбуждение и агрессию я узнала безошибочно.

Глава 6. Бойня

Я со всех ног бросилась обратно, в убежище. Узкий коридор только немного притормозил меня. Я влетела в пещеру, как падает вода с обрыва, и едва не врезалась в стоящего у входа Нивяника.

— Нас нашли! — Крикнула я. — Беллис, Дейзи, нужно уходить!

— Нас не могут найти, это же убежище, — растерянно пробормотал Нивяник.

Я схватила свою сумку, осмотрелась. Беллис и Дейзи торопливо застегивали рюкзаки. И только юноша смотрел на нас, не понимая, что происходит.

— Как же так, мне сказали, что здесь мы будем в безопасности...

Я подскочила к нему и хлестнула по щеке ладонью.

— Ты одет?

Он кивнул.

— У тебя есть вещи?

— Нет.

— Тогда пошли и быстро.

— Но куда?

— За мной. Просто иди за мной, без вопросов.

Я вышла из пещеры и замерла. Что бы я ни говорила себе пару минут назад по поводу техногенных миров, сейчас выбора у нас не было. Я показала Нивянику направление, правее ели, под которой сидела тетушка Гацания, в ложбинку между двумя холмиками, за которой начиналась слабая осиновая поросль.

— Иди туда, я догоню.

— Но там... там машины. Нам нужно в другую сторону!

— А погоня идет оттуда, куда нам нужно. Вперед! — И легонько ткнула его между лопатками.

Он пошел вперед. Беллис и Дейзи все не выходили. Да, узкий проход — большая беда. Я побежала к тетушке Гацании. Она сидела, привалившись к стволу ели. И я не сразу заметила ее. Неудивительно. Она не дышала. Я чуть не подумала, что она задержала дыхание, чтобы ее сложнее было обнаружить, но налетел ветер, и я ощутила резкий запах крови. Нож торчал из ее груди. Надо было бежать, бежать что есть сил, но я не могла пошевелиться. Это было уже слишком. Тетушка Гацания, на которой держалась вся наша ветвь клана. Она не должна была умереть. Никогда. Я упала на колени рядом с ней. И только это меня и спасло — второй нож стукнулся в ствол над моей головой и упал на ноги тетушке. И хотя я думала, что никогда этого не сделаю, я упала ничком на землю и как можно быстрее поползла за дерево. Вряд ли у охотников есть ножи, которые способны пробить стволы.

Я прищурила глаза, посмотрела и прислушалась. Внутри меня натянулась струна, которая требовала вскочить и бежать отсюда со всех ног. Но я понимала, что если пошевелюсь, то бежать мне придется недолго, два-три шага. Наконец, спустя бесконечно долгое мгновение я увидела его. Он лежал на вершине того холмика, рядом с которым должен был пройти Нивяник. Может быть, он успел просочиться невидимым для охотника, пока тот целился в меня? Я надеялась, я очень надеялась на это. Но понимала, что если мне повезет и я смогу спуститься в ложбинку между этими холмами, то скорее всего, я увижу там мертвого мальчика. Но еще более вероятно, что меня убьют раньше.

Итак, охотник знал, где я. Даже самый последний глупец мог бы догадаться, что нигде, кроме как за деревом, мне не спрятаться. Вопрос в том, что он будет делать дальше. И много ли их, и как они общаются между собой? То, что охотник сидел здесь, говорило о том, что они не нашли нашу пещеру, наше убежище. Иначе ничто не помешало бы им войти внутрь и перебить нас всех там, пока мы спали. Может быть, останься мы внутри подольше, они вообще бы никого не нашли и убралась бы прочь. Может быть, поэтому Беллис и Дейзи решили остаться внутри. Ведь едва ли охотники знают, сколько нас здесь. Хотя почему я решила, что не знали? Не стоит их недооценивать. Наверняка они тоже умеют читать следы и чувствовать запахи, хотя и не так, как мы.

Я прикусила губу. Я думала не о том, совсем не о том. Мне нужно было решить только один вопрос. Один-единственный: как отсюда выбраться. Все остальные, конечно, важны, но ответы на них ничем мне не помогут. И уж тем более не помогут сожаления.

Я снова смотрела в сторону охотника, шурясь, чтобы он не мог встретиться со мной взглядом. Хватит и того, что он меня увидел, причем достаточно близко. Его скрывали ветки кустика и метелки золотарника. Он был в чем-то коричнево-желтом и почти сливался с травой. Рядом с ним бугрился серо-зеленый вещмешок, который я вначале приняла за кочку. А еще я не чувствовала его запаха. Совсем. Они научились что-то с этим делать! Только трава, только ветер и болото. Или, может быть, именно охотник принес с собой тяжелые металлы, которые я приняла за запах другого мира? Нет, вряд ли, он может принести с собой металл, но состав атмосферы изменить не в его силах. Для этого нужно быть как минимум планетой. Я с трудом удержалась от нервного хихиканья. Да, плохи мои дела.

Итак, у меня есть отсюда три выхода. Первый — через болото, туда откуда я пришла. Другое убежище находится слишком далеко, на другом континенте, мне ни за что не добраться туда. Тем более, если облава еще не закончилась.

Второй выход — между двумя холмами, в редкий осиновый лесок. Если попробовать скатиться с холма, навстречу охотнику, успею ли я добежать до леса и потом — до границы с другим миром? Самый опасный участок — это первые несколько метров. Чем ближе я буду к охотнику, тем сложнее ему будет метнуть в меня нож, чтобы серьезно поранить, если только он не решится подняться на ноги.

Итак, что делать? Вскочить и побежать? Осины — плохая защита, но зато я быстро бегаю. Быстрее охотника, особенно если он не захочет расставаться со своими вещами. А, как показал мой небольшой опыт, расстаются со своими вещами они крайне неохотно. Иначе как они смогут убить нас? Охотники считают, что голыми руками нас трогать нельзя. Ерунда это, конечно, за те несколько мгновений, которые им нужны, чтобы убить нас, никто ничего не успеет сделать с их драгоценным телом. Особенно в состоянии, когда тебя убивают. Но хорошо, что охотникам это неизвестно.

Со стороны третьего выхода идут охотники. Неважно, с ними тот, который лежит передо мной, или нет. Важно, что времени у меня не слишком много. Бежать к пещере я не могу, хотя от ножей охотника меня скроет холм. Но тогда во-первых, я выдам Беллис и Дейзи, если они решили отсидеться в убежище. А во-вторых, сама не смогу отсидеться там. Нет уж. Пусть они остаются в пещере, пусть им повезет больше, чем мне.

Тетушка Гацания говорила вчера о ловушках. Жаль, что она не успела мне их показать. Но раз не успела, будем считать, что их нет. Я совсем не разбираюсь в охоте и в защите, в отличие от Ястребинки и Дайделайона. Поэтому все равно не смогу отыскать ловушки на глаз или догадаться, где они находится. Хорошо хоть, что наши ловушки никогда не

работают против нас. Если даже охотников они не убивают, то уж меня и подавно.

Я наблюдала за охотником. Я была готова покатиться вниз с холма, как только он моргнет, отвернется или решит сменить позу. Несколько мгновений, мне нужно всего несколько мгновений. И если мне повезет, у меня появится шанс на спасение. Если не повезет... что ж, значит, не повезет. Я ждала. Он должен пошевелиться, ведь он живой. Прошло несколько долгих минут. Сердце стучало все громче от напряженного ожидания. Я понимала, что это глупость, но начала бояться, что охотник услышит его. Хотя какая разница, он и так знает, что я здесь. Только бы не сорваться раньше времени. И вдруг раздался короткий захлебывающийся крик. И еще один, отчаянный и пронзительный, наполненный самой последней на свете болью. Беллис и Камилла, их нашли.

Я рывком бросила себя вниз, не поднимаясь на ноги и не дожидаясь реакции охотника. Я скатилась до самого низа, перевалилась через лежащего на боку Нивяника и только тогда вскочила. У мальчика в груди торчал нож, тонкий стилет черного металла, и я вынула его, не задумываясь, зачем. И краем глаза уловив движение на склоне, побежала. Сумка колотила по спине, я слышала тяжелый стук своих ног по земле. Но, что самое ужасное, я слышала тяжелое дыхание охотника. И оно было гораздо ближе, чем мне хотелось бы. Я не могла позволить себе обернуться — это отняло бы драгоценные мгновения. Я ориентировалась только по бегущей тени, замеченной краем глаза.

Я подумала, что сейчас охотник метнет нож и все закончится, на таком расстоянии невозможно промахнуться. Но ничего не происходило и я поняла, что скорее всего, у него не осталось стилетов. Я если бы я не выдернула нож из груди Нивяника, то сейчас это самое лезвие вонзилось бы в меня. Я побежала быстрее. Я была легче, я немного поспала и к тому же меня гнал страх. Охотник не отставал. Хотела бы я знать, что гонит его.

Я добежала до болота, и теперь мне предстояло самое сложное. Переход между мирами — не просто движение. Ты должен идти туда, где усиливается то «другое», что ты почувствовал. Но включая до предела одно чувство, ты почти отключаешь остальные. Как собака идет по старому следу. И одновременно нужно помнить, что то место, которое остается за спиной, держит, притягивает, не отпускает. Даже воздух становится вязким. Физический переброс из одного мира в другой — это не переход на край света, это намного сложнее. Приходится на время стать волной, а не частицей, распределиться сразу в нескольких местах, чтобы потом, молекула за молекулой, собрать себя в нужном. Сознание расщепляется, ты видишь словно бы несколько мест. Но чем бы ни был этот переход, тело остается одно. Я уже чувствовала этот другой мир, ощущала его запахи, видела дорогу, тянущуюся вдоль болота в большую деревню, слышала плеск воды у близкого пруда и мычание коров. Но я все так же слышала дыхание охотника за собой. Теряя драгоценные мгновения, я обернулась. Он был в двух десятках шагов за мной. Слишком близко, чтобы уйти, слишком близко!

Я бежала почти на пределе сил и все же попробовала ускорить темп. Воздуха перестало хватать. Но может быть, так и должно было быть. В том мире в атмосфере ниже содержание кислорода. Дышать в любом случае будет тяжелее.

Охотник не отставал. Я сделала последний рывок и прыгнула вперед, как прыгают зайцы. Выключила сознание, а потом включила его там, где коровы, пруд, деревня... и резкий запах свинца. Я пробежала еще несколько шагов и упала. За моей спиной звучала блаженная тишина. Успела. Сбежала!

Я знаю, как выглядит переход с той стороны: возникает легкое облако тумана, который

внезапно делается густым. А то, что было за туманом — исчезает. Довольно быстро, но не в одно мгновение. Может быть, это сознание не способно воспринять мгновенное исчезновение из мира материального, ощущаемого объекта. А может быть, это какие-то вполне объяснимые объективные явления. Неважно, сейчас это неважно.

Я поднялась на четвереньки, отдышалась и встала на ноги. Колени дрожали. Я обернулась. И увидела, как в двадцати шагах за моей спиной буквально из воздуха появляется охотник и падает, зацепившись за кочку. Проклятье! Значит, слухи не врал. Значит, это были не слухи. Охотники могут пересекать рубеж миров, когда гонятся за нами. Я подхватила сумку и прыгнула вниз с разбитой деревенской дороги, в канаву. И побежала вперед, к пруду, стаду коров, водопою. Ноги плохо слушались меня, но что мне оставалось? Времени не было совсем. Вернее, оно было, но очень немного.

Дело в том, что при переходе теряются многие способности, чувства, умения. Иногда появляются лакуны в памяти. Наш мозг, наши способности и чувства — это сложная система слабых электрических импульсов. При первом переходе все ощущают сильную дезориентацию. Потом, с каждым разом, становится легче. Но никогда это не бывает просто и легко. К счастью, природа позаботилась о нашем народе, у нас есть генетическая память, а способность к восстановлению заложена в нас на клеточном уровне. Но даже мы не можем сделать несколько переходов подряд. Меня предупреждали, что последствия могут быть непоправимыми. Вплоть до сумасшествия и амнезии.

Но у охотника, судя по тому, как он упал, не было большого опыта в этом деле. Может быть, это был и не первый его переход, но уж у меня в жизни их точно было побольше.

Глава 7. Вторая попытка

Я дошла до пруда и двинулась вдоль берега. Заросли кустов с красной корой, деревья, полощущие тонкие гибкие ветки в воде, заборы вдоль крайних домов — все это скрывало меня от охотника. Сейчас моя главная задача — убраться как можно дальше отсюда и желательно не пользуясь дорогами.

Я дошла до крайней точки пруда и остановилась. Если двигаться дальше вдоль воды, меня легко будет рассмотреть с дороги. Пока там было пусто, только птицы кружили над местом, где лежал охотник. Но рано или поздно он придет в себя. И к тому времени я должна оказаться как можно дальше от него. Желательно в другом мире. Я вздрогнула от этой мысли. Второй переход за такое короткое время?

Но я не могла рисковать. Мне нельзя оставаться в этом мире. Он видел меня. Он видел меня слишком долго и находился ко мне слишком близко. Если я буду здесь — он найдет меня. Он почувствует меня. А я по-прежнему не умею убивать, несмотря на зажатый в руке стилет. Я посмотрела на него. Вряд ли это хорошая идея — разгуливать по незнакомой деревне с ножом в руке. Я открыла сумку. Ничего подходящего, чтобы завернуть нож. Я бросила его в сумку просто так, поверх всего, надеясь, что когда открою сумку в следующий раз, то не забуду о ноже. Об очень остром черном ноже.

Я осмотрелась. Большинство домов лежали между дорогой и прудом. Несколько хаток обступили пруд с той стороны, откуда пришла я. С другой стороны дороги тянулось болото. Что там дальше за деревней — неизвестно. Куда ведет дорога — неизвестно тоже. Судя по всему, здесь много городов и именно города — средоточие жизни. Но это вовсе не значит, что ближайший город окажется в пешей доступности. От крайнего дома, стоящего дальше всех от дороги начиналась тропа. Она скрывалась между холмиками, но скорее всего вела в лесок вдалеке. А даже если и нет — эти самые холмики защитят меня от глаз охотника.

Я двинулась вперед. Самый опасный участок — луг, который клином воткнулся между берегом и деревней. И на краю которого я стояла сейчас. Да, меня было бы видно с дороги, если знать, куда нужно смотреть. Я могла бы ползти, но это заняло бы больше времени. Поэтому я просто пошла. Медленно, плавно, будто я волна, перекатывающаяся с камня на камень. Будто я трава, прогибающаяся спину под порывами ветрами. Будто я дерево, качающееся ветвями на волнах ветра. Будто я ветер и облака. Будто я часть пейзажа и если я двигаюсь, то только потому, что движется ветер, движется трава и вода под ветром...

Я дошла до тропинки. Она действительно вела в лес. Ей давно не пользовались. Сухая трава по бокам стояла ровно — не было ни сломанных стеблей, ни отогнутых листьев, ни откинутых от тропы прядей спутанной травы. Это было хорошо, с одной стороны. Потому что прятаться лучше в безлюдном лесу. Но с другой стороны, мои следы на ней будут хорошо заметны для опытного следопыта. Ладно, может быть, не хорошо. Но при желании меня можно будет найти. Я развернулась и посмотрела на дорогу. На то место, где лежал охотник. Он начал приходить в себя. Шевелился, пытался повернуться на бок, шарил руками вокруг себя. Нужно спешить!

Я пошла вперед. Уходить из мира в мир можно не только через «краевые» места. Можно пробиваться напрямую. Все то же самое, только во много раз хуже. Это все равно что переходить из комнаты в комнату, проламывая стену. Естественно, сил тратится намного больше. И последствия могут быть... В общем, неважно, какими могут быть последствия!

Все равно у меня нет выбора!

На половине дороги до леса, я постаралась выбросить из головы все мысли и чувства. Даже наваливающую усталость, слабость в коленях и легкий звон в висках. Я сосредоточилась на чувствах. Мне нужно почувствовать в полной мере все, что происходит вокруг. А потом убедить себя, что я чувствую совсем другое. Вот примерно так это и происходит — ты словно заставляешь себя проснуться в другом месте.

Я собрала все силы, которые у меня были, и шагнула вперед. Еще раз и еще. Воздух был упругим, но податливым. Я буквально услышала, как лопается пленка, отделяющая одну реальность от другой, и тут же стягивается обратно. Я прошла вперед еще километр или два по лесу, прежде чем разрешила себе остановиться, осмотреться и упасть на траву под развесистой ивой.

Воздух был свежим. Где-то недалеко жили люди — ветер пах водой, коровьими лепешками, сырым деревом. В деревне еще не проснулись, но утро скоро настанет. Уже мычали коровы, но еще не настойчиво и требовательно, когда молоко распирает их вымя, а осторожно, с надеждой, будто здоровались друг с другом, рассказывают, что снилось. Собаки тоже еще спали, впрочем, не мне бояться собак. Теплые, лохматые, они вдоволь нашлались этой ночью и досматривают последние собачьи сны, смешно морща носы и дергая ушами. Птиц почти не было, ни домашних, ни диких. Странно, конечно, столько воды вокруг, столько пищи для уток и чаек... Но мало ли, что это за вода? Может, в ней рыбам и жить уже невозможно. Как ни крути, в воздухе слишком много тяжелых металлов и гари, даже здесь, вдали от города. А какие здесь выпадают дожди — лучше даже не думать. Наверняка, кислые на вкус, разъедающие кожу и одежду... И сколько всяких ядов собралось в траве, которую едят коровы... и в молоке, которое собирается в их теплых сосках... и которое наверняка пьют все здесь... Тяжелое, больное место! Приснятся же кошмары!

Я застонала и открыла глаза. Это был не кошмар.

Интерлюдия: Ночной фантом

Звук был похож на треск, сухой и короткий, — то ли выстрел, то ли хруст ветки. Но этот звук означал совсем другое. Прорыв границы. Лопнула мембрана, разделяющая миры, и кто-то — Елена Михайловна даже знала, кто именно — шагнул сюда, в их мир. Чистый до сегодняшнего утра мир. И он останется чистым, разве не в этом ее предназначение?

Она собиралась быстрее, чем просыпалась. Как и ее муж. Все-таки им повезло найти друг друга!

Они вышли из дома одновременно и, не сговариваясь, перешли на бег. Через пять минут они уже шли через парк к границе. Противотуманные фонари выхватывали все подозрительные кусты и кочки. Но они оказывались всего лишь кустами и кочками. «Ничего, — утешала себя Елена Михайловна, — на границе возьмем след и найдем эту тварь».

Граница занимала небольшой пяточок земли радиусом примерно в полтора метра. Часть границы проходила через клумбу — по случаю осени уже перекопанную и освобожденную от цветов — Елена лично участвовала в ее облагораживании каждый год. Этот не был исключением. На перекопанной земле не оказалось ничего, похожего на следы. Как и на траве, покрытой белесым ковром росы.

— Не может быть, — прошептала Елена Михайловна.

Муж кивнул, и они снова, сантиметр за сантиметром осмотрели всю границу и газон вокруг нее.

— Но я слышала, — снова прошептала Елена Михайловна.

Муж снова кивнул, закрыл глаза и шумно втянул воздух, как большая собака. Елена Михайловна отошла на несколько метров от него и сделала то же самое. У них обоих было острое обоняние, выходящее далеко за границы чувствительности обычного человека к запахам.

Цветочный народ пахнет медом и сладкой цветочной пылью, их запах всегда долго держится в воздухе. Так обычно их и выслеживают. Но... парк пах как и должен пахнуть парк в середине осени. Сыростью, мокрой опавшей листвой, начавшей разлагаться, немного плесенью и землей. Ничего особенного.

Они снова медленно прошли вдоль границы, внюхиваясь, вслушиваясь, рассматривая каждый кустик, каждый комок земли. Ни единого следа.

— Не понимаю, — наконец, сказала Елена Михайловна, останавливаясь.

— Я тоже, — сказал муж. — Давай обойдем парк. Где-то должны быть следы.

Елена Михайловна кивнула. Если предположить, что цветочная тварь пересекла границу в прыжке, чтобы не оставлять следов, далеко уйти она все равно смогла бы. Переход оглушает даже их. Тварь могла затаиться в тихом углу парка. Или в беседке. Идти сразу в город, к незнакомым людям не в привычках цветочного народа. В первые дни после перехода они осторожничают, приглядываются, изучают мир. В этот момент их особенно легко взять. К тому же, в местном воздухе слишком много свинца и дыма, а цветочные твари этого не выносят. Так что искать, искать и искать.

Они разделились. Прочесывать территорию Елена Михайловна умела и любила. Она увидела многое, чего не заметили бы обычные люди. Но ни следа того, кого она искала. Она верила себе, своим глазам, своему обонянию. Она знала, что ничего не могла пропустить. И

все равно обошла свою половину парка по второму разу.

Муж вышел к границе одновременно с ней.

— Пусто, — сказал он, хотя мог бы и не говорить.

Елена Михайловна вздохнула.

— Я подумал... может быть, это был прорыв с нашей стороны? — спросил муж. — Может быть, кто-то ушел?

— Кто? Ходить через границы умеют только цветочные твари.

На самом деле, охотники тоже могли нырнуть в прореху во время охоты. Но сами открывать границы не могли. Для Елены Михайловны это был единственный непонятный момент в их истории — как охотники расселились по мирам, как узнавали друг друга и передавали знания, если не умели путешествовать? Разве что некоторые умели. Но не она. И она не знала никого, кто умел бы. Может быть, раньше?

— Птица, зверь, — безнадежно сказал муж.

— Воробьи да вороны, — проворчала Елена Михайловна. — Ты же знаешь, это байки. Ни воробьи, ни гагары, ни козодои — никто из них не может нарушить границу.

Муж положил ей руку на плечо, притянул к себе.

— Мы все равно найдем эту тварь. Ты же знаешь.

— Да, — согласилась Елена Михайловна. — Конечно, найдем.

Жаль, что не получилось быстро. Но медленную охоту она тоже любила.

Часть 2. Естественный отбор. Глава 1. Шестое чувство

Я проснулась без будильника. Чувство времени вернулось ко мне совсем недавно, недели две назад. И когда я, открыв глаза, первый раз поняла, что знаю до секунды, сколько сейчас времени, я по-настоящему обрадовалась. Хотя искренне думала, что это уже невозможно.

Нет, в первое время после перехода я ждала, что вот-вот ко мне начнут возвращаться все мои чувства и способности. Но день шел за днем, месяц за месяцем... Ожидание сменилось верой, вера — надеждой, а потом угасла и она. Не знаю, почему я выжила в то темное время — спасла ли меня клятва, или Софья Степановна — женщина из дома-интерната, которая взяла меня на работу без документов, без рекомендаций, без жилья. Последнее, впрочем, меня волновало мало, я могла бы продать одно из своих оставшихся украшений и снять комнату где-нибудь рядом с интернатом, как уже делала сразу после перехода. Но Софья Степановна выделила мне место в комнате для персонала, так что на одну бытовую проблему стало меньше. Я ухаживала за стариками, мыла их, кормила, меняла одежду, слушала их разговоры... И плакала от бессилия, что не могу почувствовать, что у них болит, не могу ничего изменить, исправить. Потому что раньше — смогла бы. Мне не хватало этих способностей, как воздуха, как воды, как света.

Зрение, слух, вкус, обоняние и осязание — вот все, чем я пользовалась долгих три года. И это, между прочим, весь набор, который доступен типичным жителям этого мира. Все, что выходит за рамки восприятия первичными органами чувств, здесь называют по-простому — «шестое чувство». У одних это интуиция, у других — ориентация в пространстве, у третьих — восприятие магнитных полюсов планеты. Гипервосприятие органами чувств тоже попадало под «шестое» чувство. Однажды в приступе особенно плохого настроения я сосчитала все «шестые чувства», которыми я пользовалась в нормальном состоянии, до того, как оказалась здесь. Их оказалось двадцать четыре. Не считая умений, которыми я обладала с рождения, но которые потерялись при переходе. И если на восстановление чувств я все-таки могла надеяться, потому что наша нервная система обладает хорошей памятью, то как поведут себя врожденные способности к целительству, я не знала. Генетическая память, по идее, не должна была никуда исчезнуть. Но теория и практика — разные вещи. Я перестала об этом думать, когда потеряла веру в то, что стану такой, как раньше.

Но сейчас, поднимаясь с постели, я впервые за много дней задумалась, что делать дальше. Не в смысле, в какой очередности принимать душ, завтракать и одеваться, а в самом глобальном смысле. Регенерация началась. Пройдет полгода или год, может, пять лет, но я все равно вернусь в прежнюю форму. Что тогда?

Заниматься тем, чем я всегда занималась, то есть лечить? Без документа о местном образовании я не смогу. А местное образование — это шесть лет. И здесь медицина была той, которую я любила меньше всего — синтетические лекарства, биохимические костыли, грубая хирургия.

Уходить в мир, более подходящий для жизни? Сколько сил уйдет на такой переход и смогу ли я восстановиться? У меня не было желания экспериментировать. Да и какой мир для меня теперь более подходящий? В любом месте могут оказаться охотники. Снова заводить семью, устраивать безопасное убежище, дрожать за каждый шаг? Нет, я не готова.

Я вообще не готова жить, раз уж на то пошло. Но, кажется, тетушка Гацания была права. Каждый раз, когда я опускала руки, падала в прямом и переносном смысле на дно и думала, что все, больше я не сделаю ни шагу, проходило немного времени, и я снова поднималась, очищала себя от обломков прошлой жизни и продолжала жить дальше. Более того, не просто продолжала, а искала пути подняться вверх. Сейчас я находилась на плаву. У меня были документы, работа, место для жизни и даже небольшие сбережения. Клятва, чем бы она ни была и как бы она ни действовала на нас, работала. Даже когда я была против.

Попробовать найти своих в этом мире? Эта идея приходила мне в голову не в первый раз. Помню, года два назад в библиотеке я изобразила крайнюю растерянность и сказала, что мне нужны книги по истории народа, у которого нет своей родины, которых всюду подстерегают враги, который вынужден скитаться по всей земле. Меня отправили в отделы иудаизма, антисемитизма и истории Израиля. Вдоволь налюбовавшись чернобровыми носатыми лицами, я признала, что ошиблась. Наш народ не имеет ничего общего с евреями. Зато я просветилась по поводу местных мировых религий, и это было очень полезное знание. Итак, можно попробовать найти своих. Но неизвестно, как это делать. И есть ли они в этом мире.

Продолжать двигаться дальше? Но куда? В чем смысл моей жизни? Я не знала. Сейчас не знала. Но кажется, в прошлой жизни ответ мне был известен. А вот прямо сейчас мне нужно наконец выбраться из-под одеяла, добежать до душа и отправиться на работу. Завтракать придется уже где-то по пути, потому что время, отведенное на завтрак, я посвятила планам на будущее. Полезное дело, но на него можно потратить не то что минуты — часы и даже сутки.

Я вошла в пустой, темный еще кабинет и сказала «Доброе утро!». Видимо, поздоровалась с местными обитателями: двумя молоденькими фиалками, роскошным лохматым папоротником и старой изогнутой солянкой. Нет, я не понимала язык трав и цветов, но я знала, что они гораздо более живые, чем выглядят, хотя и не чувствовала этого.

Работа... работа у меня простая. Я и не претендовала на большее. Главное, чтобы хватало на еду, кое-какую одежду и оплату жилья. Мне с трудом удалось добыть самые необходимые документы для жизни, благодаря все той же Софье Степановне, ее связям и моему амулету, который помог ее дочке забеременеть. Амулет был простенький, сделанный еще в до перехода сюда, и сделан был на всякий случай — для миров, где не было знаний о контрацепции. Он всего лишь менял цвет в дни, когда женщина была фертильной, вот и все. Но этого оказалось достаточно, чтобы дочка Софьи Степановны стала мамой, а сама Софья Степановна раздобыла мне паспорт. Я подозревала, что паспорт принадлежал кому-то из тех людей, которых привозили зимой в наш морг, но предпочитала не спрашивать. С паспортом я смогла получить какие-то не очень понятные мне карточки и даже запросить копию аттестата, а год спустя сменила чужую фамилию в паспорте на свое родное имя. Так началась моя легальная жизнь. Но диплома о специальном образовании у меня не было. А судя по аттестату, училась я из рук вон плохо. Это значило, что никакой работы сложнее отправления и получения почты, мне не светит. Собственно, моя работа заключалась именно в этом: получить письмо с техническими требованиями, передать в отдел дизайна, в назначенный срок забрать макет и отправить в редакцию. Потом купить журнал, вырезать оттуда страницу с нашей статьей, оторвать обложку и подшить все это в папку. И таких папок у меня было около сотни — по числу изданий, с которыми сотрудничала компания, где я работала.

Я вздохнула и села за свой стол. Теперь, когда ко мне начали возвращаться мои шестые, седьмые и остальные чувства, мое занятие начало казаться мне бессмысленной тратой времени. И подозреваю, чем дальше, чем больше я буду становиться собой, тем меньше любви будет у меня вызывать моя работа. Особенно в такие дни, как сегодня, когда переделаны почти все дела перед большими выходными и у меня будет свободное время...

Что ж, доброе утро, компьютер, доброе утро, стол, доброе утро, я. Кем бы ты ни была, Крепис, давай-ка заканчивай свои самокопания и занимайся тем, за что тебе платят деньги. И кстати, для начала не забудь позавтракать.

На кухне, как всегда по утрам, было многолюдно и шумно. Руководители отделов и директор компании приходили на час позже нас и потому многие предпочитали этот час «работать» на кухне. Нет, даже прожив три года среди этих людей, я все еще с трудом понимала их. Да, первое открытие меня ждало, когда я открыла их учебник по биологии и выяснила, что у них две спирали ДНК. Я первый раз встречалась с такими существами. Более того, я всегда думала, что внешне они будут сильно отличаться от нас. Но нет! Как раз внешних отличий было не так уж много. В массе своей они были выше, но не настолько, чтобы мой рост казался чем-то аномальным. У них были более густые и красивые волосы, больше похожие на шерсть животных или гривы лошадей. Маленькие круглые уши, сидящие по бокам. И большие круглые глаза. Когда я впервые увидела людей, то подумала, что шансов выжить у меня мало. Мне казалось, мы отличаемся как небо и земля. Но за три года никто не заподозрил во мне чужака, представителя другой расы, а это значит, что мы действительно очень похожи. И те отличия, что заметила я, несущественны для остальных. Но их поведение было для меня настоящей загадкой.

— А Кристина у нас будет эльфом, — услышала я голос Валентины. — Правда, Кристин?

Я оторвалась от заваривания чая и обернулась. Валентина и ее подруги, видимо, придумали что-то гениальное и теперь пытались воплотить свою идею в жизнь. Я их боялась. В числе их увлекательных затей был двухдневный сплав по реке на байдарках, дикая пиратская вечеринка в парке отдыха и ночная экскурсия по городу. В этих планах был единственный недостаток — они были оторваны от реальности. Так, ровно середина речного маршрута пролегла через территорию электростанции, куда нас, естественно не пустили, и нам пришлось идти в обход по лесу. Естественно, байдарки мы несли на себе. На пиратской вечеринке через десять минут после разжигания костра к нам прилетел вертолет пожарной охраны и лично потушил огонь. Сырое мясо и холод почему-то не вызвали радости у участников, хотя потом Валентину все утешали, что она «не виновата». А экскурсия по ночному городу была даже по-своему увлекательной, пока мы не выяснили, что по ночам муниципальные туалеты закрыты, а кафе работают до двух часов ночи...

— А что мне придется делать?

— Ну, мы планируем вечеринку...

Я напряглась. Еще одну вечеринку? Зимой?

— Надеюсь, не с костром? — уточнила я на всякий случай.

Все рассмеялись. Вообще, я не всегда понимаю, почему некоторые мои слова вызывают бурю хохота. Но я научилась делать вид, что у меня такая своеобразная манера шутить.

— Да нет, в офисе. Завтра, в конце дня. Все равно после обеда уже работы не будет. Но все должны прийти в костюмах с самого утра. И так работать.

— В костюмах, значит? — мрачно спросил кто-то рядом со мной. Это оказался мальчик

из монтажной. Кажется, мы с ним были единственными, кто не разделял общего энтузиазма. — Я буду в костюме менеджера, так и быть, надену костюм и галстук.

Видеомонтажеры не вели деловых переговоров, поэтому одевались более вольно, чем большая часть офиса. А непосредственно этот мальчик, кажется, вообще носил только джинсы и клетчатые рубашки. Не помню, чтобы я видела его в чем-то другом.

— Неет, Матвей, так не пойдет! — возразила Валентина. — Каждый отдел будет представлять легенды и мифы какой-то конкретной страны. Рекламщики нам визуализируют кельтскую мифологию...

— Почему?

— Да у них там каждый второй — тролль. Одна Кристинка как эльф.

— Хорошо, — согласилась я, — как скажете. Эльф — значит, эльф. Главное, чтобы не я одна завтра в костюме пришла.

Они снова засмеялись, а я забрала свой чай, достала из холодильника яблоко и пошла в кабинет. Надо бы посмотреть, кто такие эти эльфы и из чего состоит их костюм.

Глава 2. Эльфы

«Эльфы — северного происхождения. Об их облике мало что известно, кроме того, что маленького роста и предвещают беду». Хотела бы я посмотреть на тех, чей облик предвещает беду. Вот скажем, охотники. Облик у них самый обычный. То есть обычный для того места, где они живут. Я видела и чернокожих охотников, и тех, у кого кожа отливала серебристым блеском, будто тонкая рыба чешуя. Видела хрупких, как богомолы, и громоздких, как поднявшийся на задние лапы медведь. Но я не могла по их облику понять, что они предвещают беду ровно до того самого мгновения, пока не понимала, что передо мной охотник.

Я закрыла книгу. Это был Хорхе Луис Борхес, «Книга вымышленных существ». И пользы от этого справочника оказалось совсем немного. И хотя меня предупреждали, что википедии верить нельзя, я все-таки отправилась туда. Не-е-ет, Борхес был неправ! Про облик эльфов википедии было известно достаточно много. И главным в облике эльфов оказались острые уши и длинные волосы.

Сначала мне показалось, что все будет просто: зеленая туника, обтягивающие коричневые лосины, желтый обруч в волосы... И вдруг мелькнула внезапная догадка. Я отогнала ее как невероятную. Но с каждой новой фразой догадка возвращалась. Холодком потянуло вдоль позвоночника, заledenели кончики пальцев. К концу статьи меня затрясло. И когда я дочитала до синдрома Вильямса, про недостающие двадцать генов в седьмой хромосоме, я чуть не застонала вслух. Они все неверно истолковали! Эти «недостающие» гены компенсировались другими. Вам не понять, у вас другая генетика.

Я поняла окончательно, куда попала. Здесь не было никого из наших. Здесь мы жили очень-очень давно. Так давно, что здесь нас считают выдумкой. Видимо, в этом мире тогда еще не было охотников, раз мы даже пытались сблизиться с местным народом. Синдром Вильямса — самое очевидное тому доказательство. Вообще-то, мы стараемся образовывать семьи только со своими. Я не настолько сильна в генетике, чтобы определить, что будет при слиянии настолько разного генетического материала. Странно, что от такого сочетания могут рождаться дети. И не просто рождаться, а еще и жить довольно долгое время. Но раз люди с таким сочетанием генов все еще появляются, значит, это были не единичные случаи. Значит, такие семьи возникали часто и у них рождались дети. И вполне вероятно, что интеллект у потомков первого поколения от таких браков был развит на уровне если не нашего, то хотя бы человеческого. И если бы они, в свою очередь, вступали в брак с такими же как они или с кем-то из нас, то интеллект бы не пострадал и дальше... Но потом что-то пошло не так. Может быть, в этот мир нагрянули охотники. А может быть, случилось что-то еще. Какие-то генные аномалии. Если бы я могла найти кого-то с этим синдромом и посмотреть, в чем дело, то... Хватит, Крепис, — оборвала я себя. — Ты больше не можешь смотреть. Но если бы я могла смотреть! Если бы я могла...

— Кристин, ты не забыла, что завтра все приходим в костюмах?

Передо мной стоял мой руководитель. Начальница. Не знаю, как ее называть. Глава клана рекламщиков. Черные-пречерные волосы, нос с горбинкой, огромные глаза, вечно пылающий взгляд. Иногда она приходила на работу в пять утра. Иногда не приходила совсем. Творческий человек, в отличие от меня. Ей можно.

— Не забыла. А ты кем будешь?

— Я-то? — она пожала плечами. — Может, тоже эльфом, как и ты. Может, друидом. В любом случае, мы должны завтра взять приз.

При слове «приз» оживились все присутствующие.

— А что за приз? А какой приз?

— Ходят слухи, что это будут билеты на новогоднее представление в цирк или большой дизайнерский торт.

Я постаралась изобразить должную степень радости. Увы, я многого не понимала в этом мире. Например, чем дизайнерский торт отличается от недизайнерского, или почему, если очень хочется попасть на представление, нельзя купить билеты самому? Впрочем, что такое цирк, я тоже знала очень приблизительно. Кажется, там по команде дикие животные прыгают через огонь и бросают друг другу мячи. Не думаю, чтобы мне там понравилось.

— Эх, жаль, я побрила ноги, а то бы пришла в костюме хоббита, — вздохнула Оксана.

— Не было у кельтов никаких хоббитов, — возразила Ирина. Ирина всегда и всем возражала. — Хоббитов придумал Толкин.

— Ой, ну подумаешь, что Толкин, а не кельты. Какая разница, кто кого придумал? — завелась Оксана. — Вон в «Братстве кольца» и эльфы, и хоббиты, все как-то уживаются.

— Я бы не сказала, что они уживаются.

— Я хотела сказать, что эльфов, которые в «Кольце», совсем не Толкин придумал. Может, до нас просто не дошли легенды про хоббитов? — не сдавалась Оксана.

— А до Толкина дошли?

— А до Толкина дошли!

— Так, девочки, — крикнула начальница, — только давайте не будем ругаться на почве эльфов.

Девочки замолчали.

Так, «Братство кольца» мы тоже запомним. И еще не забыть посмотреть, кто такие друиды и хоббиты, чтобы завтра хотя бы примерно представлять, кого изображают мои коллеги. Я с трудом дождалась конца дня, чтобы быстрее оказаться в одиночестве. Мне не терпелось как следует порыться в кельтской истории, немецких легендах и в старинных рисунках. Везде, где упоминались эльфы. А еще я ждала конца дня, потому что мне было тяжело общаться с людьми.

Странно, но никогда раньше мне не было так сложно вписываться в социум. По нашим меркам я еще нахожусь ближе к молодости, чем к зрелости, но едва ли мне кто-то рискнул бы сказать «поживи с мое» или упрекнуть в недостатке опыта. Я жила в разных мирах с разными социальными отношениями. В этом городе, на первый взгляд, все было просто. Главное — иметь паспорт, работу и все будет хорошо. Но не для меня.

Мне все они казались детьми. Маленькими, не очень воспитанными и неглубокими детьми. Мне казалось, что они не делают ничего полезного для своего народа, для своей жизни, для человечества (как они себя называли). Они постоянно что-то обсуждали, чем-то были заняты, работали, работали и еще раз работали. И все равно оставались ровно на том же месте, что и ребенок, научившийся читать, писать и считать, и только-только подобравшийся вплотную к настоящей учебе — к познанию мира и себя. Причем они вели себя так, словно подозревали, что им еще чему учиться, но когда-нибудь потом. Будто впереди у них много сотен лет жизни. Даже мы, которые можем позволить себе потратить десятки лет, чтобы найти ответ на какой-нибудь ничего не значащий вопрос типа как видят мир собаки, никогда не транжирили время настолько бессмысленно.

Да, не проходило ни дня, чтобы я не вспоминала Террэгана и Дармину. Я любила их обоих, но по-разному. Они были частью меня и их места в моей душе все еще болели ноющей фантомной болью. Я не думаю, что она когда-нибудь прекратится. Первый год, который я провела здесь, я просыпалась в ужасе каждую ночь. Мне снились пепел и дым, запах вереска и крови, чужое дыхание за спиной и плеск волн, разбивающихся о голову Ястребинки. Я видела океан крови и белки глаз на обгоревшем лице, черный стилет в груди Гацании и черную кровь на одежде Нивяника. Потом кошмары прекратились, и засыпая, я точно знала, какой сон придет ко мне. Охотник, который догнал меня. В моих снах это случалось всегда одинаково. Появившись из тумана, охотник не падал на дороге, лишь спотыкался, а потом догонял меня и вспарывал живот черным стилетом, который я все еще сжимала в кулаке. И я просыпалась от острой боли. Только болело почему-то сердце. И каждый раз я думала, почему даже во сне я не могу ударить его? Ведь стилет у меня, а не у него. И каждый вечер перед сном я обещала себе, что попробую ударить охотника первой. И никогда не помнила о своем обещании во сне. А однажды, совершенно случайно, я выпила на ночь чай с ромашкой и охотник не пришел ко мне. С тех пор у меня дома всегда большие запасы ромашкового чая. Спасибо за помощь, сестра.

Глава 3. Изображая себя

Я смотрела на себя в зеркало. Вчерашнее изучение всемирной паутины не прошло даром. Я всегда туго заплетала косу, низко спуская пряди на лицо, чтобы волосы плотно прижимали уши. Но сегодня я оставила волосы распущенными и кончики ушей пробивались наружу. Зеленый свитер, кожаный ремень и коричневые брюки. Если я правильно поняла местную идею эльфов, то мне положен еще какой-нибудь плетеный браслет или амулет. Эх, если бы у меня было время, я бы сплела, конечно, настоящий эльфийский амулет клана астр, из белых, желтых и розовых нитей! Но времени у меня не было. Я заглянула в свою сумку, которую не открывала уже очень давно. В боковом кармане лежали, завернутые в сухой лист клена, медальон Дармины и кольцо Террэгана. У меня и в мыслях не было использовать их для украшений. Но в моей сумке могли валяться и другие вещи, о которых я совсем забыла за эти годы. Я достала мешочек с заготовками и высыпала их на стол. Большинство из них, конечно, будут выглядеть достойно только после обработки. Но тогда их совсем нельзя будет носить как украшения. И тем более так, чтобы их видели посторонние глаза. Кроме, пожалуй, одной. Синяя заколка в форме звездного лирохвоста. Уж не помню, как она у меня оказалась и у кого я ее купила. И, главное, зачем. Впрочем, купила и купила, неважно.

Я приладила ее к широкому воротнику свитера и решила, что на этом костюме имени себя можно считать законченным. Я убрала мешочек в сумку и снова посмотрела на стилет. Он так и лежал, не завернутый ни во что. И я даже не помню, вытирала ли я его. Несколько раз я порывалась выбросить его, особенно когда кошмары стали совсем невыносимыми. Но каждый раз меня останавливал страх. А если кошмары не прекратятся и тогда, что мне нужно будет выбросить? Себя? Часть своей памяти? И к этому примешивалось странное чувство — что он еще мне пригодится. Какая-то древняя история, которую я никак не могла вспомнить, про то, что оружие против нас может обернуться против того, кто его применяет. Для этого нужно было что-то сделать, но я не помнила, что. Ладно, есть множество вещей, которые я пока не могу. Придет время и вспомню.

В лифте я стояла спиной к людям и смотрела на расстилающийся город внизу. Никогда раньше я не жила в таких огромных городах. Да, в таких огромных лифтах, построенных снаружи небоскребов, я тоже не ездила. Но к лифтам привыкаешь быстрее, чем к городу. Я смогла привыкнуть даже к постоянному запаху плавленной резины, к свинцу и пыли в любую погоду. Я научилась дышать этим воздухом, в котором было мало кислорода. Но я так и не привыкла к тому, что здесь столько людей и столько домов.

Иногда город даже казался красивым, как сейчас. Густые сумерки, темно-синее небо, подсвеченное снизу огнями дороги, бесконечным потоком машин, скоплениями домов... Но очарование длилось недолго. Стоило посмотреть на небо и вспомнить, что здесь никогда не видно звезд. И очень редко видны рассветы.

Или просто пройтись по улицам и посмотреть на здания. Этот город построен отдельно от природы, а местами даже вопреки ей. Возможно, когда он только зарождался, строители учитывали течение рек и направление ветров, может быть, они даже думали о том, чтобы он органично вписывался в пейзаж — наверняка тогда вокруг было много лесов. Но всего за какую-то неполную тысячу лет вокруг города не осталось ничего, кроме его отростков-пригородов и пустых клочков искаленной земли. Иногда мне хотелось остаться здесь надолго и все изменить: место, город, землю. Несмотря на то, что я понимала, что в

одинокую на решение такой задачи понадобится не год и даже не десятилетие. И еще, конечно, обязательно будут нужны союзники.

Я прошла мимо девочек секретарей с косичками вокруг головы и в белых рубашках с красными вышивками на плечах. Причем эти наряды выглядели на них куда более естественно, чем те, в которых они обыкновенно являлись на работу.

— Привет, девочки. Вам идет быть русскими красавицами.

Маша фыркнула.

— Вообще-то мы собирались быть русалками.

— Но потом решили, что наших хвостов все равно никто не увидит, — сказала Галя.

Я привычно поздоровалась с пустым кабинетом, взяла кружку и пошла на кухню за чаем. Там почему-то еще никого не было. То ли я пришла слишком рано, то ли все опаздывают по случаю последнего рабочего дня в году...

Я включила чайник и задумалась о том, сколько всего нужно сделать за десять дней каникул. Во-первых, нужно срочно найти хороший учебник по генетике человека и прочитать, как у них обстоят дела с расшифровкой генного кода вообще и про седьмую хромосому в частности. Во-вторых, нужно обязательно съездить в лес. Найти какой-нибудь лес, хоть за сто километров и поехать туда. А еще лучше найти какой-нибудь домик в лесу и пожить там пару дней. В-третьих, нужно все-таки выяснить, куда делись эльфы и не осталось ли каких-нибудь официальных потомков. В-четвертых... стоп, у меня всего десять дней, это не так уж много.

— Привет! Клёвые уши!

Я вздрогнула и обернулась. Рядом со мной стоял Матвей и с нескрываемым восхищением разглядывал кончики ушей. Я отступила на шаг.

— А ты здорово загримировалась. Настоящий эльф, — сказал он с восхищением.

Я горько улыбнулась. Знал бы он, как недалек от истины.

— А ты сам почему без костюма?

Мальчик был все в той же клетчатой рубашке, кожаных брюках и, кажется, в уличных высоких сапогах.

— У меня костюм ковбоя. Шляпа осталась в кабинете.

— Ковбоя? А где же твои коровы?

Он засмеялся.

— Обычно все спрашивают, где моя лошадь.

Я чуть не спросила, при чем здесь лошадь, но вовремя сдержалась. В конце концов, пора привыкнуть, что не все слова сохранили свой первоначальный смысл. Почему бы не быть ковбоем без коровы? Может быть, в итоге так стали называть всех пастухов, а не только тех, кто пас коров... Сколько времени мне понадобится, чтобы полностью освоиться здесь? И нужно ли мне осваиваться здесь? Ну вот, снова самокопания на пустом месте. Первый признак избытка свободного времени. Я вздохнула, заварила свой чай и ушла в кабинет.

День шел как обычно. Оксана и Ирина помирились и изображали хоббитов, у обеих были одинаковые подвески в форме колец, кудрявые парики и тарелки с кексами на столах. Да, забавные мифы у этих ваших кельтов — включать туда кексы. Интересно, а что в таком случае должны есть эльфы? Судя по начальнице, которая тоже изображала эльфа, питаться мы должны исключительно зефиром и вишнями. Одета она была в белое длинное платье почти до пола, на которое ушло столько ткани, что если использовать ее более рационально, то ее хватило бы как минимум на четыре нормальных человеческих платья. А то и на пять,

если коротких. Пальцы у нее были унижены кольцами с камнями, глаза увеличены на пару размеров при помощи макияжа, волосы завиты в безумные кудри, а голову венчала диадема. Я делала вид, что мне совсем не смешно, но когда пыталась представить в таком виде кого-нибудь из наших, улыбалась до ушей. Иду я значит, по лесу, а навстречу мне Астра. Нет, не идет, а стоит и выдирает из зарослей орешника все эти клинья и воланы. И подол весь уже густо утыкан семенами репейника и головками чертополоха. И намок от росы... Крррасота и величие. Или скажем, наклоняется кузина Ромашка к роднику, а корона с ее головы — бултых и в воду... Почему здесь считается, что красивые наряды должны быть непрактичными?

Впрочем, мой костюм у начальницы восторгов не вызвал.

— Кристин, а нельзя было надеть какое-нибудь романтическое платье? Что это за сафари-стайл? Тебе слава Леголаса покоя не дает, что ли? Тогда нужно было взять лук...

— Зато все узнают во мне эльфа.

— Да с такими ушами в тебе узнали бы эльфа, даже если бы ты пришла в деловом костюме, — фыркнула она.

Я пожала плечами.

— Что же мне теперь, бежать переодеваться? Да и нет у меня никаких платьев.

Остальные были кто в чем. Света — в зеленом сарафане с открытыми плечами и венком из живых зеленых листьев. Кажется, она как раз изображала друида. Обе Вали сообщили, что они феи.

— А вот кстати, — спросила я. — Феи были добрыми или злыми? Я никогда так толком и не могла понять.

— Они были красивыми! — с апломбом заявила начальница. — А красивых женщин никогда невозможно понять. Вспомните, как на кострах сжигали ведьм. И всегда это были самые красивые женщины...

Я не смогла заставить себя слушать дальше. У них сжигали людей на кострах? До сих пор я думала, что на подобную жестокость могут пойти только охотники. И то... Они как правило вели себя очень осторожно, если охотились поодиночке. Постепенно подбирались к жертве, выслеживали, иногда пытались войти в доверие, завязать отношения... чтобы проще было убить втайне и скрыться незамеченными. Они ведь чаще всего были коренными жителями миров. А убийство запрещено или, по крайней мере, сурово наказывается во всех мирах. Даже этот не был исключением. Но как, как люди могут сжигать себе подобных и спокойно говорить об этом? Даже если это было много лет назад, даже если они сами в этом не участвовали? Что не так с их генами, что они воспринимают запредельную жестокость как норму и даже не плачут о жертвах?

И снова я считала часы до конца дня. Но сегодня мне было гораздо хуже. На вечер была намечена та самая вечеринка. С нее нельзя было уйти просто так, потому что она проводилась в рабочее время. Теоретически можно было остаться в кабинете и работать, если у тебя действительно была работа. Но кто мне поверит, что в четверг, тридцатого декабря, в четыре часа вечера у меня остались срочные дела?

Конечно, я вместе со всеми пришла в зал, где уже были расставлены угощения. Шампанское, бутерброды, зимний безвкусный, но очень красивый виноград, тонкие ломтики сыра и коробки шоколадных конфет. Все, что нужно для милой дружеской вечеринки. Но эти люди не были мне друзьями. Более того, меньше всего на свете я собиралась с ними дружить. Я собиралась улизнуть минут через двадцать и отсидеть остаток

дня у себя за столом. А прямо сейчас я собиралась выпить шампанского, если получится.

— Кристин, тебе что-нибудь налить? — внезапно услышала я. Конечно, это был Матвей. Просто день Матвея у меня сегодня какой-то.

— Шампанского, — ответила я, искренне надеясь, что интересуется он из чистой вежливости, как приставленный к бутылкам, и когда настанет время свободного общения, общество девушек из его отдела окажется куда более привлекательным, чем мое. Тем более что девушки из его отдела изображали весьма нескромных барышень дикого Запада и со смехом обещали, что станцуют канкан, если их достаточно хорошо напоят.

Мои ожидания не оправдались. Я стояла рядом с нашими феями и делала вид, что участвую в разговоре о встрече Нового года. И вдруг я почувствовала, кого-то за своей спиной. Я обернулась как раз вовремя, чтобы заметить, как Матвей одернул руку.

— Извини, не могу удержаться. Никогда не видел таких красивых эльфийских ушей! — он улыбался совершенно простодушно, но я начала злиться. Я не люблю, когда меня пытаются потрогать. И думаю, что не нужно быть эльфом, на которого охотились, чтобы не испытывать восторга, когда твои уши пытаются потрогать посторонние люди.

Матвей увидел мое лицо и осекся.

— Извини, пожалуйста. Я не хотел тебя обидеть...

— Знаешь, что мне кажется странным? — я старалась говорить вежливо и в то же время достаточно сухо. — Что человек делает что-то не то, доставляет неприятности другому, чувствует себя виноватым... и после этого вместо того, чтобы попросить прощения за свои поступки, приказывает тому, кого обидел, перестать чувствовать обиду на обидчика.

— Я не очень понимаю... — он выглядел совсем растерянным.

— Ты говоришь «извини». Ты приказываешь мне извинить тебя. Не просишь. Не признаешь свою вину. А требуешь, чтобы я не ставила тебе в вину то, что ты пытался сделать...

Он покраснел.

— Прости меня, пожалуйста. — Матвей дернул плечами. — Мне казалось, это одно и то же. Извиниться и попросить прощения.

— А мне — нет, — отрезала я.

Я смотрела на него в упор и молчала. Разговор был исчерпан. Но с другой стороны, я не хотела поворачиваться к нему спиной. Я не была уверена, что Матвей уйдет, а не останется стоять рядом.

— Ты хотел что-то сказать? — спросила я, когда молчание стало совсем тяжелым.

— Да, — кивнул он. — Мы с Людой, моей девушкой, идем на новогоднюю вечеринку в английском стиле. Она хотела надеть костюм эльфа, но не может найти ушей. Я хотел спросить, где ты покупала свои.

Я чуть не рассмеялась.

— Далеко. И я их не покупала. Мне их подарили... давным-давно.

Матвей уныло кивнул.

— Я так и думал. Мы не видели в магазинах ничего похожего. Или очень грубое и видно, что пластиковое. Или более-менее красивое, но непонятно как крепить.

— Театральным клеем, — сказала я. — Уши можно приклеить театральным клеем.

— О, — сказал он. — Интересно. Откуда у тебя такие тайные знания?

Я пожала плечами. Не говорить же ему, что эти знания я получила морге дома престарелых.

— На то они и тайные, чтобы не выдавать их источник.

Матвей улыбнулся.

— Спасибо за совет.

— Всегда пожалуйста. Только больше не пытайся потрогать мои уши без спроса.

— Обещаю, — ответил Матвей и снова улыбнулся. — Кстати, у тебя очень приятные духи. Баленсиага?

Я неопределенно покачала головой. Он ушел к девушкам из своего отдела, которые уже давно махали ему пустыми бокалами. А я смотрела ему в спину и мне очень не нравилось происходящее. Второй день он оказывается рядом со мной. Слишком близко, чем позволяют правила приличия. Ближе, чем разговаривают простые знакомые. Улыбается. Хочет потрогать. Слышит мой запах. Сердце тревожно толкнулось в груди. Неужели охотник? Неужели и здесь — охотники? Нет, только не сейчас. Впрочем, они никогда ведь не спрашивают, когда.

Я поставила бокал с шампанским на стол, протолкалась к выходу и ушла. Мне снова стало страшно. Наверное, даже страшнее, чем тогда, когда я обернулась и увидела вынырывающего из тумана охотника. Тогда мне просто повезло, что он оказался неопытным путешественником. А могло бы и не повезти.

Глава 4. Грустные мысли

Все маяки в мире выглядят вблизи одинаково странно. С одной стороны, слишком просто и буднично, с другой стороны — неестественно. Особенно если стоять спиной к морю. Хотела бы я знать, кто заботится о работе этого. Или может быть, здесь просто стоит автоматический выключатель, который зажигает свет по сигналу из диспетчерской? Какое-нибудь региональное отделение всемирного управления безопасностью морского сообщения и навигации. А может, вообще все намного проще — фотоэлементы, реагирующие на наступление темноты, вне зависимости от времени суток. Ведь бывают низкие тучи, закрывающие солнечный свет даже в полдень. Если на этом маяке есть люди, что скажут они, когда я постучусь к ним и попрошу у них пожить... день, два, год? А если там нет людей, то есть ли там возможность жить? Я знаю маяки, которые представляют собой просто трубу с неудобной спиральной лестницей на внутренней стене и огромный фонарь сверху. И знаю маяки, у которых лестница идет снаружи, потому что никакая полая труба не выдержит бушующих в тех местах ветров и весь маяк сделан из цельного плотного камня. Как же много я знаю всяких разных вещей — и как мало тех, которые действительно могли бы помочь мне справиться с ситуацией.

Наверное, впервые я оказалась в полной растерянности. Даже три года назад, попав сюда вообще без ничего, я не ощущала безысходности. Впрочем, я тогда ничего не ощущала, а следовала встроенному в гены алгоритму: уйти как можно дальше от перехода, не оставляя следов. Продать украшение или амулет, когда понадобятся ночлег, еда или одежда. Не выделяться. Слиться с местными жителями. Тогда меня гнала клятва, если верить тетушке Гацании. И я верила, потому что с мертвыми спорить нельзя. Если я выжила, то только потому, что не смогла умереть. А сейчас? Мне не угрожает непосредственная опасность. Но если дожждаться момента, когда она начнет угрожать, то будет совсем поздно. И потом, все что я могу сейчас, — это чувствовать время. И немного острее, может быть, запахи и звуки, хотя до гиперчувствительности мне все еще очень и очень далеко. Я не смогу не то что укрыться в убежище, я не смогу даже найти его. Не говоря уже о том, чтобы сменить мир.

В этом мире я пока нашла единственное относительно безопасное место — маяки. Но брат с сестрой тоже жили у маяка... и их это не спасло. Я снова посмотрела на фотографии маяка, на план побережья, на вид сверху. Одна дорога. Если все время находиться сверху и наблюдать за ней, то можно успеть спуститься и уплыть на катере. Куда? Куда, кто бы мне сказал, я смогу уплыть?! На другой берег залива? А если на дороге появится автомобиль на скорости сто километров в час? Далеко ли я успею уплыть? А если это будет амфибия — автомобиль, который может двигаться под водой? А долго ли я смогу жить без сна? Потому что если сидеть на маяке и весь день следить за дорогой, а ночью ложиться спать, то это довольно дурацкая затея. Я вытерла слезы. Истерика — плохая помощница, когда нужно принимать важные решения, от которых зависит жизнь.

Хорошо. Начнем сначала. Есть три варианта: Матвей — охотник, он вышел на мой след и будет теперь вести меня, либо пока не найдет способ убить, либо пока не убедится, что я здесь одна и ни к кому его не приведу. Второй вариант: Матвей — «слепой» охотник. То есть он происходит из семьи охотников, но ничего не знает ни о себе, ни о нас. В конце концов, здешняя картина мира не включает ни переходов между мирами, ни эльфов. Если не на кого охотится, то как они смогут поддерживать себя в рабочей форме? Может, и правда,

охотники забыли о нас много веков назад? Так, что-то осталось на уровне генетической памяти, но он не понимает природы своих чувств и тем более не знает, что делать дальше. Третий вариант: я просто нравлюсь Матвею. Маловероятно, но почему бы и нет? Хотя в таком случае он едва ли стал бы рассказывать мне о своей девушке. И потом, я не соответствовала местным канонам красоты, скорее, наоборот. И я была старше его. Дело было не только в моем настоящем возрасте. Если я правильно интерпретировала их продолжительность жизни, я могла бы претендовать на звание самого старого жителя на Земле. Но во-первых, собственно на Земле я прожила всего три года, а во-вторых, у меня не существовало никаких документальных подтверждений возраста, кроме клеточной информации, но эти маркеры здесь еще не научились читать. Ладно, хватит шутить. Я выглядела старше него. Лет так на пять-семь. А это уже достаточно большая разница, по местным меркам, чтобы не относиться к женщине как к возможному партнеру...

Но когда охотники выслеживают жертву, они ведут себя почти как обычные люди, которые испытывают симпатию к человеку. Стараются оказаться рядом с объектом своей влюбленности, находят возможность поговорить, перебраться шуточками, побыть вместе. Но есть одна неуловимая нота, это самое «почти». Охотники чуть-чуть переступают эту грань. Разговаривая, они подходят чуть ближе, чем позволяют правила приличия. Оказываясь рядом, всегда следят глазами... С каждой новой встречей охотник все глубже и острее чувствует свою жертву. Чем дольше длится контакт, тем больше может охотник — рано или поздно он начинает чувствовать, здесь ли жертва или нет, ее настроение и даже может предугадывать простейшие желания и действия. Хуже всего бывает, если допустишь физический контакт. Он начинает ощущать твое присутствие в радиусе нескольких километров. Расставляет сети, чтобы в них попало как можно больше жертв. Я вздрогнула, отгоняя воспоминания. Два раза я уже попадала в эти ловушки — не распознала охотников. Но там были другие миры. Совсем другие.

Сменить работу? Уехать в другой город? Остаться и понаблюдать, как Матвей будет вести себя дальше, чтобы точно понять, кто он такой? Как жаль, что мы очень мало знаем об охотниках. И все-таки кое-что мы знаем!

Глава 5. Социальные сети

Люди — такие беззащитные с этой игрушкой под названием «социальные сети». Как будто мир вокруг теплый и ласковый, и нет в нем ни воровства, ни грубости, ни зависти, ни хамства... Как будто им никогда не приходилось срываться с места и уходить, как будто за ними никто никогда не следил...

За каких-то три часа я выяснила о Матвее все, что хотела. Друзья Митя и Витя. Интересы — автомобили и самолеты, все как положено обычному мальчику. Невеста Людочка. Еще несколько милых девушек в друзьях — это правильно, Людочке тоже с кем-то нужно будет общаться после их свадьбы. Школа, институт, дача, работа... Все выглядело очень мирно и обычно. Если бы не брат Иван. Имена братьев могли быть, конечно, совпадением. Но в сочетании с фамилией — Гавриловы — вероятность родителей-охотников резко возрастала. Причем охотников не слепых, а тех, которые знают, что делают. Гаврил, Габриэль — небесный покровитель охотников. Еще когда я читала их книги по религии, я запомнила, каких фамилий мне стоит опасаться — от имен Михаил и Гавриил.

Родителей в соцсетях мне найти не удалось. И это мне тоже не понравилось. Правда, чем старше человек, тем меньше времени он проводит на этой свалке чужих виртуальных биографий. Так что всякое бывает...

По-хорошему, мне стоило уехать сразу. В любой другой город, чем дальше отсюда, тем лучше. И я даже начала прицельно рассматривать карту страны. Но быстро споткнулась о важный фактор — деньги. Да, сюда я попала вообще без денег и документов. И мне удалось выжить. Но у меня не осталось больше ничего, что можно продать.

Я не очень хорошо знаю это государство и его устройство. Зато я хорошо знаю, что если для покупки билета нужен паспорт, то твои имя и фамилия оказываются в сети и при небольшой изобретательности легко оттуда извлекаются. Снова менять имя и фамилию? На это уйдет месяц или даже больше, это я уже знала.

Еще я знала, что если человек несколько дней не моется и плохо ест, то у него мало шансов начать незаметную тихую жизнь. И чем дольше тянутся эти несколько дней без еды и душа, тем ниже шансы. Жизнь на улице тоже по-своему незаметна, но заканчивается плохо и быстро. Если мне захочется умереть, то я выберу, пожалуй, охотников — мучительно и больно, зато быстрее по сравнению с изнасилованиями, побоями и ограблениями.

Поэтому если уезжать — то на электричке. И хотя бы с небольшим запасом денег, чтобы можно было снять комнату или квартиру в таком месте, где тебя не ограбят и не изнасилуют в первый же вечер. И потом нужно очень быстро найти работу, потому что деньги имеют свойство заканчиваться, причем быстро.

Увы, мне не повезло. Новогодние каникулы не только заморозили все объявления по работе, но и резко подняли цены на съемное жилье. Особенно в дальних городах, окруженных лесами. Моя же квартира, которую я снимала, оплачена до конца января. И если я уйду, не бросив работу, а уволюсь по всем правилам, то еще получу какую-то сумму. И за две рабочие недели можно попробовать найти себе работу и жилье в другом городе. Поэтому я решила пока остаться, переждать праздники, но вести себя крайне осторожно.

А пока меня, как и всех, ожидают каникулы. Город большой, Матвей не знает где я живу и едва ли чувствует меня настолько, чтобы отыскать среди нескольких миллионов. Зато благодаря его блогу я точно знаю, как он проведет свои каникулы и куда мне совершенно не

стоит ходить, чтобы избежать ненужных встреч

Глава 6. В лесу

В первый день нового года я решила поехать в лес. Выбрала станцию, которая называлась «Сто первый километр», собрала термос, бутерброды, яблоко и апельсин, с вечера бросила в рюкзак запасные варежки и носки. Я собиралась весь день бродить среди деревьев, валяться в снегу, слушать скрипы сухих веток под ветром и сухого снега под ногами. В этот день страна спит почти до вечера, компенсируя бессонную ночь. Единственный день, когда я чувствую себя спокойно.

Сначала все так и было. Я выехала на ранней электричке, до рассвета. В вагоне было тепло и пусто. Я приготовилась смотреть в окно, но видела в нем только свое отражение. За всю дорогу так никто и не вошел в вагон. Забавно, если во всем составе окажется один пассажир — я.

Рассвет я встретила в лесу. Я специально не уходила далеко от платформы. Лес, настоящий густой еловый лес начинался справа от нее, а слева была только узкая полоса деревьев, за которыми тянулся холмистый берег реки. Река замерзла и, засыпанная снегом, угадывалась с трудом. Я стояла на вершине холма и смотрела на восток. Низкое зимнее небо светлело, делалось словно бы стеклянным, подсвеченным изнутри. Потом синий цвет стал уходить вверх, а снизу потек желтый, прозрачный, как лимонный сок свет. Он продвигался вперед медленно, но все движение было заметно. У холмов сначала появились огромные неясные тени, а потом они начали сужаться, приобретать очертания. И, наконец, из-за горизонта показалось оно — зимнее солнце. Неяркое, с розоватыми, словно румяными щеками от облаков вдалеке. И на снег легли желтые яркие блики, а в глазах заплясали солнечные зайчики. Я смотрела на солнце не шурясь. Оно не дарило тепла, но оно несло свет и настоящий, хоть и такой далекий? огонь. Когда нижний край оторвался от горизонта, я взяла пригоршню снега с того места, где солнечное пятно было особенно ярким и умыла им лицо.

Я перешла через рельсы и двинулась по дороге в лес. Дорога была наезженной и вела в деревню, поэтому я прошла по ней совсем немного, метров сто, а потом свернула прямо в снег. Идти было легко, снег еще не покрылся коркой льда, не сваялся в плотную массу, а был пушистым, невесомым, как в начале зимы. Я слушала треск неизвестных мне птиц, теньканье синиц, крики ворон. Один раз забралась под огромную еловую лапу, где снега было меньше и не задувал ветер и выпила горячего кофе. Есть не хотелось, я посидела немного и пошла дальше. Впереди у меня был целый день.

Я вдоволь налюбовалась белым снегом, чистым зеленым цветом еловой хвои и начала развлекаться. Сначала нашла след мышек, видимо, выбегали из-под снега за шишками, вынула из кармана немного семечек и бросила возле их возле входа в норку. Потом мне на глаза попался размашистый смешной след зайца и я немного прошла по нему, вдруг захотелось увидеть этих смешных зверьков с большими ушами и мощными лапами. Может, я бы даже вышла к их гнезду, но вдруг услышала тихое дыхание совсем в другой стороне. И это был не человек. Я остановилась и прислушалась еще раз. Кто-то дышал с присвистом, редко и неглубоко и словно бы тихо подскуливал на вдохе. Мне стало любопытно. Лисица? Волчонок? Одичавшая собака? Я медленно пошла на звук. Минут через десять вышла на небольшую поляну. Звук стал громче, ближе. Но я все равно не понимала, кому он принадлежит. Нет, это был не большой зверь. Надеюсь, я его не спугну. От меня все-таки

слишком сильно пахнет городом.

Я осмотрелась и увидела, как едва заметно покачиваются ветки на одной ели. Тихо и осторожно подошла и заглянула сквозь занавесу зеленых лап. У ствола, на снегу лежала собака и отчаянно дрожала. Рыжая, с короткой шерстью. Ей явно было холодно, и кажется, она была в коме. Глаза, во всяком случае, у собаки были закрыты. И я только несколько секунд спустя поняла, что с ней не так. Ее пасть была туго перетянута обрывком веревки. Вот почему она так странно дышала и даже не могла скулить! Бедная!

Я проломилась сквозь ветки и подхватила собаку на руки. Вытащить на поляну, развязать веревку, посмотреть, что у нее с глазами... Я сделала два шага и чуть не упала. От шеи собаки к стволу тянулась веревка. И только тогда я заплакала. Кем бы ни был этот человек, охотники по сравнению с ним — верх милосердия. Они по крайней мере убивали сразу, а не вот так — бросая привязанными в лесу, да еще завязывая пасть... смерть от жажды и холода. Я не представляла, что бывает такая жестокость.

Собаку пришлось снова положить на землю. Она не открыла глаза, но только чуть вздохнула и дернулась боком, словно смирилась со своей судьбой — быть оставленной зимой на снегу.

— Тихо, маленькая, не дергайся, я не брошу тебя. — прошептала я. От звуков голоса собака неожиданно приподняла хвост сделала попытку свернуть его колечком и вильнула из стороны в сторону. Я снова заплакала.

Отвязать веревку от дерева не удалось. Вернее, собака была привязана не веревкой, а широкой брезентовой лентой, которая намертво примерзла к стволу. Или ее облили водой... Я надеялась, что из веревки можно будет сделать петлю, чтобы удобнее нести собаку. Все-таки она была не совсем уж маленькой, ее вес оказался вполне ощутимым для меня. Ну, ладно, донесу до электрички так, не умру. К ошейнику лента крепилась за металлическое кольцо, его снять оказалось не сложно.

Я присела рядом с собакой и осмотрела узел на веревке, которой была замотана собачья пасть. Развязывать нужно было быстро и не дергая в разные стороны. Морда уже вспухла, веревка врезалась глубоко и собаке наверняка было очень и очень больно. Вот где пригодился бы стилет!

Увы, у меня с собой был только маленький ножик, и пилить веревку им я опасалась — можно порезать собаку. Я положила ладонь на широкий собачий лоб и попросила:

— Потерпи немного, сейчас будет больно.

Собака снова обессилено дернула кончиком хвоста. Бедный лучший друг человека.

Я развязала узел довольно быстро и осторожно размотала веревку. По крайней мере, я надеялась, что осторожно, потому что собака не дергалась под моими руками и не издавала больше своих странных скулящих звуков. Но зато, кажется, она выпала из своей бесчувственной комы, из того состояния, которое бывает, когда ты еще жив, но понимаешь, что это скоро закончится. Она не делала попыток подняться на ноги или даже открыть глаза, едва ли она пришла в сознание. Но она поняла, что с ней что-то происходит, а это главное.

Я подняла ее на руки, прошла несколько шагов и остановилась. Я забыла об одном важном деле. Вчера была новогодняя ночь, едва ли собаку привели в лес прямо перед праздником. Значит, она в таком состоянии находится больше суток. И ей очень хочется пить. И кофе в моем термосе наверняка не тот напиток, который ей нужен. К тому же я не знаю, как местные животные относятся к кофеину. Поэтому я утоптала небольшой кусочек снега, размотала свой шарф и постелила на эту площадку. А потом переложила туда собаку,

прикрыв концами шарфа. Собака продолжала дрожать и, вероятно, будет дрожать еще долго. Не это сейчас самое страшное. Я достала термос, налила полный стаканчик кофе, дождалась, пока стакан не согреется настолько, что начнет обжигать мне пальцы и выплеснула кофе. А в стакан набрала немного снега. Он начал таять, я болтала в нем горячими пальцами, чтобы снег побыстрее превратился в воду.

У меня получилось примерно полстакана воды. И тут обнаружилась проблема. Чтобы собака пила, она должна быть в сознании, чтобы прийти в сознание, ей нужно попить. Ваши предложения, Крепис? Я мысленно еще раз извинилась перед собакой, поддела рукой ее морду и нащупала большим пальцем уголок губ. Я еще не встречала животных, которые не открывали рот после того, как им надавливали в это место. Да, немного болезненно, но выхода у меня нет. Напоить собаку нужно обязательно, хотя бы немного. Я вздохнула, нажала пальцем на десну, собака приоткрыла рот. Язык, сухой, распухший и лиловатый, вывалился наружу. Я капнула на него немного воды. И еще немного. Прошла целая вечность, прежде чем собака втянула язык обратно, а потом уже открыла пасть сама и сделала лакающее движение языком в воздухе. Я снова плеснула воды на язык. После второго или третьего раза собака открыла глаза, и хотя взгляд еще был малоосмысленный, она потянула носом воздух. Видимо, искала стакан. Я поднесла его к ее пасти и она сама вылакала остаток воды. Попыталась встать и не смогла.

— Лежи, лежи, — успокоила я ее.

Я вылила из термоса весь кофе и положила туда немного снега. Да, конечно, термос потому и термос, чтобы сохранять температуру, неважно какой она будет. Но если холодный снег положить в горячую емкость, то они придут к компромиссу — горячее остынет, а холодное нагреется.

После этого я снова взяла собаку на руки, замотала шарф, чтобы он проходил между лапами, по брюху — там, где она лежала на снегу и там, где у нее совсем не было шерсти. Конечно, лучше всего было бы сунуть ее под куртку, но собака была слишком большой. И я сама бы замерзла, и собаку бы не согрела.

На дорогу мы вышли довольно быстро и на мгновение у меня мелькнула мысль идти в деревню, проситься согреть собаку... Но вдруг это будут те самые люди, которые ее привязали в лесу? И даже если нет — пустят ли меня в тепло? Это ведь не на полчаса и даже не на час. Я повернула к платформе.

Мне повезло, электричка загудела в тот момент, когда я только стояла у расписания и пыталась понять, сколько мне придется ждать. В вагоне мне повезло второй раз — он оказался очень теплым и пустым. Я выбрала сиденье над самой печкой и положила на него шарф, а сверху собаку. Руки ныли. Ничего, пройдут. Я же понимала, что собака тяжелая, хотя и не выглядела очень крупной. Мы проехали две станции и я поняла, что уже согрелась. Я сняла куртку и укутала сверху собаку. И спустя четверть часа она перестала, наконец, дрожать. Ну вот, теперь можно выдохнуть. Собака выживет. Если бы она не согрелась за все два часа дороги, было бы уже сложнее. Я порылась в рюкзаке, но конечно же, не нашла ничего, чем можно было бы обработать ее пораненную морду. Ладно, это может потерпеть до дома. Я гладила ее большой лоб, трогала маленькие уши и надеялась, что она не отморозила их. На лапы и живот я пока предпочитала не смотреть. Конечно, они будут обморожены. Конечно, их придется лечить, и мне еще предстоит понять, как.

Дома мы оказались чуть позднее полудня. Я удивилась, когда это поняла. Мне казалось, что прошел целый день и что мое чувство времени снова подвело меня. Но часы

подтвердили, что я не ошиблась.

В доме, в котором ты не прожил сотню лет и в который ты покупал только самое необходимое, трудно найти подходящую вещь, из которой можно сделать гнездо. Так что я просто взяла подушку, обернула ее своим огромным свитером и положила все это рядом с батареей. Рядом поставила тарелку с водой. Еда сейчас для нее не главное, я знала по себе. Мне приходилось замерзать в лесу, правда не связанной и не с завязанным ртом, но свое состояние я помню очень хорошо.

Я положила собаку на подушку. Подумала, не укрыть ли бедного зверя и решила, что пока не нужно. Она снова попыталась подняться, но только слегка изменила свою позу. Из скрюченного коlobка она превратилась просто в лежащую собаку.

Я присела рядом с ней. Ее взгляд все еще был мутным. Что ж, если бы она начала лизать мне руки, я бы удивилась больше. Но вот то, что она не может встать, может быть совсем плохим знаком. Я медленно, позвонок за позвонок оцупала позвоночник. Вроде бы все в порядке. Конечно, у моих пальцев пока еще нет нужной врачу чувствительности, я пока не способна понимать происходящее глубоко внутри организма, но повреждения позвоночника вполне могу распознать. Могла бы распознать, если бы они были. Их не было. Я перешла к лапам. У нее были странные лапы — очень аккуратные и в то же время мощные. Красивые, ровные, в меру мускулистые. Видно, она знала лучшие времена и лучших хозяев. Наконец, я рискнула и развернула их подушечками. Да, там все оказалось плохо. Сбитые, в ранах, на когтях почерневшая кровь и комки земли. Земли? Там все было в снегу, а он выпал два дня назад. Значит, собаку привязали так давно? Люди, люди, я не хочу быть вашим другом.

Я вымыла ей лапы в теплой воде, вытерла, снова оцупала подушечки. Нет, кажется, больших обморожений нет. Настолько больших, чтобы прибегать к помощи хирурга. С остальным я справлюсь своими силами. Даже с этими страшными на первый взгляд ранами на морде.

Пользуясь тем, что собака спит и будет спать еще долго, я ушла в аптеку. Аптекарьша, пожилая женщина с добрыми измученными глазами (ну, правильно, кто еще согласится работать в круглосуточной аптеке первого января) с участием посмотрела меня и на мой набор — глюкоза и раствор Рингера, система капельниц, бинты, вата и жидкости для промывания ран. И я отважилась спросить у нее совета.

— Вы не подскажете, чем можно обработать обмороженные раны, чтобы быстрее заживали? — и не зная, зачем, я добавила. — Я собаку нашла... привязанную в лесу.

— С обмороженными лапами?

— И с перевязанной мордой. Там тоже раны.

— Вот смотри, — она сняла с полки флакон. — Пантенол. Пена. Брызгаешь прямо на обмороженные участки. На лапы. А для морды — вот это. — Она положила рядом другой тюбик, — на морду. Если нет инфекции. — Рядом лег третий тюбик. — А это, если инфекция есть... Подожди.

Она вышла куда-то в свою подсобку, благо других посетителей в аптеке не было, и вернулась через пару минут. К моим покупкам добавился еще один тюбик.

— Это норковый вазелин, я тебе просто так отдам, он у нас просроченный, продавать нельзя. Смазывай собаке лапы перед прогулкой. А то они в собачьей обуви не любят обычно гулять. — Она вздохнула. — Я пару лет назад сама с дачи привезла своего... Он к автобусной остановке примерз, бедный. Все хозяев ждал...

Я поняла, что плачу, и еле выговорила:

— Спасибо.

Она вздохнула.

— Это тебе спасибо, дочка. Все больше привязывают, чем спасают.

Я расплатилась, она сложила мои покупки в пакет. Пантенол и что-то еще оказались действительно дорогими, но я отнеслась к этому спокойно. Заживление ран никогда не было дешевым делом.

— И вот еще что... Первое время корми понемногу. Лучше всего детским питанием, мясное пюре с овощами... Оно и усваивается лучше, и точно качественное.

— Спасибо за подсказку, я бы не догадалась. — Я смогла улыбнуться. — Пойду куплю заодно.

— Как назвала своего найденьша?

— Пока не знаю. А вашего как зовут?

— Эрик. Он пахнет вересковым медом. Эрика — вереск по латыни.

— Хорошее имя, — согласилась я.

Глава 7. Сказка

Когда я вошла в дом, то не поняла, что за стук раздается из комнаты. Словно кто-то несильно колотит палкой по полу. Не снимая одежды, не разуваясь, я бросилась в комнату. Мало ли что — вдруг прорвались ненадежные трубы и горячая вода хлещет на пол, а у меня там больная неходячая собака! Стучала не вода из трубы, а собачий хвост. Собака изо всех сил колотила им по подушке, видимо, приветствуя меня.

— Привет-привет, — пробормотала я, наклоняясь к ней. Значит, она все чувствовала и понимала. — Есть будешь? Или сначала на улицу?

На улице собака явно испугалась. Наверное, решила, что счастье закончилось и теперь ее снова оставят в холоде. Я поставила ее на снег. Она покачнулась, но не упала, обернулась на меня и посмотрела так, словно не верила, что снова оказалась на холоде и на снегу. У меня запершило в горле.

— Делай свои дела и пойдем домой, хорошо?

Собака послушно присела на снег там, где я ее поставила.

— Ну, еще будешь? Или все?

Собака опустила голову попыталась улечься тут же, на проплавленное в снегу желтое пятно. Я подхватила ее на руки. Вообще, входить с подъезд и открывать три замка в квартире с собакой на руках очень и очень непросто. Но опустить я ее не рисковала. Слишком испуганный она вдруг стала. Если подумать — немаленький хищник, с мощными лапами и грудью, с крепкими челюстями и острыми зубами. Она могла бы, если бы захотела, жить на улице, нападать на людей, отбирать любую еду, которая понравится... Но она не хотела. В ней тоже не было каких-то генов, отвечающих за агрессию. Только ли в ней или в остальных собаках тоже? Я не знала.

Я вообще мало знала собак. У меня никогда не было собак и ни у кого из нашего семьи. Разве что какие-то единичные случаи, про которые я слышала давно. Хотя никаких проблем в общении с собаками у меня не было, когда я с ними встречалась случайно, мысли принять в свою семью собаку — или как здесь говорят «завести» — не было ни разу. Я не представляла, как собаки переносят переходы, как они поведут себя во время охоты. Мне казалось, что они, несмотря на близость к природе, все же способны выдать человека. Они не могут залезть на дерево или прыгнуть на далекую кочку, спрыгнуть с высокой скалы... А значит, при бегстве собаку пришлось бы бросить. А это так же неверно, как бросать ребенка. И еще — я не могла бы прокормить собаку. С точки зрения природы собака — хищник. Значит, ей нужно мясо. Как его добывать? Мне передергивало от мысли, что каждый день придется приносить домой кусок вчера еще живого животного... Но за весь день с того момента, как я нашла собаку, ни одна из этих мыслей не пришла мне в голову. Я не знаю, почему. Видимо, есть ситуации, из которых бывает только один выход. Вне зависимости от доводов рассудка. И эта ситуация относится к их числу.

И только совсем поздним вечером, когда мы с ней вернулись домой после короткой прогулки, когда я отважилась дать ей немного детского пюре, а она с удовольствием его слизала, когда я обработала все ее раны и шрамы, включая страшное кольцо вокруг морды, иными словами, когда у меня не осталось больше никаких дел, ко мне пришло понимание — теперь уйти будет очень и очень сложно. Я не говорила себе невозможно — после своего марш-броска через два мира я точно знала, что мои возможности критической ситуации

намного превосходят мои возможности в обычной жизни.

Я расплакалась, когда мыла посуду. В общем, я не собиралась себя жалеть или что-то в этом роде. Мне просто было тяжело и не было ни одной души рядом, с кем я могла бы поговорить о своих проблемах, своих страхах и своих чувствах. Я не привыкла жить одна. Всю жизнь рядом — в пределах досягаемости — была семья: родители, тетушка Гацания, тети и дяди, кузены и кузины, брат с сестрой, другие клановые родственники. И вот я осталась совсем одна. И я даже не знаю, выжил ли после этой облавы кто-нибудь еще из наших. Встречусь ли когда-нибудь с кем-то из своих, смогу ли поговорить... Я не привыкла к своему одиночеству за три года. В конце концов, что такое три года на фоне трех сотен лет? Может быть, настанут счастливые времена, когда мне будет казаться, что эти года пролетели очень быстро, почти незаметно. Но пока — каждый день причиняет мне боль своим одиночеством.

Так, в слезах, я вернулась к собаке. И вместо того, чтобы сесть за компьютер и найти ответы на десяток вопросов, я уселась на пол у батареи и заговорила. Я рассказывала старинную сказку, рассказывала вслух, с выражением, как если бы рядом со мной сидела Дармине. Дочке, кстати, я так и не успела рассказать эту историю, она была слишком маленькой для нее. И теперь, заливаясь слезами, я представляла, что они все сидят рядом — и Дармина, и Террэган, и Ястребинка с Одуванчиком, хотя он и не любил своего имени и просил, чтобы его называли Данделайоном. Я не верю в перерождения, мы слишком долго живем, чтобы потом нам осталось что-то еще. Но я словно ощущала их присутствие, слышала их дыхание, и осторожные вздохи в самых тяжелых местах истории. Они были рядом.

Давным-давно в одном небольшом городе жила-была прекрасная девушка. Звали ее Астра. Этот городок стоял на склоне горы, рядом с глубокими шахтами. В шахтах день и ночь трудились жители города, поднимая на поверхность драгоценную руду. Все, кто мог, на рассвете спускались под землю, а вечером поднимались. Даже выходных у них не было, и только на один день они делали перерыв — на праздник Белого Огня, Белтэнэ. Они трудились так усердно, потому что жизнь всего города держалась на драгоценной руде. Но основатель города и шахты, старый-престарый Ильм не имел права творить ничего вечного и обязан был каждому своему творению обозначить срок жизни. И он написал на доске, рядом с названием города, число дней, по истечении которых руда закончится, а шахта заполнится водой. И по всему выходило, что день этот наступит через два года. И жители спешили. Руда стоило дорого, и уехав из города с запасом такой руды, можно было осесть в любом месте и не бояться ни тягот переезда, ни голодного года, ни враждебных взглядов. Но Астра не спускалась в шахту, она была слишком молода и к тому же не умела ходить. Она родилась со слабыми ногами. Ее мать вначале плакала, а потом привыкла. А через три года после рождения Астры в город зашел странствующий целитель, он посмотрел на ножки Астры, похожие на тонкие стебельки, растущие под землей и сказал, что девочка может ходить, но на лечение придется потратить несколько часов в день... Мать согласилась. Но прошел месяц, другой, а Астра все не поднималась на ноги и даже не делала попыток. И мать опустила руки, сдалась. В конце концов, она воспитывала девочку одна, и если кто-то и мог позаботиться об их семье, то только она. Как и все, мать Астры спускалась в шахту, копала руду и поднимала наверх в огромных плетеных корзинах. Потом руду растворяли в горячей воде, сушили осадок, и снова промывали, чтобы извлечь все, до последней крупинки драгоценного металла. Из полной корзины получалась горсть или того меньше. Чтобы наполнить рудой мешок — нужен был год или два.

Но однажды вечером, устав после особенно тяжелого дня, мать Астры плохо закрепила веревку на полной корзине, дала сигнал поднимать и не успела отойти. Корзина упала прямо на женщину. Так Астра осталась одна.

Астра, несмотря на то, что не умела ходить, в остальном не отличалась от сверстниц. Она умела читать, писать и считать, вышивать и готовить блины с начинкой. Она могла и убираться, но, конечно, не могла мыть полы. И еще она не могла содержать огород.

После того, как случилось несчастье и матушку Астры похоронили, девушка задумалась, как жить дальше. Если бы она могла ходить — она попросилась бы в помощницы по хозяйству или в няньки. Если бы она могла ходить — она могла бы уйти в деревню в горной долине и стать пастушкой или крестьянкой, убирать урожай, полоть грядки, доить корову... Ее казалось, что у нее хорошо получалась бы такая простая работа, которую она, к сожалению, совсем не могла делать... Ах, если бы она умела ходить! Конечно, сожалеть о том, чего нет, можно долго, но если ты хочешь что-то получить, нужно переходить от мыслей к делу. И Астра придумала план.

Когда на следующий день сосед возвращался из шахты к себе домой, Астра окликнула его и попросила зайти. Она рассказала, как ей тяжело живется после смерти матери, хотя и раньше было не очень-то сладко и что о ней совершенно некому заботиться, а когда настанет день, шахта истощится, а жители города разъедутся кто куда, никто не возьмет ее с собой — потому что зачем им безногая девушка, когда в телегу на ее место можно взять два мешка руды...

— В моем подвале, — сказала Астра, — лежит руда, которую добыла моя мать. Я не знаю, сколько там мешков, ну думаю, не меньше десяти. Девять ты сможешь забрать себе, если захочешь мне помочь.

— Я бы с радостью, но как? — сосед был немолодым уже мужчиной с больной спиной и морщинистым лицом. У него было шестеро дочерей и ни одного сына, и забота о будущем дочек заставляла его плечи горбиться, а сердце плакать. Но глаза у него были добрыми. Астра решила, что он ее не обманет.

— Девять мешков — это намного больше, чем ты добываешь за два дня. Поэтому я прошу у тебя два дня. Один — съездить в деревни и найти дом, куда меня возьмут в помощницы. Я хочу, чтобы эти люди заранее определили и сказали, чем я буду заниматься — каждый день, кроме праздника Белого огня...

— В деревне не так, как у нас, — неожиданно перебил девушку сосед, — там отдыхают каждую неделю. И есть еще праздники...

— Хорошо, — улыбнулась Астра. — Но когда работают они, я тоже хочу работать. А за это они должны дать мне кровать в доме, тарелку за столом и место у очага. А во второй день ты отвезешь меня к этим людям, договорились?

Сосед согласился. Прошла неделя, прежде чем он снова пришел в дом Астры.

— Я нашел три семьи, которые готовы тебя принять, — сказал он. — Первая — это рыбаки в самой дальней деревне, где река впадает в море. Отец, три сына и пожилая мать. У женщины больные руки, ей тяжело перебирать, потрошить и солить рыбу, а мужчины сердятся, когда им приходится заниматься этим делом — ведь они могли бы в это время быть в море. Они с радостью примут тебя.

— Что ж, — сказала Астра. — Хороший вариант, у меня всегда будет еда.

— А еще они обещали брать тебя с собой на рыбный базар, несмотря на то, что ты не можешь ходить. Сказали, что в лодке места хватит на всех.

— Я хочу услышать про остальные две семьи, — сказала Астра.

— Вторая семья — портные в городе с той стороны перевала. Две дочери и сын. Родители надеялись, что растят себе помощников, но сын ушел в наемные солдаты, старшая дочь вышла замуж и уехала, а младшая слишком хорошо вышивает, чтобы заставлять ее стирать, отпаривать швы, делать грубые стежки и отпарывать наметку. Этим придется заниматься тебе. К тому же, родители думают, что и младшая дочь выйдет замуж и уедет.

— Что ж, — сказала Астра, — в этой семье я всегда буду одета. А что третья?

Сосед вздохнул.

— Я думал, ты выберешь из этих двоих.

— Почему?

— Ты красивая девушка, Астра. И тебя легко будет обидеть, ведь у тебя нет быстрых ног, чтобы убежать в случае чего. Это хорошие, порядочные люди — и рыбаки, и портные, я расспрашивал о них.

— А что же третья семья, они разбойники? — удивилась Астра.

Сосед снова вздохнул и покачал головой.

— Ты честно отработываешь свою плату, — ободрила мужчину девушка, — рассказывай до конца. Иначе зачем ты сказал мне о третьей семье?

— Никакая это не семья, — сознался сосед. — Это отшельник. Он живет в лесу, что лежит ниже по склону. Он лекарь, но лечит не всех и не всегда. Я заблудился на обратной дороге и случайно попал к нему в пещеру. У него много трав и всего такого... ну я не знаю какого... баночки, горшки... пахнет странно. Он вроде бы добрый, напоил меня чаем, вывел на дорогу. Но я не хотел ему рассказывать про свои дела, то есть про тебя, а рассказал. И он взял с меня обещание, что я все равно расскажу тебе о нем.

— И что я должна буду делать? — спросила Астра. — Сушить травы, готовить порошки?

— Слушать все, что он говорит. И записывать, что он скажет, только это.

— Почему же ты не хотел рассказывать мне о нем?

Сосед сгорбился еще больше.

— Он одинокий мужчина и вряд ли часто видит женщин, а ты молода и хороша собой. Я боюсь, что он может тебя обидеть. И никто не сможет тебе помочь.

— Он старый? — подумав, спросила Астра.

— Я не знаю. Он из цветочного народа. Наверняка он намного старше нас с тобой, но выглядят они все на один возраст, будто года текут мимо них.

— Он уродливый?

Сосед пожал плечами.

— Я не знаю. Мне они все не нравятся.

— Хорошо, — сказала Астра. — Мне нужно подумать, хорошо подумать над выбором.

— У тебя есть неделя, — ответил сосед. — Раньше я не смогу выбраться.

Пять дней думала Астра, взвешивала все варианты, искала хорошее и плохое в каждой семье. Иногда бывало так, что она ложилась спать и думала, что выбрала окончательно, а просыпалась и понимала, что не хочет прожить такую жизнь. Ей не с кем было посоветоваться, а у самой девушки было слишком мало жизненного опыта, чтобы принять верное решение. У нее было даже меньше опыта, чем у любой ее ровесницы — ведь она редко бывала за порогом дома и мало с кем общалась.

Но делать нечего. Вечером седьмого дня к ней зашел сосед.

— Завтра можем ехать. Ты готова?

— Готова, — ответила Астра.

— Тогда я хочу получить свою плату.

— Ты выполнил только половину уговора, — ответила Астра. — Можешь получить половину или забереешь всю, когда отвезешь меня.

— Как же я заберу, если увезу тебя?

Астра рассмеялась.

— Я отдам тебе ключ от подвала.

— Тогда я возьму половину сейчас.

Астра попросила соседа взять лампу, разжечь и поставить на пол, за печкой. Мужчина выполнил просьбу девушки и когда лампа разгорелась, с удивлением обнаружил, что Астра находится рядом с ним, на полу. Да, она не умела ходить, но она умела ползать и не видела в этом ничего предосудительного.

Астра нащупала на груди шнурок, сняла его через голову — там висел ключ. Девушка провела ладонью по половице, нашла нужно место и надавила. Половица поднялась в сторону. Под ней оказалась другая, с врезанным замком. Астра наклонилась, открыла замок и отодвинулась, освобождая место соседу.

— Теперь ты можешь открыть вход и спуститься. А я буду светить тебе отсюда лампой.

Когда сосед оказался внизу, Астра попросила сосчитать мешки.

— Один, два, три... девять. Их здесь девять.

Астра легла на край, свесилась вниз и пересчитала сама. Их действительно было девять.

— Четыре сейчас, четыре потом, — сказала она.

— Нет, — ответил сосед и поднял голову. — Четыре сейчас, пять потом. Мы договаривались о девяти.

— Один мне нужен самой, — тихо, но настойчиво сказала Астра. — И восемь — это тоже очень и очень много.

— Тогда я возьму четыре сейчас, уйду и больше никогда к тебе не приду. Ищи себе другого помощника, — ответил сосед.

Астра молчала долго. Сосед все это время терпеливо ждал внизу, в подвале. Наконец, Астра решила.

— Хорошо. Забирай сейчас четыре, а потом возьмешь остальные пять.

Сосед выволок наверх четыре мешка.

— Ты не обижайся, — сказал он, когда отнес три мешка к себе и стоял с четвертым на пороге. — Уговор дороже денег. Знаешь такую поговорку?

Астра кивнула, но в ответ только сказала:

— Жду тебя завтра утром.

Сосед пришел рано, как только небо начало светлеть, еще даже солнце не встало. Впрочем, Астра была готова. Она не ложилась спать этой ночью, собирала вещи, которые возьмет с собой, а которые выбросит, а какие можно кому-то отдать.

— Знаешь, я боялся вчера, что ты захлопнешь крышку подвала, и мне придется сидеть там, пока не соглашусь на твои восемь мешков...

Астра посмотрела на него с удивлением.

— Мне такое даже в голову не приходило.

— Да? — он нервно засмеялся. — Хорошая ты девушка, Астра. Но не хитрая, совсем не хитрая.

— А ты бы согласился?

— Смотри сколько просидел бы. Может, и согласился бы. Ну, давай свои вещи, отнесу в телегу.

Астра внимательно рассматривала его. Сосед изменился. Голос стал звонче, походка легче, плечи распрямились. Но глаза так и не стали злыми. Это было хорошо.

— Ну, куда едем? К рыбакам или к портным? — весело спросил сосед, неся девушку к телеге.

Астра подождала, пока он донесет ее, усадит и только тогда ответила.

— В пещеру, к отшельнику.

Вся веселость слетела с мужчины, как пыль с листа под мощным ливнем.

— Ты что, Астра? Ты хорошо подумала?

Астра серьезно кивнула.

— Я хорошо подумала. У рыбаков три сына. Они женятся и их жены будут помогать им солить рыбу. А сами рыбаки скоро умрут. Кому я буду тогда нужна? Портные тоже немолоды. Дочь их выйдет замуж и будет их содержать, когда у них глаза не смогут видеть, а пальцы — держать иголку. А зачем я их дочери? А цветочный народ живет долго.

— Но... — тихо сказал сосед. — Ты будешь жить одна, с мужчиной...

— У рыбака три сына. Кто меня защитит от них? — ответила Астра. — У портных сын вернется в отпуск, кто меня защитит от него?

— Я вижу, ты хорошо подумала, — сказал сосед.

— Да, — ответила Астра.

И они поехали. Сначала дорога была хорошей, потом в еловой чаще, в самом низком и темном месте они свернули на лесную дорогу, а потом с нее и вовсе на просеку, где не было никакой дороги, а деревья с разных сторон так плотно переплетались ветками, не пропуская света, что Астре казалось, будто они едут под землей.

— Мы точно туда едем?

— Точно, — ответил сосед.

— Мы не потеряли дорогу?

— Нет, не потеряли.

Наконец, сосед натянул поводья, заставляя лошадь остановиться. Астра осмотрелась. Вокруг была густая-прегустая чаща. Свет сочился сверху и его было мало. Огромные старые ели качали ветками, хотя ветра не было. Вся земля была густо усеяна желтой иглицей, сквозь которую только кое-где пробивалась робкая зеленая трава.

— Мы приехали, — тихо сказал мужчина и соскочил с телеги.

Он положил на обочину дороги мешок с вещами Астры, потом снял с телеги саму девушку и посадил рядом, на неожиданно теплую землю. Астра испугалась.

— Но ты же не бросишь меня здесь? Мы же не в пещере! Здесь никого нет!

— Мы договорились с ним, что я оставлю тебя здесь. Видишь? — он показал на сухое дерево справа от дороги. На стволе ножом была вырезана буква «А».

— А если бы я выбрала рыбаков, ты бросил бы меня в реку? А если портных — высадил бы на улице в городе за перевалом, да? — закричала Астра.

— Если бы ты выбрала рыбаков или портных, я отвез бы тебя к ним домой, — угрюмо ответил сосед. — А здесь уговор был другой.

Он взял лошадь под уздцы, выпряг и перевел вокруг телеги, привязал к дереву и потом развернул телегу. Просека была слишком узкой, чтобы можно было нормально развернуться.

— Но ты же не оставишь меня здесь?

— Оставлю, — ответил сосед. Он подошел к Астре, посмотрел на нее сверху вниз и протянул руку. Астра схватилась за нее, надеясь, что это была какая-то глупая шутка, что мужчина сейчас поднимет ее обратно на телегу, все объяснит и... Сосед вырвал ладонь из ее рук.

— Да не висни ты на мне, — крикнул он. — Давай ключ от подвала.

Астра прижала руки к груди.

— Нет, — сказала она. — Не отдам. Ты не выполнил свое обещание.

— Еще как выполнил, — вздохнул сосед. — Я оставил тебя в условленном месте, он придет и заберет тебя, когда я уеду.

— А как он узнает, что я здесь?

— Уж будь спокойна, еще как узнает.

Но Астра все не решалась отдать ключ. И тогда мужчина наклонился, нащупал у нее на шее веревку и снял. Ключ оказался у него в руках.

— Ты сама выбрала, — напомнил мужчина. — Хорошей тебе жизни. Надеюсь, ты не пожалеешь о своем выборе.

Он вскочил на телегу, взмахнул поводьями и вдруг обернулся. Астра смотрела ему вслед большими испуганными глазами. И только когда утих топот копыт, она заплакала. Плакала она долго. Уже и слезы кончились, и еще раз пришли и снова иссякли. Уже успела Астра подумать о том, что надо было попросить соседа передумать и отвезти ее к портным... или в рыбацкую деревню, или даже обратно домой. Но все эти спасительные мысли пришли слишком поздно. Не с кем было договариваться. Не на кого было обижаться, кроме как на саму себя... Астра ждала. Ничего не происходило. Света сквозь ели пробивалось так мало, что она не могла понять — наступил ли полдень или нет, может, уже день клонится к закату и скоро здесь станет совсем темно... Наверное, сложно поверить, но от слез и переживаний Астра неожиданно уснула.

Она проснулась от музыки. Кто-то пел нечеловеческим голосом где-то вверху. Но это была и не птица. Тонкие переливы были похожи на слова, но голос звучал не так, как разговаривают люди. И к тому же песня раздавалась сверху, из деревьев. Люди не умеют забираться в такую высь, даже если хотят петь.

Астра слушала, пока песня не закончилась и даже не замечала, как затекли у нее плечи и руки, что ее покусали комары, а одежда отсырела от ночной росы. А когда она это все заметила, ей уже не было так страшно как вначале.

"Такая песня стоит того, чтобы ее услышать", — подумала Астра.

Она не брала с собой в дорогу еды, надеясь на ужин в новой семье, потому что дома у нее уже не осталось продуктов. Да и вещей было мало, но чтобы не выглядеть совсем уж бедной, она положила для тяжести в мешок с вещами большую глиняную бутылку с водой. И вот сейчас Астра достала из покрытого росой мешка бутылку, ставшую за ночь холодной как камень, вытащила зубами пробку и сделала поток. Это была самая вкусная вода в ее жизни. Почти ледяная, чистая, как эта ночь с яркими звездами над головой. Астра медленно пила, чувствуя, как падает в желудок холодная вода. И вдруг снова услышала песню.

Это был другой голос. Гуще и грубее. Он тревожился и звал, как зовет мать из окна ребенка, а он долго не откликается. В голосе звучали нежность и страх одновременно, и в то же время они были спрятаны глубоко внутри грубой оболочки из угроз и требования немедленно вернуться домой. Астра вслушивалась изо всех сил, в надежде разобрать слова.

Ей казалось что вот-вот и она поймет их, узнает, кого зовет этот голос и кому он принадлежит. С каждой нотой в голосе нарастала тревога и вот она уже стала близка к отчаянию, когда нет никакой надежды и нет сомнений, что случилось что-то ужасное. И когда страху оставался ровно один шаг до того, чтобы перейти в панику, голос замолчал, резко оборвался, схлопнулся глухой каменной тишиной, как захлопываются ставни окна. И Астра заплакала вслух. Уже не от страха и не от того, что сосед бросил ее, безногую сироту, в лесу, а от того, что тревога, звучащая в голосе, залила ее сердце и выплеснулась через край, как выплескивается вода из полного кувшина.

Когда у Астры закончились слезы, оказалось, что наступил самый темный час ночи. Вокруг сгустилась тьма. Астра не видела даже кончиков своих сапог, сшитых из светлой кожи, даже пальцев протянутой вперед руки. Но почему-то девушке больше не было страшно. Она ждала, что неизвестные голоса споют еще, может быть, теперь вдвоем, но они молчали. Лес замер и притих. Астра всегда думала, что по ночам в лесу должно быть шумно, все животные, которые прячутся днем, вылезают из своих нор, укрытий, берлог и гнезд, начинают искать еду, шнырять по лесу, ходить к водопою, охотиться друг на друга... Ничего этого не было: ни осторожных шагов, ни треска бурелома... Даже ночные птицы не кричали. Астра разочарованно вздохнула. Такая долгая ночь — и ничего не происходит.

Астра стала обдумывать, что делать дальше, и решила, что дождется утра, а там потихоньку постарается доползти до дороги. Следы от телеги она сможет найти, а на дороге вдруг кто-нибудь да появится. Если же этот целитель из цветочного народа действительно придет за ней, он легко сможет найти ее. Хотя в душе Астра уже не сомневалась, что не было никакого целителя, и сосед сам придумал его, чтобы получить ее мешки с рудой. Может, рыбаков и портных тоже не было, кто знает?

Но время шло, рассвет все не наступал, спать Астре не хотелось, мысли все были обдуманы... И чтобы разбавить ожидание, она запела сама. Сначала тихо и робко, почти шепотом. Но ничего не происходило, никто не кричал на нее, не смеялся, темнота не стала злобной... И Астра запела в полный голос. У нее был приятный голос, но ничего особенного. Ничего такого, за что можно получить прозвание «золотое горло» или что-то в этом роде. Дома она часто пела себе и научилась придерживаться мелодии и верных нот. Астра выводила простые мелодии песен, которые ей пела мама, которые слышала из окна от прохожих и детишек. Сама она ничего никогда не сочиняла, ей в голову не приходило, что это можно делать. Но сейчас, ночью, в темноте, в ее голосе появились чувства, которых не было, когда она пела в городе. «Милые девы, плетите венки из роз, если вернутся свои — не заметят шипов», — пела она и чувствовала себя невестой, у которой жених ушел на войну, а ей остается одна неизвестность, и слезы катились по ее щекам, хотя она не знала ни что такое невеста, ни что такое любовь. «Не жди меня, моя река», — пела Астра и ей казалось, что это она солдат, который не может уснуть перед завтрашним сражением, потому что знает, что завтра ему предстоит умереть — врагов намного больше и они лучше вооружены. Но делать нечего, приказ есть приказ. «И вороны слетелись с окрестных земель, и сидят на деревьях, и ждут, ты не жди...» Она спела песню про мать, у которой дочка ушла служить к богатым людям — «розы, розы полет, белы ручки колет», потом про лошадь, у которой убили всадника, а она не может его бросить и приходит с ним, убитым, обратно домой, а ее за это продают... Наконец, все песни, которые Астра знала, закончились. Она поняла, что горло пересохло. Девушка нащупала в темноте бутылку и вдруг поняла, что забыла ее закрыть. И вся вода из бутылки вылилась. Астра потрясла пустую легкую бутылку,

перевернула над открытым ртом, но ни капли не вылилось в рот. И тогда Астра почувствовала внутри такую пустоту, словно у нее отобрали сердце, и душу, и все что оставалось человеческого, а взамен ничего не вложили, но заставили жить. И она не знает, как это делать, как жить, как существовать. Исчезло что-то важное и большое. Хотя если разобраться, ничего страшного не случилось — всего лишь вылилась вода. Вода, которую она брала, чтобы показаться в глазах других людей более богатой, чем есть на самом деле. Вокруг было полно травы, покрытой росой. Совсем рядом росли два больших лопуха, в листьях которых как в тарелках скопилось много воды и Астра могла бы их нащупать. Или немного подумать и вспомнить, что она их видела. Но она не думала, не вспоминала. Она закрыла глаза, прислонилась спиной к стволу сухого дерева и осталась так сидеть. Она не спала, не уходила в себя, не пробовала больше петь или думать. Просто сидела. И ничего не ждала. Как камень.

А потом кто-то потрогал ее за плечо. Она открыла глаза и увидела, что наступил рассвет. Небо стало светлым, у верхушек елей, которые вырисовывались на белесом фоне, появился розовый ореол. Астра повернула голову. Рядом с ней сидел мужчина. У него была золотистая кожа, тонкие черты, словно бы отлитые из гладкого хрупкого фарфора, синеватые волосы, больше похожие на атлас и странные глаза, отливающие тусклым серебром. Он был одет в куртку из мягкой зеленой ткани, и она выглядела такой теплой и уютной, что Астра сразу почувствовала, как озябла. Его рука, лежащая на ее плече, была почти невесомой, и такой же красивой, как и лицо.

— Ты Астра? — спросил мужчина.

— А ты целитель, которому нужна помощница? — ответила она вопросом на вопрос.

— Да, — сказал он. — И я пришел за тобой. У тебя есть с собой вещи? Возьми их на руки. А я возьму тебя.

Астра подтянула мешок, зачем-то сунула туда пустую бутылку, завязала.

— Я готова, — сказала она и с опаской посмотрела на мужчину. Он выглядел тонким и слабым. Сосед был шире его в плечах раза в два и крепче, но и то поднимал ее с трудом и вряд ли смог бы пронести больше ста шагов. А тут идти явно не очень близко.

— Меня зовут Селикс, — сказал он. Его голос улыбался. — Держись.

Он очень легко поднял ее на руки и пошел. Он шел ровным шагом, уверенно пробираясь между деревьями. Только иногда колючие кончики еловых лап дотрагивались до ее лица, но не больно, не царапая, а даже нежно. Дыхание Селикса не стало тяжелым и не сбилось даже через полчаса ходьбы. А потом они вышли на поляну, и Астра увидела родник.

— Можно мы остановимся? Я очень хочу пить.

— Мы пришли, — сказал мужчина. — Я сейчас принесу тебе воды.

— Зачем? — удивилась Астра. — Вот же вода, в роднике.

— Нет, она слишком холодная, ты можешь сильно заболеть.

Он посадил ее на траве, забрал у нее из рук вещи и только тогда Астра поняла, что не все ели были настоящими. Две оказались не более чем ветвями, торчащими из расселин камня. А за ними пряталась настоящая скала. Пещера отшельника!

Селикс скрылся в пещере, а Астра подползла к роднику. Она опустила руку, осторожно прикоснулась кончиками пальцев к воде и с коротким криком их одернула. Ей показалось, что она обожглась и прикоснулась к самому сердцу холода одновременно. Кончики пальцев, которыми она трогала воду, побелели. Астра поднесла их ко рту, надеясь согреть дыханием, но не получалось.

Селикс выскочил из пещеры.

— Что случилось? Кто тебя напугал?

— Никто, — покачала головой Астра. — Я потрогала воду пальцами.

— Я же предупреждал! — строго сказал Селикс.

Астра кивнула. Она поняла, что ей будет тяжело с ним. Он выглядел молодо. Не как мужчина, а как мальчик, который только завтра станет юношей. Но он жил здесь, один. Он нашел ее на рассвете в лесу, он мог нести тяжелую ношу несколько километров и не запыхаться, он приручил этот ледяной родник... Он очень-очень умный и много знает. И ей придется заставить себя его слушаться. Хотя глаза будут говорить обратное. Каждый день, каждую минуту.

Селикс убежал в пещеру и вернулся с маленькой бутылкой в одной руке и зажатой пригоршней сухих листьев в другой. Он смазал ее пальцы маслом из бутылки и велел опустить их в горстку листьев. Он сжал ее руку сквозь листья, чтобы они не рассыпались. И скоро Астра почувствовала, как боль уходит и тепло возвращается к пальцам.

— Я больше никогда не буду делать того, чего нельзя, — тихо сказала она.

— Это хорошо, — кивнул Селикс. — Потому что я не смогу постоянно следить за тобой. Видишь ли, я слепой.

— Я не знала, — сказала Астра.

— Вообще-то это тайна, — сказал Селикс и улыбнулся. — Но поскольку мы теперь будем жить вместе, то тебе ее положено знать. Как руки, прошли?

Астра поняла, что руки совсем не болят.

— Да, спасибо. Но как же ты меня нашел, если ты слепой?

— Слепой не значит незрячий, — снова улыбнулся Селикс. — Я ходил каждое утро к сухому дереву, проверял. Я же не знал, когда тебя привезут.

— Нужно было приходиться вечером, — обиженно сказала Астра. — Я ждала тебя весь день. Я провела ночь в лесу...

— Тихо, — сказал Селикс, поднося палец к губам. — Не сердись. Здесь ночью не страшно. И днем тоже.

— Теперь я знаю!

— Но ты не узнала бы, если бы не провела ночь в лесу совсем одна. А теперь хватит разговоров, пойдем завтракать. Я покажу тебе твой новый дом.

Пещера была большой и уютной. К тому же Селикс заранее приготовил все, что может понадобиться молоденькой девушке — отдельную келью с низкой кроватью, чтобы Астра могла сама ложиться и вставать, без посторонней помощи, отдельную умывальню, и еще много всяких вещей, которые Астра не сразу, но все-таки оценила.

Уже через десять дней Астре стало казаться, что она жила здесь всегда. И каждый день она радовалась, что сделала такой выбор. Она знала, что могла бы с утра до вечера возиться с рыбой или шить рубашки, она была готова к любой работе. Но она не была готова к тому, что в любой момент она может стать ненужной и оказаться на улице. Здесь, в лесу — она чувствовала это, — никто и никогда не отвернется от нее. Здесь просто некому было ее предавать.

Они вставали довольно рано, завтрак готовили по очереди. После завтрака, если была хорошая погода, Селикс выносил девушку на поляну и диктовал ей свои наблюдения и выводы. Он писал книгу по медицине, Астра многого не понимала, но Селикс предупредил ее, что не понимать — нормально, она ведь не целитель. А если она не знает, как пишется

какое-то слово, то пусть обязательно останавливает его, он продиктует по буквам. Если погода была плохая, они оставались в пещере, у большой голубой лампы. Астре не очень нравился ее безжизненный и холодный свет, но его было много, и ей не приходилось щуриться, чтобы писать. Потом был легкий то ли обед, то ли второй завтрак — каша и молоко. Селикс не ел мяса, и когда Астра это поняла, то вначале расстроилась, ей казалось, что теперь ей придется питаться жуками и кореньями, чуть ли не еловыми шишками. Но оказалось, что у Селикса много другой вкусной еды — и мед, и молоко, и сыры, и даже яйца... Астра ни разу не чувствовала себя голодной.

После этого Селикс уходил по делам. Он честно признался, что дела бывают разными. Три раза в неделю он собирал сумку и шел на окраину леса, на поляну, куда к нему приходили жители окрестных селений, которые нуждались в его помощи. В другие дни он уходил в город или в лес, или еще куда-то и не рассказывал об этом Астре.

Днем она обычно занималась хозяйством — она называла это так. Делала обед и ужин, вытирала пыль, стирала... Как-то во время разборок вещей она нашла мешок с черной мягкой шерстью и, спросив разрешения у Селикса, начала ее пряхть. Шерсти было много и Астра надеялась, что хватит на свитер Селиксу. Шерсть была совершенно незнакомой, но легкой и теплой. Когда Астра запускала ладошку в глубину черного облака, ей быстро становилось жарко и она представляла, как хорошо носить такой свитер в зимние холода, когда трещит мороз и даже, кажется, слезы примерзают к ресницам.

После возвращения Селикса и обеда они обычно разговаривали, а потом, вечером он выносил ее на прогулку в лес, в разные места и тоже показывал что-нибудь интересное. Астра почти всю свою жизнь провела в доме, и леса не знала. Каждая прогулка была для нее радостью и открытием. Она увидела цветы и дикие ягоды, пчел, снующих над венчиками вереска и попробовала кислую заячью капусту. Ей нравилось трогать кору разных деревьев и нюхать листики разных растений, растерев их пальцами. У всего был свой запах, свой цвет и свой, ни с чем не сравнимый, след на дне ее больших удивленных глаз.

Во время разговоров Астра сначала расспрашивала о цветочном народе. Ей хотелось узнать, много ли правды в детских сказках и песнях, умеют ли они говорить звериными голосами и много ли среди них волшебников. Селикс смеялся над совсем уж глупыми слухами и суевериями, но на вопросы почти не отвечал.

А однажды вечером, когда она особенно настойчиво допытывала его, серьезно сказал:

— Тебе нужно просто смотреть на меня и через какое-то время ты все поймешь сама. А если я тебе расскажу, то это будут просто слова, и многие из них тебе совсем не понравятся.

— Как такое может быть, если слова будут говорить о деле?

— Послушай, одинокая девушка ночью в темном лесу — это звучит страшно?

Астра рассмеялась и все поняла. И тогда она стала спрашивать о другом — как называются цветы и деревья, почему бывают закаты и рассветы, лето и зима, почему дует ветер, а вода в роднике такая холодная... Селиксу нравилось отвечать на такие вопросы. Иногда он сам расспрашивал Астру, но она немного могла ему рассказать... А потом, после прогулки, он поил ее чаем и говорил: «Иди спать, я еще немного поработаю». И Астра радовалась этим словам, будто в самом деле могла ходить.

А однажды вечером, перед тем, как отправить Астру спать, Селикс сказал:

— Завтра я возьму тебя с собой, мне нужна будет твоя помощь. Оденся завтра потеплее, хорошо?

Астра снова рассмеялась. Она почувствовала себя легкомысленной девочкой, которая

может убежать на улицу в одном платье — пусть не по погоде легком, зато красивом.

После записей и завтрака, Астра не выдержала и спросила:

— А чем я тебе смогу помочь? Я же ничего не умею.

— Ты будешь моими глазами. Я буду задавать вопросы, а ты будешь смотреть и на них отвечать, хорошо?

— Значит, ты не все можешь увидеть?

— Увы, нет.

Он взял ее на руки и они отправились в дорогу. До поляны, куда приходили люди за помощью, они шли долго, намного дольше чем от сухого дерева до пещеры в тот первый день, когда они встретились. Но Селикс шагал все так же легко и его дыхание ни разу не сбилось.

— Почему ты ходишь с ними встречаться так далеко? Ведь можно было бы сказать и они приходили бы хоть к самой пещере!

— Потому что, — сказал Селикс, — я не хочу, чтобы кто-то знал, где я живу. А еще — мне нравится ходить по лесу. От таких прогулок я набираюсь сил.

А сама поляна Астре понравилась. Небольшая, поросшая седым сухим мхом, с трех сторон заслоненная от леса пахучими кустами можжевельника. На можжевельнике висели синие, будто запотевшие ягоды. В центре поляны лежал большой плоский камень, а вокруг него — несколько пней. Пни были плоские и отполированные, Астра поняла, что они используются для сиденья. Селикс посадил ее на один из этих пней, рядом с другим положил свою холщовую сумку. Сам он садиться не торопился.

— Астра, я тебя очень прошу. Пожалуйста, не разговаривай ни с кем. Отвечай только на мои вопросы. Все, что тебя удивит или расстроит, все, о чем захочешь поговорить, — мы обязательно обсудим. Но только когда останемся наедине.

— Хорошо, — тихо ответила Астра. — Чего ты боишься?

— Я не боюсь, — резко бросил мужчина.

Потом Селикс как-то особенно угрюмо замолчал, обошел поляну по кругу, вернулся к Астре, постоял перед столом и снова пошел вокруг поляны. По тому, как мужчина двигался, ни за что нельзя было догадаться, что он слепой. Он останавливался у куста и трогал его ветки. Срывал ягоду и задумчиво жевал. Отодвигал ветки, когда они могли ударить его по лицу. Он двигался совершенно уверенно и знал, что где.

Астра следила за ним взглядом и боялась пошевелиться. Мужчина напоминал большого хищного зверя, которого посадили на веревку. Однажды, когда Астра была еще девочкой, мать носила ее в передвижной зверинец. Там, в небольших клетках ходили, ни на минуту не останавливаясь, волки, рыси, бамбуковые коты. Они нервничали и иногда бросались на прутья. И Астра расплакалась и сказала маме, что не хочет больше на них смотреть. Селикс выглядел так, будто бросался на клетку изнутри. Наконец, мужчина перестал метаться по поляне, подошел к камню и остановился прямо перед Астрой.

— Ты права. Я боюсь, что ты захочешь уйти. Я не хочу тебя никому показывать. Но ты не можешь всю жизнь общаться только со мной. Ты должна помнить о том, что в мире есть другие люди. Полно других людей.

После этого он сел рядом с ней, спокойно открыл мешок и начал выкладывать из него на камень склянки, мешочки и что-то еще, завернутое в белые тряпочки.

Астра улучила мгновенье, когда Селикс замешкался и накрыла его руку ладонью.

— Не бойся, я не захочу уйти. Ты не думай, что тот мужчина, мой сосед, привез меня к

тебе и бросил. Он объехал все окрестные селения и нашел там несколько семей, которые готовы были меня принять. И рассказал мне про них, я неделю думала и выбрала тебя.

— Вот как, — нехорошо усмехнулся Селикс. — Что ж, буду знать. А теперь помолчи, пожалуйста, к нам идут.

Астра замолчала. Никогда она не видела Селикса таким — острым, будто отточенный нож, и готовым поранить любого, кто к нему прикоснется.

На поляну вышли трое: высокий широкоплечий мужчина, такая же высокая, но тонкая женщина и мальчик, похожий на них обоих. Остановились в нерешительности на краю. Потом мужчина медленно подошел к камню. Селикс встал. Мужчина был выше него на три головы и только тогда Астра поняла, что в действительности Селикс невысокого роста и очень хрупкий.

— Здравствуй, Прут, — сказал мужчина и, прижав руку к груди, поклонился Селиксу.

— И тебе здоровья, Мартын. Садись. И зови свою семью, пусть подойдет.

Женщина и мальчик осторожно приблизились и остановились шагах в трех от стола. На Селикса они смотреть избегали. Мальчик смотрел в землю, низко наклонив голову, так что Астра видела его затылок. А женщина с любопытством поглядывала на Астру, но едва девушка пыталась поймать ее взгляд, тут же отворачивалась.

— Вы делали то, что я сказал? — спросил Селикс. Он держал голову прямо, вздернув подбородок, и если не знать, что Селикс слепой, можно было бы решить, что он смотрит в глаза мужчине.

— Делали, — кивнул Мартын. — Но ничего не случилось.

— Я же говорил, что не все сразу. Мальчик, подойди ко мне.

Женщина взяла мальчика за руку, вторую руку положила ему на плечо и что-то сказала. Мальчик сделал два шага и остановился.

— Посмотри вверх, туда, — Селикс ткнул пальцем в небо, как раз туда где находилось солнце.

Мальчик поднял голову. Не туда, куда показывал Селикс, а просто вверх.

— Ну и что мы будем с ними делать? — раздраженно спросил Селикс у Астры. — Ты же видишь, как они выполняют мои просьбы! Или мне показалось, что он смотрел в другую сторону?

— Да, он смотрел не туда, куда ты показал, — ответила Астра.

— Давайте попробуем еще раз, — сказал Селикс. — Пусть ребенок посмотрит вверх. Вот туда! — Селикс вытянул руку по направлению к солнцу. — Поднимите ему голову!

Женщина положила руки мальчику на затылок и повернула голову к солнцу, а потом что-то шепнула ему на ухо. Мальчик поднял голову и тут же зажмурился.

Астра не выдержала, хихикнула.

— Почему ты смеешься? — спросил Селикс.

— У него нос смешно морщится, когда он жмурится.

— Ничего смешного, это нормально, — пробурчал Селикс и снова повернулся к мужчине. — Мартын, он различает яркий свет. Нужно продолжать.

— Лето же, — нахмурился мужчина. — Соседи все смеются. И дрова денег стоят.

— А глаза денег не стоят? — угрожающе спросил Селикс. — А если бы я с вас за каждый разговор брал по десять золотых, как в городе, тогда не пожалел бы дров? А то, что твоему сыну всю жизнь тебя потом за жадность проклинять, если он слепым останется, тебя не волнует? Ребенок рядом стоит и все слышит, между прочим. Дров тебе жалко! Люди

смеются! А над слепцом смеяться не будут, да? Я видел, как незрячим подкладывают камень вместо хлеба и наливают в кружку мочу вместо пива. Такого ты хочешь своему сыну? Или ты сам из тех, кто смеется над слепыми? Иди отсюда, видеть вас больше не хочу!

— Прут, ну ты... — мужчина опустил голову и уставился в грубый камень. — Ну, ты соображай, что говоришь.

— Это ты мне? — взъярился Селикс и вскочил. — Ты не можешь головой подумать, что делать, а меня обвиняешь, что я мелю языком, как мельница!

— Я... — начал было мужчина.

Селикс рывком достал мешок, смел туда все свои пузырьки и травы, и странные предметы в белых тряпочках звякнули, падая на стекло. Астра замерла внутри. Она не знала, что Селикс может быть злым или раздраженным. Сердитым. Решительным. Страшным.

— Подожди, Прут, — вдруг раздался красивый грудной голос женщины. — Не уходи.

— Почему это? — раздраженно повернулся к ней Селикс.

— Там за нами собирались Сороки к тебе прийти. Если ты уйдешь, они две недели твоего возвращения не продержатся.

— А что с ними? — совсем другим голосом спросил Селикс.

— Руку порезал старший.

— Синее, пухнет?

— Нет, красная и твердая.

— Плохо.

Селикс вздохнул, сел и снова начал рыться в своем мешке. Мужчина все так же угрюмо смотрел в каменную столешницу.

— Ладно, — наконец сказал Селикс так, словно ничего не было, — мальчик, иди сюда и сядь вот сюда. — Селикс показал на пенек рядом с собой. — А ты, Мартын, если в следующий раз захочешь надавать мне по шее, то не стесняйся. Надо делать то, что ты хочешь. И не бояться окружающих. Вот что бы я тебе сделал, что ты в последний момент передумал?

— Ты? Да ничего. — Мартын поднял голову и усмехнулся. — Я побоялся, что зашибу тебя насмерть.

— Вот и зашиби в следующий раз соседа, когда смеяться будет. Одного зашибешь, другие сразу станут серьезными. Еще и дрова будут сами к порогу складывать... — проворчал Селикс, но уже без злости.

Мартын звучно рассмеялся.

— Ну ты уж прости меня, Прут.

— У сына будешь прощения просить. Иди сюда, мальчик.

Мама подвела ребенка к пеньку, положила руки ему на плечи и чуть надавила. Мальчик сел. Селикс протянул руку и коснулся пальцами его шеи. Мальчик вздрогнул.

— Не бойся, — ласково сказал Селикс. — Не больно тебе?

— Не больно, — ответил мальчик. — Щекотно.

— Можешь смеяться, если щекотно, — сказал мужчина. — А теперь все помолчите.

Они молчали очень долго, но это была хорошая тишина: шумел ветер, пели птицы, шумно дышал Мартын, переминалась с ноги на ногу его жена. Мальчик сначала раза два хихикнул, а потом засопел, будто уснул.

— Ну вот и все, — наконец очень буднично сказал Селикс. — Два раза в день сажайте его перед горящим огнем. Раз в день давайте желток птичьего яйца в любом виде. Раз в день

стакан ягод, любых. Через месяц приходите опять. Сегодня ничего платить не нужно.

Мартын сделал неожиданную вещь — он подошел к сыну и взял его на руки — легко, как младенца.

— Спасибо тебе, Прут, — сказал мужчина.

— Жену свою благодари, — проворчал Селикс. — И Сорокам, если увидишь, скажи, чтобы поторопились.

Они ушли, только перед тем как совсем скрыться из виду, женщина обернулась и помахала им рукой. Астра помахала ей в ответ и улыбнулась.

— Я напугал тебя? — спросил Селикс.

— Да, — кивнула Астра. — Я тебя не видела никогда таким.

— Ты еще много каким меня не видела. Я разный. Может быть, тебе и не стоило видеть меня в таком состоянии. — Он вздохнул. — Но единственное, чего я не мог отследить сам, реагирует ли мальчик на яркий свет. Сейчас придут Сороки, там будет страшная рана... Будет кровь, гной... Тебе тяжело будет это видеть. Хочешь, я отнесу тебя в лес?

— Подожди, — сказала Астра. — Ты что, нес меня сюда, чтобы задать только один вопрос?

— Да, — сказал Селикс. — И я не понимаю, почему тебя это удивляет. Вопросы бывают разными.

Астра подумала, что не хочет смотреть на страшные красные раны, про которые сам Селикс говорит «плохо» и согласилась подождать в лесу. Все время, пока Селикс лечил Сорок, Астра пролежала на мягкой подушке из зеленого мха, разглядывая небо и слушая птиц. И вдруг ей в голову пришел странный вопрос, на который она не нашла ответа.

И на обратном пути девушка не выдержала и вопрос прорвался наружу.

— Ты умеешь возвращать людям зрение?

— Да, — просто ответил Селикс. — Сейчас ты, наверное, спросишь, почему я не вернул его себе?

— Да, — сказала Астра.

— На это есть много причин. Ты знаешь, как устроен глаз?

Астра призналась, что нет.

— Тогда мне будет сложно объяснить, но я постараюсь. Глаз — круглый. Как яблоко. В нем есть маленькая дырочка — это зрачок. Через зрачок свет попадает внутрь глаза. И все, что есть снаружи, отражается на внутренней стороне глаза, как в зеркале.

— То есть как будто на внутренней стороне кожуры яблока? — уточнила Астра.

— Ну, ты отлично все поняла, — голосом улыбнулся Селикс. — И уже оттуда специальными сигналами, все что мы видим, передается в голову.

— Вот это я уже не представляю, — призналась Астра. — Но я могу просто поверить, что так и есть.

— Да? Значит, поверь. У сына Мартына эти сигналы передаются очень слабо. И я делаю все, чтобы они передавались сильнее. То есть, например, я говорю тебе стукни, а ты меня просто трогаешь палкой. И мне приходится тебе объяснять, что значит стучать.

— Ну, это я понимаю.

— А у меня другая проблема. Представь, что эта кожура яблока, как ты сказала, порвалась.

— А ее можно починить?

— Нет, она порвалась на мелкие кусочки. В ошметки.

— А почему? — тихо спросила Астра, не успев вовремя прикусить язык.

— Потому что мне пришлось долго смотреть туда, куда смотреть не нужно.

— Тебя заставляли?

— Нет, я сам. Я хотел узнать, как устроен человек внутри. Не только сердце, желудок, но еще дальше. Почему дети похожи на родителей. Почему одни болезни встречаются у отца, сына и так дальше. А другие не передаются детям.

— Узнал?

— Да. И рано или поздно мы дойдем в наших записях до этого места.

— А оно того стоило? — спросила Астра.

— Да, — снова ответил Селикс так просто, будто она спросила, не хочет ли он выпить воды. — Теперь я могу лечить людей. По-настоящему лечить. Раньше все, что я делал, было похоже на починку. Ну то есть у тебя порвалась рубашка, и ты ставишь заплату или зашиваешь, так ведь? А я научился делать так, чтобы нитки сноварослись.

— Так не бывает, — сказала Астра.

— Бывает.

— Тогда ты, наверное, мог бы починить мои ноги, — в шутку сказала Астра.

— Мог бы. Но во-первых, тебе будет очень больно.

— А во-вторых? Ты боишься, что я уйду? Нет, я не уйду.

— А во-вторых, ты сможешь только ходить и то, очень неуклюже. Ни бегать, ни танцевать. Ничего такого.

— А мне и не нужно здесь ничего такого — ни танцев, ни беготни... Танцы вообще глупое занятие.

— Танцы бывают очень красивыми, ты просто не видела, — тихо возразил Селикс. — А я уже не увижу.

— Ты же говорил, что смотреть нужно не глазами.

— Танцы нужно смотреть глазами, — ответил Селикс и замолчал до самого дома.

На следующий день после обеда вместо того, чтобы уйти по делам, Селикс вынес Астру из пещеры на поляну, усадил рядом с родником и сел напротив.

— Ты еще не передумала лечиться?

— Я? Нет, конечно, — Астра рассмеялась.

— Будет больно. Я предупреждаю.

— Если бы тебе предложили вернуть глаза, но сказали что будет больно, ты бы отказался?

— Значит, твой ответ «да»?

— Мой ответ — да, — подтвердила Астра.

— Тогда закатай рукав выше локтя, — сказал Селикс.

Астра послушно подернула рукав кофты, мужчина одной рукой взял ее за запястье, второй крепко сжал сгиб у локтя. И больше не делал ничего. Астра все ждала, что он ей что-то скажет, но он молчал. Минуту, две, пять, десять. Рука затекла и стала казаться тяжелой и чужой, потом начала неметь и наливаться красным. Астра испуганно смотрела то на свою руку, то на Селикса. Его лицо выражало крайнюю сосредоточенность и девушка не рискнула ничего спрашивать. Наконец, он отпустил ее руку и начал растирать ладони.

— Подними руку вверх, помаши ей, подвигай, потри. Скоро неприятные ощущения пройдут.

Астра послушно махала, терла и действительно, рука снова стала прежнего цвета.

— А теперь, — сказал Селикс и Астре показалось, что он смущается, — тебе придется разрешить мне потрогать твою ногу.

— Да ты столько раз ее трогал, — улыbnулась Астра, — когда носил меня на руках!

— Это не считается. И потом, ты была в одежде.

Астра вздохнула. Подняла юбку, стащила чулок с правой ноги. Селикс провел ладонями вдоль — от колени до лодыжки, обхватил щиколотку, тоже долго молчал. На сейчас раз Астре не было больно — ноги давно ничего не чувствовали: ни тепла, ни холода, ни колючих шерстяных чулок, ни прикосновения рук. Снова прошло много времени, прежде чем Селикс выпустил ногу из рук и со вздохом сказал, что вторую ногу он тоже хочет посмотреть. Астра хмыкнула и стащила второй чулок. Пока в лечении не было ничего болезненного или неприятного. Если так будет продолжаться и дальше, то совершенно непонятно, о чем ее так старательно предупреждал Селикс. Разве что ему не очень хотелось браться за бесплатную работу... Бесплатную! Астра выругалась про себя. Как же она сразу не сообразила! Она едва дождалась, когда Селикс окончит свой «осмотр». Правда, она решила начать издалека.

— Знаешь, пока мне было совсем не больно. Все лечение будет таким простым?

— Пока не было никакого лечения, — ответил Селикс. Его голос звучал устало. — Пока была только диагностика.

— Диа... что?

— Я выяснял, что с твоими ногами.

— Как ты выяснял? — изумилась Астра. — Ты же просто держался за меня! Разве так можно что-то выяснить?

Селикс неожиданно рассмеялся.

— Любой нормальный человек спросил бы, что я выяснил, а не то, как я это делал.

— Хорошо, что ты выяснил?

— Что тебе можно вернуть твои ноги. И если ты кроме моего лечения, будешь сама заниматься ногами каждый день, если ничего не случится с нами обоими, то следующим летом ты сама будешь бегать за грибами и ягодами... Или сбежишь от меня навсегда.

— Не надо думать обо мне плохо, — сказала Астра. — Я не для того приехала к тебе, чтобы сбежать. А как ты это выяснил?

Селикс по-настоящему развеселился.

— Да ты упрямая, как я посмотрю.

— Очень, — подтвердила Астра.

— Я когда-нибудь тебе объясню.

— А можно прямо сейчас?

Так началось не только ее лечение, но и ее учеба. Селикс объяснил Астре, что каждое живое существо состоит из клеток, а в каждой клетке есть заветный сундучок — ядро, а в нем — длинные-предлинные цепи молекул, которые хранят в себе важные знания — о том, чем должна заниматься эта клетка, как себя вести при болезнях или во сне, сколько должна жить и как часто размножаться... Иногда эта информация оказывается ложной или неполной, или исковерканной, или подмененной — и тогда человек начинает болеть. И для того, чтобы увидеть эту информацию, ему пришлось научиться видеть совсем другой свет... и с тех пор он не может смотреть, как обычные люди. Это случилось много лет назад, и Селикс уже придумал, как сделать так, чтобы не отказываться от одного зрения ради другого. Но себе он уже не сможет ничего исправить, потому что настраивая себе другое

зрение, он сломал первое, в то время как его можно было просто отключить. Но зато другие больше не повторяют его ошибок. Астри оказалась прилежной ученицей и скоро уже понимала многое из того, что он диктовал ей по утрам и иногда даже задавала вопросы не только о том, как правильно писать слова.

Лечение тоже двигалось. Боль пришла очень быстро. Сначала она была слабой и даже приятной, легкие покалывания и тепло — так отходят после сильного холода замерзшие ладони. Но потом жар разгорелся, а покалывания превратились в резь и судороги. А Селикс радовался и говорил, что все правильно, так и должно быть. Он почти каждый день готовил грибы и ходил в деревню за молоком и творогом.

— Тебе нужно, — рявкнул он, когда Астри сказала, что он слишком сильно ее балует. — На твоих ногах должны нарасти мышцы, чтобы ты могла стоять.

Астри каждый день старательно делала упражнения, которые ей показал Селикс. От них становилось еще хуже, ноги скручивались внутри, как будто там были веревки, Астри шипела от боли, из глаз ее текли слезы, но она не прекращала заниматься, пока не выполняла то количество упражнений, которое ей назвал Селикс. Астри слишком хорошо помнила, каким он был при разговоре с Мартыном и не хотела услышать от него таких же слов. Следом за ней не шли Сороки, он не дал бы ей второго шанса.

И однажды, когда он положил ей ладони на ногу, Астри чуть вскрикнула.

— Что? — спросил Селикс.

— У тебя шершавые пальцы, — виновато сказала Астри. — Я думала, они гладкие.

Селикс покачал головой, дотронулся пальцами до своей щеки и поднял брови.

— Они шершавые только самую малость, Астри.

Однако руки убрал и сказал, что в лечении нужен перерыв. Но уже на следующий день Селикс снова вынес ее на поляну. Но вместо того, чтобы усадить на траву, отпустил одну руку, чтобы ноги Астры коснулись земли, а второй продолжал держать ее за плечи. Астри зашипела.

— Тебе больно? — удивился Селикс.

— Кажется, у меня иголки в чулках.

— Это кажется. Смотри, у тебя уже должно получаться стоять. Я только поддерживаю тебя. Но стоишь ты сама.

— Стою, — сказала Астри, — но можно я сяду, хочу вытряхнуть иголки из чулок.

— Нет там никаких иголок! — рассердился Селикс, но Астри, извернувшись, выскользнула из его руки, сделала шаг в сторону и спокойно уселась на траву.

— Да ты издевалась надо мной! — рявкнул Селикс. — Я тебя таскаю на руках, а ты давно уже преспокойно могла ходить сама!

Астри всхлипнула.

— Не кричи на меня. Я пробовала уже несколько дней стоять, случайно. Когда вставала с кровати. Так удобнее.

Селикс присел рядом с ней и погладил по голове.

— Не плачь. Конечно, так удобнее. А ходить вообще намного удобнее, чем ползать.

— Вот ходить я пока не пробовала, — призналась Астри. — Очень больно ступням. Будто гвозди вбиты.

— Ну-ка, позволь я кое-что проверю. — Селикс коснулся ее щиколоток кончиками пальцев и быстро убрал. Покусал губу, взлохматил волосы.

— Знаешь, кажется, я перестарался. И слишком усилил сигналы нервных окончаний. Я

еще не могу точно определить, когда достаточно, у меня мало опыта в таком лечении, всего пару сотен лет... — он виновато замолчал.

— Ничего страшного, — отмахнулась Астра, — главное, я могу ходить.

И только через пару дней она поняла смысл этой фразы. Пару сотен лет для него немного. Сколько же он живет?! Но спросить об этом она не решилась. А ходить Астра действительно начала очень скоро, несмотря на то, что чулки кололись, обувь была неудобной и даже легкий удар ветки куста по ноге причинял боль. Она исходила все окрестности вокруг и хорошо знала не только лес, но и все близлежащие селенья. Она могла бы даже уйти в город, если бы хотела. Но она не хотела. И когда Селикс уходил в город, она всегда отказывалась идти с ним, хотя он и предлагал. «Зачем? — спрашивала она его, — я не скучаю, мой дом здесь».

Они прожили вместе почти год, когда Селикс сказал девушке однажды вечером, что приглашает ее на прогулку. Астра испугалась. Она не любила неожиданностей. И зачем нужна была какая-то специальная прогулка, если они и так почти каждый день куда-то ходили?

Но все же вечером, когда до заката было еще далеко, а дневные дела уже закончились, она старательно причесалась, надела свое единственное «парадное» платье, которое не доставала из мешка с тех пор, как приехала сюда из города и вышла из пещеры. Селикс улыбнулся. Он не мог видеть ее прически или платья, но он чувствовал ее настроение и легкие шаги. Астра действительно ходила легко — ей пришлось научиться ступать осторожно и быстро, чтобы испытывать как можно меньше неприятностей при ходьбе. Селикс взял ее руку и они пошли.

Спустя пару минут Астра поняла, куда они идут и ее страх стал сильнее. Селикс вел ее к той самой просеке, на которой ее оставил сосед. Астра знала, где она и наверное могла бы найти то самое место, где она провела ту ночь, но она никогда не ходила туда, скорее, наоборот — девушка старалась избегать этого места.

— Ты хочешь бросить меня? — спросила она Селикса, когда поняла, что не может больше терзаться, что еще немного — и она расплчется, упрется ногами, будет хвататься за ближайшиe ветки деревьев, только бы не неизвестность впереди.

Селикс крепче сжал ее ладонь и сказал:

— Мы почти пришли.

Астра покорно двинулась вперед, заставляя себя переступать ногами и не поддаваться отчаянию. Ей казалось, что сейчас случится что-то ужасное, что перечеркнет этот год, лучший год в ее жизни. И все станет по-старому: она перестанет ходить, вернется в город и будет сидеть у окна, глядя на рисунок облаков на небе да иногда будет выползать на порог, чтобы открыть дверь для передвижного торговца едой или одеждой...

— Перестань волноваться, — сказал Селикс. — Ты же неплохо меня знаешь, мы вместе прожили целый год. Неужели ты думаешь, что я могу сделать тебе что-то плохое?

— Ты разный, ты сам говорил, — тихо возразила Астра.

— А ты зато вот такая, — ответил ей Селикс и подвел ее к кусту с синими цветами.

Цветы были как звезды — с тонкими острыми лепестками. Они почти не пахли, зато выглядели необыкновенно. Куст был невысоким, примерно по пояс девушке, но цветов было так много, что листья полностью спрятались за ними. Астра стояла и смотрела на это чудо, и не понимала, как не заметила его тогда, когда провела здесь столько времени.

— Как называется этот куст?

— Не знаю, — пожал плечами Селикс. — Я вижу впервые такой цветок. Но я думаю, он называется Астрой, как ты. Он вырос на том месте, где ты сидела той ночью и пела песни. Он вырос из твоего голоса и твоего сердца. В нем не было страха, поэтому цветок получился таким прекрасным.

— Так не бывает, — сказала Астра. — Цветы не вырастают из голоса.

— Ха! Много ты знаешь о цветах! — фыркнул Селикс. — Вы, люди, даже не догадываетесь порой, кто они такие и для чего они нужны. И как они появляются. Если не хочешь верить, что он родился той ночью, — можешь не верить. Но это так.

И тогда Астра снова вспомнила, что Селикс принадлежит цветочному народу, что она и он — такие же разные, как лошадь и собака, что для него пару сотен лет — это совсем недавно, а она едва ли проживет больше полусотни... И тогда она протянула руку, сорвала один цветок, поднесла к лицу, глубоко вдохнула его запах, коснулась губами нежных синих, почти светящихся лепестков, а потом, неожиданно для себя, воткнула цветок в волосы Селиксу. И рассмеялась.

— Ты, — сказал Селикс, — только что сделала мне предложение стать твоим мужем по правилам нашего народа.

— Ну, — вздохнула Астра, — я всего лишь подумала, что он будет хорошо смотреться в твоих волосах.

— Да, мы носим венки, — согласился Селикс, — даже мужчины.

Но прошло еще много-много лет, прежде чем они полюбили друг друга. И еще столько же, прежде чем Астра по-настоящему стала принадлежать цветочному народу.

Из этой истории я каждый раз делала разные выводы. Когда услышала ее впервые, то решила, будто история показывает, что люди плохо относятся друг другу и в тяжелых ситуациях предпочитают довериться нам, а не своим соплеменникам. А во время обучения я думала, что о том, что Селикс, которого здесь правильнее было бы называть Ивой, был очень неоднозначной личностью и не стеснялся ставить опыты на людях, чтобы отработать те методы, которыми мы пользуемся. Он даже не побоялся полностью переделать Астру, он сделал из человека эльфа, иначе у них не было бы детей. А сейчас... сейчас я считала, что это просто история жизни, каких много. О том, что в жизни удача и несчастье идут рука об руку. И о том, что добро может выглядеть жестокостью, если ты не знаешь всего. И что лечить — так же больно, как и болеть. Может быть, в этом и есть смысл целительства — забирать себе чужую боль. И мне всегда казался лишним конец, про цветы. Эту сказку можно было закончить намного раньше. После того, как Астра научилась ходить. Но кажется, именно сегодня я поняла, зачем нужны были цветы. И те песни, которые слышала Астра. В сказке должно быть волшебство. Что-то такое, чего нельзя объяснить знаниями, наукой, совпадением. Чудо. В мире всегда должно быть волшебство. Эта история, если бы ее слышали люди, показалась бы им чудом. Но без песен и цветов для нас в ней не было бы чудес. Но мы, цветочный народ, тоже нуждаемся в своих чудесах. И в том, чтобы верить в них.

Глава 8. Каникулы

Три дня я читала учебник генетики, а прочитанное рассказывала собаке. Собака внимательно слушала. Конечно, Селиксу с Астрой было проще, у нее изначально был высокий интеллект. Но собака тоже оказалась хорошим слушателем. Она реагировала на мой голос, поднимала голову и сворачивала хвост в кольцо. А когда я чего-то не понимала в учебнике и сердилась, она мелко-мелко виляла хвостом и стремилась засунуть свою большую голову мне под мышку. Это было смешно и трогательно одновременно. И почему-то помогало разобраться в генетике людей. Конечно, в крайнем случае я могла бы действовать и как Селикс в начале пути, но намного легче работать, когда знаешь, заглядывая в клетку, что именно ты должен увидеть, хотя бы приблизительно. Нужно понимать, что является нормой, чтобы отыскать отклонения. Ну и вообще, чтобы работать на клеточном уровне, у меня было еще недостаточно сил. Эти умения и способности восстановятся, увы, не скоро. Если вообще восстановятся.

А еще я поняла, как страшно я устала от одиночества. Чтобы просыпаться и слышать второе дыхание. Чтобы крепко обняться и почувствовать тепло живого тела, и стук сердца, и ласковое прикосновение другого существа к тебе. Чтобы разговаривать вслух и радоваться, открывая дверь квартиры.

Но на третий день со мной случилась истерика. Что я творю? Зачем? Я что, собираюсь здесь кого-то лечить, или что? Рядом со мной находится потенциальный охотник, у меня ничего нет, минимум денег, я даже не могу уйти жить в лес, потому что сейчас зима, и я там просто не выживу. Замерзну до свидания с праотцами и все! Мне нужно делать ноги отсюда и чем быстрее, тем лучше. А я жду начала рабочей недели, чтобы уволиться по всем правилам и еще притаскиваю в дом обмороженную собаку. Специально, чтобы сложнее было уйти? Чтобы охотник пришел и зарезал меня прямо здесь, вместе с собакой? И почему молчит эта самая клятва и не заставляет меня совершать очередные подвиги?

Я выплакала все слезы до дна, а потом, за каких-то полчаса, их набралось еще больше. Я была не готова нести ответственность даже за себя, не говоря уже о ком-то другом, тем более больном и незащищенном. Но что мне делать? Я не могла уйти из леса, оставив собаку там. Просто физически не смогла бы. Все мои предки, вся генетическая память моего народа, все мои годы учения и работы восстали бы против меня, если бы мне пришла в голову такая мысль. И мысль едва ли пришла бы, потому что для нас так же естественно спасать живое от смерти, как дышать. Но теперь... Что мне делать теперь? Я не знала. И спросить мне было не у кого. Разве что у коллективного разума, который здесь обитал в виртуальном месте под названием интернет...

Приюты. Вот что ответил мне интернет. Такое место, куда собирают бездомных собак, кормят, лечат и ищут новых хозяев тем, кто умеет общаться с людьми. Приютских объявлений о таких собаках было много, и в каждом говорилось о характере собаки и ее судьбе. А это значит, что в приютах за собаками не только присматривают, но и наблюдают. Уже хорошо. Где у нас ближайший приют?

Я послушно шла по обочине дороги и думала, что наверное, заблудилась или неправильно распечатала адрес. Впереди виднелись приземистые домики ржавого цвета с плоскими крышами, сетчатый забор с натянутой поверх проволокой, какое-то поле, дорога была неухоженной и грязной. Никаких примет того, что здесь есть жилье, пусть даже и не

человеческое. Я стащила капюшон, он мешал видеть, и повертела головой, осматриваясь. И вдруг я услышала лай. Далекий многоголосый лай. Я шла правильно. Я ускорила шаги, но чем ближе я была к голосам, тем меньше понимала, откуда он доносится. Из-за забора? Из тех странных домиков? И почему этот лай наводит такую тоску?

Когда я подошла, то поняла, что не ошиблась. Приют находился за забором. Старые вагоны, дощатые коробки, сваренные из ржавых листов будки с деревянными лежаками и брошенными на них матрасами, загоны из все той же металлической сетки. И лай, постоянный лай. Калитка была открыта и я вошла.

— Есть здесь кто-нибудь?

Собаки лаяли. Мы, мы здесь есть, — говорили они. Те, кто был в загонах ближе ко мне, бросались на свои ограды, поднимались на задние лапы, пытались просунуть морды в щели и ячейки забора. Мы, мы здесь, — показывали они всем своим видом. Махали хвостами, скулили, тянулись носами, улыбались и поднимали уши. Ты же к нам? Ты за нами? Ведь за нами же? Да? Это было невыносимо. Я подошла к ближайшему загону и заглянула внутрь. Возле конуры, сбитой из фанеры, стояли две миски. Вода в них замерзла. Собаки не обращали на нее внимания, прыгали, отталкивая друг друга от забора. Черные влажные носы, мохнатые серые лапы, розовые языки и карие глаза. Я расплакалась и пошла к старому вагону. Вокруг него не было ограды и я решила, что наверное, там могут быть люди. Они и были там. Два человека. Девушка и парень. Сидели на табуретках, пили чай из железных кружек.

— Здравствуйте, — сказала я.

Они настороженно кивнули.

— Я слышала, здесь приют и можно сдать собаку, — выдавила я.

Девушка поперхнулась чаем. Парень мрачно посмотрел на меня. Он был небрит пару дней и был похож на вороненка.

— Это с директором надо говорить, — сказал парень, наконец, каким-то странным гортанным голосом. — После праздников. Раньше не будет.

Я поняла, что язык для него чужой. И посмотрела на девушку.

— Ну, — сказала она грубо, — где собака-то? Агрессивная?

— Дома, — ответила я. — Не злая, добрая.

— А чего сдаешь?

Я пожала плечами.

— Наигралась, значит, — буркнула девушка. — Или что там у вас? Беременность? Аллергия? Уезжаешь в чужую страну, куда с собаками въезд запрещен?

Я шагнула назад, испугавшись ее злобы и нескрываемой ненависти.

— Я... нашла ее, — сказала я, оправдываясь. — Прочитала, что бездомную собаку можно сдать в приют... Здесь ведь лучше, чем на улице.

— Ага, — сказала девушка. — Курорт. Сходи, посмотри, как оно лучше. Я воду менять не успеваю — половине налила, у второй половины она замерзла. Верни ее лучше, откуда взяла. Если она добрая, может, кто-то себе заберет. Здесь она никому не нужна.

Я развернулась и вышла. Прошла к выходу, стараясь не смотреть на пушистые хвосты, слезы в карих глазах и отчаянные попытки привлечь к себе внимание. Закрыв калитку, набросила капюшон, чтобы не слышать их лай, и быстро зашагала прочь. Это было ужасное место. Из-за слез я не видела, куда иду, зацепилась за вмерзшую в дорогу железяку, споткнулась и упала.

И тогда я разозлилась на себя. Я поднялась и осмотрелась. День клонился к закату, хотя было всего четыре часа после полудня. По обочинам дороги лежали тени от деревьев и были они странного розового цвета. Я посмотрела на них, на местное бледное солнце, на комья грязного снега на дороге, на ржавый сетчатый забор и разозлилась еще больше. Этот мир тусклый и унылый. Люди — словно дети, которых не научили различать добро и зло, держаться своей природы, слушать свое сердце. Они были... сломанными. Или потерянными. Растерянными. Они хотели менять мир, но не знали, что и как делать, что хотят получить. Даже добро они не понимали, вернее, видели лишь внешнюю оболочку, форму и не понимали его сути. А в итоге совершали странные поступки, которые были добром ровно наполовину. Вторая половина их поступков оказывалась злом. В ушах стоял неумолкающий лай собак. Собак, которых кормили, у которых были будки... и ни одного шанса стать счастливыми. Разве это добро, когда вокруг столько несчастных созданий?

Нет, я не уйду отсюда. А если и уйду, то уж никак не увеличив количество несчастья, страдания и тоски в этом мире. Я не отдам собаку в приют. В конце концов, угроза моей жизни не настолько велика, чтобы бросать собаку, спасенную в лесу, да и стоит ли моя жизнь ее жизни? А мир? Почему я выбираю бегство, а не изменение мира? Ведь я могу изменить людей. Да, я не смогу добавить им третью спираль ДНК. Но я смогу изменить их гены, убрать хромосомы, отвечающие за агрессию, добавить гены, несущие сострадание и добро... На это понадобится время, много времени. Но я живу долго и время у меня есть. Единственное, что у меня сейчас есть, — это время. В конце концов, Селикс не побоялся начать с нуля, почему боюсь я? Наверняка в его опытах были и неудачи и слишком чувствительные ноги Астры — самая малая из них. Но мы до сих пор пользуемся его знаниями, а несчетное количество людей из самых разных народов обрели здоровье благодаря ему, его смелости. А ведь он был один, совершенно один тогда. И он не мог знать, что встретит однажды девушку, которая захочет стать его женой. И все равно не боялся. Так чего боюсь я?

Глава 9. Имя

Когда я вернулась домой, собака ждала меня на коридоре, радостно танцуя на месте. Она виляла хвостом, переступала с лапы на лапу, чуть подпрыгивала на всех четырех ногах одновременно, и поднимала голову вверх, пытаясь меня лизнуть.

— Здравствуй, здравствуй, — сказала я ей, присаживаясь на корточки. — Я тоже очень рада тебя видеть.

Странно, я до сих пор как следует не рассмотрела ее и не дала ей имени. Словно надеялась, что она исчезнет, пропадет сама собой так же внезапно, как образовалась в моей жизни. Видимо, я здорово повредила голову, раз допускала такое. Но чем еще может быть вызвано такое безразличие к имени, к внешнему виду и к тому, что у нее до сих пор не было ни нормального ошейника, ни поводка? Да, она пока плохо ходит, но лапы скоро заживут. И скоро мы будем ходить на долгие прогулки, ездить за город уже вдвоем и вообще...

Она топталась вокруг меня, а я ее рассматривала. Она была рыжей, с коричневой мочкой носа и желтыми глазами. Хвост кольцом и попа выше холки. А еще она немного похожа на бегемота — с большой пастью, широкой головой и маленькими ушками.

— Назвать тебя бегемотом, что ли?

Собака отошла на шаг, заворчала и села. Видимо, бегемотом ей быть не хотелось. А кто тогда? Елка, раз в еловом лесу? Но называть собак именами своего народа мне не хотелось. Это неправильно и кощунственно. У собак должны быть свои, собачьи имена. Если наша, может быть, Найденка? Подарок? Сюрприз? Дар? Дара? Дара мне понравилась.

— Вот что. Теперь тебя зовут Дара, — сказала я ей и попыталась положить ладонь на голову. Собака увернулась и лизнула языком ладонь. Язык был шершавый и холодный. То есть Дарой ей быть явно не хотелось. Снежинка? Метель?

— Метель? — предложила я собаке. Она стукнула по полу хвостом. — Договорились, будешь Метелью. — Я снова протянула ладонь, и собака больше не отворачивалась.

Ошейник я купила ей голубой, блестящий. Кажется, Метель сама удивилась шикарному подарку, во всяком случае, шею подставила охотно и сразу же отправилась танцевать у дверей. Пришлось идти на улицу.

На поводке и в ошейнике собака почему-то вела себя увереннее, не оглядывалась на меня и дверь подъезда и согласилась отойти подальше от дома. К другому дому. Перейти на другую сторону улицы, к большому старому клену, куда часто подходили другие собаки. Снег вокруг клена был утоптаным и желтым. Метель долго нюхала его, с интересом похрюкивая, будто читала интересную книгу. Впрочем, именно книгу она и читала. У них, собак, свои отношения с запахами.

Каждую прогулку Метель уводила меня все дальше от дома, сворачивала в неожиданных местах. И я внезапно выясняла, что в нашем районе полно мест, о существовании которых я даже не подозревала. Проезд между домами, за которым открывался внутренний дворик со скамейками, клумбами и скульптурами детей, засыпанных снегом, но все равно очень красивыми. Маленький магазинчик «Репейник» в подвале совершенно обычного дома, где я купила себе наконец, теплую вязаную шапку с ушами и узорами, которые напоминали мне цветочный орнамент. Сквер с ровными рядами очень старых лип.

И в конце концов я познакомилась с совсем другими людьми. Они называли себя

«собачниками» и причислили меня к своему клубу. Все началось с того, что одна полная женщина, в красной куртке, закутанная в платок так, что видны были только глаза, утром сказала мне «Здравствуйте!». Я удивилась и поздоровалась в ответ. Тем более что Метель в это время на свой собачий манер знакомилась с собакой женщины — это был невысокий черный песик, весь кудрявый, будто бы специально завитый. Потом мне пожелал доброго утра немолодой мужчина в шуршащих синих брюках и такой же шуршащей синей куртке. На поводке у него был лохматый пес песочного цвета, пес всегда словно бы улыбался, махал хвостом каждому встречному и очень часто нес что-нибудь в пасти: то мячик, то варежку, то пустую пластиковую бутылку, то палку. А мужчина разговаривал приятным басом, в нем чувствовалась такая же открытая радость, как и в его собаке. К концу каникул со мной здоровались уже десятка два людей. И я желала здоровья им в ответ. Это было странное чувство. Они ничего не хотели от меня. Они не знали, кто я такая и как меня зовут. Но они желали мне хорошего дня или доброй ночи, когда мы расходились каждый в свою сторону после того, как собаки набегаются и наиграются, они желали удачи или говорили «увидимся». И они были искренни. Я чувствовала их эмоции. Это было так неожиданно. Впервые в этом городе я встретила людей, которые были живыми и не казались мне сломанными игрушками.

Может быть, я чего-то не знаю, и это просто другой народ? Другая нация? Может быть, у них тоже нет двадцать восьмой хромосомы или какой-то другой? Или у них другие гены? Мне хотелось бы вернуть все свои умения даже просто для того, чтобы узнать, кто они такие. Неужели просто общение с собакой сделало их такими? Нелепая гипотеза, конечно... Но не такая уж несостоятельная. Я рылась в учебнике и в интернете, но не нашла никакой другой расы, кроме человеческой. Они все были одним народом — и те, кто привязали мою Метель с завязанной пастью в глухом лесу, и те, кто встают до зари, чтобы прогуляться со своей собакой по парку и здороваются с незнакомыми людьми...

Интерлюдия: Фотография

На фотографии их младший сын обнимал тоненькую девушку в полупрозрачном платье. В другой семье осуждение несомненно вызвало бы платье, но родители паренька смотрели на девичьи уши — из золотистых волос выглядывали два изящных треугольничка с очень характерным изгибом. У людей не бывает таких ушей.

— Бутафория, — наконец, сказал мужчина. — Посмотри, цвет не совпадает с цветом рук и шеи.

Женщина всмотрелась в фотографию и поморщилась. Действительно, цвет другой и выемка слишком грубая. Но смотреть все равно было неприятно.

— Надо было ему рассказать, — вздохнула Елена Михайловна.

— Зачем? — огрызнулся муж. — Это обычная девочка. Даже близко не эльф, просто вырядилась под эльфа.

— Я вижу, — резко бросила Елена Михайловна и закрыла фото, будто ей было противно на него смотреть. Хотя там был ее любимый сын со своей девушкой, к которой он, судя по всему, очень привязан.

— Тогда что тебя задевает?

Она поджала губы. Посмотрела на мужа. Вздохнула.

— Это же... неприлично. Наряжаться в этих тварей.

— Лена, Лена, успокойся. Этих тварей давно нет на Земле, ты же знаешь.

— Возможно, одна все-таки есть, — упрямо возразила Елена Михайловна. — Мы не нашли никого той ночью.

Мужчина вздохнул.

— Я говорил с нашими. С Михайловыми и Гавриловыми. Все чувствовали той ночью прорыв границы. Сначала никто не хотел признаваться. Каждый думал, что именно он упустил тварь. Но когда я рассказал... все признались

— И... что это значит? — тихо спросила Елена Михайловна.

— Я не знаю. Никто не знает. Может быть, граница стала на миг проницаемой и все. Из-за каких-то колебаний между мирами, — мужчина пожал плечами. — Феликс говорит, такое может быть. Иногда бывает. Как на замерзшей реке трескается лед.

— Феликс только и делает, что говорит и строит теории.

— А что ему еще остается?! Мне не нравится, чем он занимается, но я понимаю, почему он это делает. И я не хочу Матвею такой жизни, как Феликсу.

— Так и я не хочу, — вздохнула Елена Михайловна.

Мужчина обнял ее и поцеловал в висок.

— Признайся, наши предки хорошо поработали здесь. Наша задача — сохранять чистоту мира. А для этого не надо столько охотников, как раньше. Пусть Матвей живет полной жизнью.

— Может, хотя бы рассказать ему?

— Зачем? Он не поверит. В такое сложно поверить взрослому человеку. А инициировать его просто так, ради знаний, жестоко. У нас уже есть Феликс.

— Но эта девушка... — Елена Михайловна запнулась, вспоминая имя. — Людочка...

— Дань моде, — отмахнулся мужчина. — В нашем детстве все поголовно играли в Робин Гуда. Через пару лет забудут про эльфов, выйдет новое модное кино или появится

новая модная книга. Так всегда было. Не паникуй.

— Я не переживу, если с ним что-нибудь случится, — прошептала Елена Михайловна. — Я не переживу.

— Все с ним будет хорошо, — улыбнулся мужчина. — У него есть мы. И наши гены.

— Да, — согласилась она. — Что-что, а наши гены у него никто не отнимет.

— Вот именно, — согласился мужчина.

Часть 3. Фактор неожиданности. Глава 1. День первый

Никто не сомневался, что в первый же рабочий день генеральный директор решит устроить общее собрание компании. Так было всегда, так случилось и на этот раз. Общий сбор был объявлен на пять вечера. За час до конца рабочего дня. Отличное время, чтобы продержаться в тонузе всех, кто собирался улизнуть пораньше или отоспаться за монитором.

Генеральный отличался своеобразным чувством юмора. Например, в прошлом году он попросил выступить с докладом уборщицу и рассказать о проблемах в ее работе. И мы узнали, что пьем слишком много чая, курим в туалете, разбрасываем туфли по всем кабинетам и приходим на работу по воскресеньям, когда она должна пылесосить ковры. После этого у нас объявили мораторий на работу в выходные, для туфлей закупили тумбочки, а на чай установили дневную норму. В конце года офис-менеджер сказала, что даже с учетом трат на тумбочки, мы все равно сэкономили на чае, и генеральный распорядился выплатить сэкономленное уборщице Аллочке. Кого в этом году ждала роль спикера, мы не знали. Волновались все, даже я. Хотя я, честно говоря, больше нервничала из-за того, что собрание затянется, и Метель будет ждать меня слишком долго. Ее терпение мне испытывать еще не приходилось. Ладно, приду на собрание попозже, останусь стоять ближе к дверям, и если через час все не закончится, улизну потихоньку. Все равно завтра писать заявление об увольнении, мир от моего отсутствия не рухнет, а уж компания — тем более.

План удался. Я пришла самой последней и остановилась в дверях. Меня даже не было видно за впереди стоящими коллегами. Отлично, лучше не придумаешь! Хорошо бы, конечно, еще понять, где находится Матвей. Если мне повезет, он окажется в другой вселенной! Но даже если он стоит совсем рядом, то ни придвинуться ко мне, ни прикоснуться не сможет вообще никак. Слишком много людей вокруг.

Главный на этот раз решил сам выступить спикером. Сначала было даже интересно, когда он заговорил о необходимости выбирать слова при разговоре друг с другом. Увы, сам он решил выбрать для разговора с нами исключительно слова древних ученых, о которых я не знала и знать не хотела. Их мысли и советы едва ли могут мне подойти, если бы я даже поняла, в чем они заключаются. У моего народа своя мудрость. Мне стало окончательно скучно, и я принялась рассматривать тени на потолке.

Через минуту всю мою скуку как рукой сняло. Тени были неправильными. Они прыгали и дергались. Этого не должно было быть, потому что во-первых, светильники у нас неподвижные, а во-вторых, стены у нас неподвижные тоже. Значит кто-то из них временно обрел мобильность. Я уставилась на светильники — два ряда плафонов с поперечными перекладинами, будто идущая по центру потолка огромная железная дорога с рельсами и шпалами. В трех местах шпалы крепились к потолку сплошными металлическими прутьями. На мой взгляд, прутья были тонковаты. А еще, на мой, весьма далекий от инженерного, взгляд, трех креплений было слишком мало.

Я внимательно смотрела на прутья и на потолок вокруг них. Потолок видно было плохо, на нем лежала тень от светильников, и я не могла рассмотреть, есть ли вокруг впаянных в потолок штырей трещины или неровности, которые могли бы намекнуть на то, что крепление вот-вот оборвется. Тогда я стала рассматривать стены. Они тоже выглядели

неподвижными. Но тени на них подпрыгивали вверх-вниз. Сначала резко два раза, потом медленно, потом снова резко. Потом пауза, потом все повторялось. Кто-то наверху разучивает танцы или прыгает? Скорее всего, ни то, ни другое. Мы находились на самом последнем этаже, выше нас, по слухам, расположен какой-то технический этаж. Вряд ли там есть место для танцев... А вот для прыжков? Может быть, там что-то обрушилось и теперь подпрыгивает туда-сюда, как детский мячик на резиночке? В таком случае, жить нам тут всем осталось недолго.

Так, без паники. Мне могло показаться. Десять дней истерик, переживаний, не самых легких и простых мыслей, возни с собакой, плохих эмоций. Вместо восстановления сил я потратила их сверх имеющегося свободного запаса и даже, кажется, залезла в резерв. Я просто устала. Никому не грозит смертельная опасность. Сейчас генеральный расскажет, в чем смысл очередной цитаты, все похлопают и разойдутся. И потолок не рухнет. Потому что это не тени дергаются. Это просто я психую. Небось Матвей находится где-то рядом, ты заметила его краем глаза и теперь боишься, что он подберется ближе. Я осмотрелась, привстала на цыпочки и с большим трудом обнаружила Матвея за столом в центре зала. Он сидел вполоборота ко мне, я видела его, он меня нет. Отлично.

Я почти успокоилась и посмотрела на часы. Часы висели на боковой стене, я хорошо их видела — огромные, с прозрачным корпусом, который позволял рассмотреть вращающиеся желтые шестеренки, качающиеся стальные маятники и черные валы. Стрелки на фоне всего этого механического великолепия видны были плохо, и я не сразу поняла, что с ними не то. Они резко дергались. Вместо того, чтобы относительно плавно перемещаться от деления к делению, минутная стрелка падала отвесно вниз. Потом часы вздрагивали вместе с тенями на стене и стрелка задиралась на полкруга вверх. Видимо, вал, на котором она крепилась, соскочил со своего места... И это значило только одно — это была не паника. Потолок трясется и стены тоже. Я не могу сбежать одна. А как увести отсюда всех? Если рухнет этот светильник, он переубивает здесь всех, кто сидит за столом, к праотцам. Часы превратятся в еще одно орудие убийства. А дальше — как повезет. Если рухнет и потолок, то все мы не жильцы. Золотое солнце, теплый свет, что же вы посылаете мне такие испытания, я к ним не готова! Я набрала в грудь побольше воздуха, готовясь закричать что-нибудь дикое вроде «спасайся, кто может», но поздно.

С треском, который слышала только я одна, средний штырь, который поддерживал светильник, вышел из потолка. Светильник стал похож на опрокинутый дом. И тогда я все-таки закричала. Те, кто стояли рядом со мной, поняли, куда я смотрю и бросились к выходу. Меня не вынесло в коридор, как я думала, я оказалась прижатой к стене. Но те, кто сидели за столом, не поняли паники. И генеральный, крайне изумленный непочтительным отношением к древним ученым, начал багроветь, когда я крикнула так громко как могла «Потолок!»

Генеральный медленно, отвратительно медленно посмотрел на потолок. Не знаю, может быть, остальные тоже посмотрели вверх, я следила только за ним. Он увидел что-то еще, помимо того, что видела я, и рывкнул «все на выход!». И тогда началась настоящая паника. Беда была в том, что двери были узкими и сразу за ними начинался узкий же коридор и никто толком не понимал, куда бежать и что делать. Поэтому выбежав из зала, все почему-то толпились в коридоре, не позволяя оставшимся убраться прочь. И где-то в середине этого беспорядка и толчеи у лампы оторвались остальные два крепления. И она упала.

Я инстинктивно вжалась в стену, следом за лампой начал проминаться потолок. Люди, которые сидели или стояли вокруг стола, больше не ждали своей очереди выйти — они полезли к выходу через стол. Лежащая на столе исковерканная лампа с торчащими из нее крупными осколками стекла, какими-то стеклянными белыми трубками, испорченный корпус из мягкого металла. Мне стало страшно. Я сразу же представила, как это все может прорывать кожу, испаривать мышцы, перерезать сухожилия, отравлять кровь.

И почти ту же секунду мой взгляд наткнулся на Матвея. Он полулежал на столе, стремительно белел и вот-вот должен был упасть. А на руке у него стремительно, слишком быстро расплывалось черное пятно. Хорошо, что не артерия, а вена, — была моя первая мысль. Второй мысли не было. Я просто оказалась рядом с ним, хотя между нами была толпа людей и несколько опрокинутых стульев. Я рванула его рукав, он оказался плотным и не хотел отрываться. Но мне нужно было видеть, что там, под рубашкой! И еще — нужно было перевязать рану и чем-то ее прижать. Я схватила ближайший осколок и с силой полоснула по шву. Рукав оторвался. Вена была перебита, из руки торчал осколок и, судя по всему, часть кости размозжилась в труху. Я закричала, чтобы вызывали скорую, принесли аптечку, и еще воду с солью. Но меня никто не слушал. Все толпились у выхода, не понимая, что если бы они построились в шеренгу, то давно бы уже смогли оказаться в безопасном месте. Проклятье!

Я вытащила из-под ног один стул, стряхнула с него осколки, придвинула вплотную к тому, на котором сидел Матвей, и уложила парня. Конечно, нужно было заняться раной сразу, но я не настолько сильна, чтобы одной рукой удерживать мужчину, второй зажимать вену, а третьей накладывать давящую повязку. У меня было всего две руки.

Я прижала вену, сложила рукав, наложила на рану и крепко прижала. Нет, третья рука мне определенно будет нелишней — нужно ведь еще наложить жгут. Сам Матвей уже был почти без сознания и ничем не мог мне помочь. Пришлось снова отпустить повязку, вытащить из его брюк ремень и использовать его как жгут. Все это, конечно, хорошо, но больше ничего я сделать не смогу, нужны другие средства, нужны профессионалы. Я осмотрелась. Зал почти опустел. У выхода стояла высокая тоненькая секретарша Настя и смотрела сквозь меня пустыми глазами. Я поймала ее взгляд.

— Телефон есть? — громко спросила я.

— Что? — Настя очнулась. — Чей телефон?

— Все равно чей. Звони в скорую. Здесь все плохо.

Взгляд Насти стал немного осмысленнее. Она пробралась к нам сквозь стулья и обломки лампы.

— Что случилось?

— Настя, — резко и внятно повторила я. — Нужен маркер, телефон, аптечка и соленая вода.

Настя смотрела на кровь, растекшуюся вокруг Матвея, и ее взгляд снова делался пустым и стеклянным. Ладно, начнем сначала. По одному предмету за раз.

— Здесь на столах были маркеры, найди один и дай мне.

Настя кивнула и посмотрела на стол, потом наклонилась, пошарила на полу и протянула мне толстый черный маркер с синей надписью Infinite Line. Да уж, бесконечная линия, это точно.

— Сколько времени?

Настя вынула из кармана телефон, открыла крышку:

— Семнадцать сорок пять.

Я написала на лбу Матвея эти цифры: 17:45. Оттирать будет долго, если выживет. Но если выживет, скажет спасибо. Некоторые пишут на руке, но это не всегда работает, иногда кровь смывает надпись. Бумага — тем более ненадежно. Теряется, рвется, промокает. А не написать — еще хуже. Правда, я понимала, что каждое мое прикосновение еще сильнее связывает его со мной. И если даже он не знает, кто я, он будет искать встречи со мной. И нет никакой гарантии, что ему снова не захочется прикосновений... или чего-то еще.

— Так, теперь звони в скорую, — скомандовала я Насте.

Настя набрала номер и снова посмотрела на меня.

— Я не знаю, что говорить, — растерянно сказала она и в глазах ее стояли слезы. — Его спасут?

— Да, если мы все будем делать правильно. Дай сюда телефон. А теперь проберись на кухню. Знаю, что невозможно, но ты постарайся. Набери в кувшин теплой воды, литр. И раствори столовую ложку соли. И неси сюда.

Настя кивнула. Я снова поймала ее взгляд, ее невинные чистые глаза.

— Настя, это очень важно. Я не знаю, как ты это сделаешь, но от этого зависит жизнь Матвея.

— Я сейчас, — сказала Настя, врезаясь в остатки толпы у выхода. Наверное, девочка была очень хорошим секретарем.

В телефоне длинные гудки сменились сначала проигрышем, потом механический голос сообщил, что в целях безопасности наш разговор записывается и только потом я услышала усталый женский голос.

— Оператор номер семнадцать, Ольга, я слушаю. Что у вас случилось.

— У нас обрушился потолок. На человека. Разрыв артерии. Десять минут назад.

— Адрес, — меланхолично спросила женщина на том конце провода.

Я четко и внятно назвала адрес.

— Ваш контактный телефон?

— Зачем? — рявкнула я.

— Мы должны проверить, что это не ложный вызов.

— Какой ложный вызов? — заорала я так, что обернулись даже те, кто еще не успел выйти. — Здесь человек истекает кровью! Пока вы будете перезванивать, он умрет! Вы знаете, что такое разрыв артерии?

— Ждите, скорая подъедет через тридцать минут...

— Через тридцать минут здесь будет труп, вы не понимаете?

— К вам сложно доехать, пробки на кольце.

— В воздухе тоже пробки? Вертолет, я знаю, у вас есть вертолеты...

— Вертолеты для экстренных случаев...

— В здании обрушение потолка. У человека разрыв артерии и переломы. Какой еще должен быть экстренный случай? Пожалуйста, вышлите вертолет. Каждый ваш вопрос — это триста кубиков потерянной крови... — я не знала, что еще ей сказать. — Мы тут по колено в его крови, он без сознания, и я понятия не имею сколько еще ребер у него сломано. Какие еще тяжелые случаи вам нужны?

— Отправляю бригаду, ждите, — ответила она и отключилась.

Я бросила телефон на стол и посмотрела на Матвея. Он выглядел совсем плохо. Побледнел и начал потеть. Плохая фаза.

— Кажется, это вена, а не артерия, — сказал кто-то тихо рядом со мной. — И мы не стоим по колено в крови.

Я обернулась. Вход опустел. Но рядом со мной стояли три человека. Оказалось, сбежали не все. Они смотрели на меня как-то странно. Видимо, не ожидали от меня такой бури. Но они не видели, как умирают от потери крови, а я видела.

— Вы готовы возить его в больницу? — спросила я. — Возить в лифте, стоять в пробках? Не думаю, что сейчас в городе массовое обрушение потолков и есть случаи более срочные. И у них наверняка не один вертолет.

— Может, хотя бы вынести его отсюда? — спросил один из оставшихся мужчин.

Я посмотрела на потолок и покачала головой. Пусть выносят санитары. Потолок больше не прогнулся. Из-за рухнувшего светильника было темновато, свет проникал только через окна. Надеюсь, врачи придут раньше, чем наступят сумерки.

Матвей дышал быстро и неглубоко. Плохо. Я сняла жакет, свернула и засунула импровизированную подушку ему под голову.

Вбежала Настя. И когда я объяснила, что мальчика нужно поить, она как-то очевидно засмузилась.

— Что ты стоишь? — рявкнула я уже на нее. — Давай. У меня руки в крови.

— Но он же без сознания, — прошептала Настя, — в обмороке человек не может глотать...

— Значит, сейчас будет в сознании.

Я все понимала. И даже то, что исправить последствия потом будет очень тяжело, может быть, даже невозможно. Но понимала я и другое — промедление может стоить жизни. Я приподняла голову Матвея одной рукой. Вторую положила ему на шею. Нашупала нужную точку. Нажала. Матвей открыл глаза. Пришлось наклониться, чтобы он увидел меня.

— Скорая уже едет. У тебя травма. Лежи и не шевелись, но тебе нужно пить. Много. Поэтому глотай и не сопротивляйся.

Говоря откровенно, он и не смог бы сопротивляться, но мне нужно было сказать это вслух, чтобы услышали остальные.

— Хорошо.

— А вот разговаривать не нужно. Пей маленькими глотками, но пей.

Настя поила его водой. Вода проливалась, ее руки сначала тряслись, потом она успокоилась и дело пошло получше. И вдруг, в какой-то момент я поняла, что чувствую его. По-настоящему. Что я вижу два внутренних кровотечения, что у него повреждена селезенка, что кость не только раздроблена, но и выбита из плечевого сустава. Что одно ребро сломано. Что сердце справляется плохо и скоро наступит следующая фаза. И что мне нужны лекарства, чтобы оставить его на этом свете. Чувствовать это было так же естественно, как дышать или видеть свет. И в то же время я на несколько секунд выпала из мира. Я не ожидала, что одно из моих шести чувств проснется так внезапно. Когда я вернулась в мир, я почувствовала дрожание стекол и гул вертолета. Слава праотцам, они успели вовремя. Настя к этому времени успела влить в Матвея чуть больше полулитра соленой воды. Чайными ложками. Что ж, она молодец.

Вошли спасатели: врач и двое мужчин с носилками. Все в голубой форме со светоотражающими нашивками. Врач на ходу натягивал стерильный перчатки, поднимая кисти вверх. За ними бежала офис-менеджер. На входе она остановилась, с ужасом глядя на потолок. Мне было не до нее.

— Это вена, — сказала я врачу, снимая руку со лба Матвея и отступая. — Извини, ошиблась.

У врача были правильные глаза — внимательные и умные.

— Как физраствором поить и давящую повязку наложить, так не ошиблась. А как вену с артерией путать... так я и поверил, что спутала.

— Машина бы не успела, нужен был вертолет, — призналась я. — Возможно, разрыв селезенки, вывих плечевого сустава, раздроблена кость... Больше не знаю.

Врач склонился над Матвеем. Быстро осмотрел, дал какой-то знак санитарам. Потом посмотрел на меня.

— Селезенку как определила?

— Видела. Удар пришелся туда.

Он кивнул. Я ушла в коридор. Мне не хотелось видеть и знать, что там происходит. Главное, что врачи успели. Можно успокоиться, дальше не мое дело. Через пару минут санитары уже несли носилки, рядом с носилками шел врач, прижимая кулаком брюшинную аорту. Значит, точно селезенка. Или он просто мне поверил. Я бы тоже себе поверила в такой ситуации, наверное.

— Спасибо, коллега, — сказал он, проходя мимо меня. — Повезло мальчику.

— Удачи, — отозвалась я, провожая взглядом носилки.

Мальчик был без сознания. Это хорошо. Для меня, не для него. Возможно, когда он придет в себя, то ничего не вспомнит. Вообще. И мне не придется снова спасаться бегством.

Глава 2. Людочка

Она нашла меня на работе. Стояла на улице, напротив выхода, на самом ветру. Мне она напомнила тонкое молодое деревце с мягкой корой и тонкими веточками-веревками. Мимо шли люди, толкали ее, а она не отрывала взгляд от выхода. Глаза оценивают каждого выходящего, губы решительно поджаты, руки глубоко в карманах. Я стояла наверху лестницы и видела ее сквозь стеклянную стену. Мне было смешно. Она была молодая и хорошенькая. Она собиралась сражаться за свое счастье. Счастье, которое никто у нее и не думал отнимать.

Я спустилась на семь ступенек ниже и толкнула дверь. Девушка скользнула по мне взглядом, отвернулась, потом вернулась, прищурилась еще сильнее. Ладно, будем милосердны к человеческим детенышам, — вспомнились мне слова зазнайки Ильма. Я шагнула ей навстречу. Она сжалась, как от удара, напряглась, занервничала и подумала, что нужно взять себя в руки. Потом разозлилась.

Эх, надо же иметь такое невинное лицо, на котором отражаются все мысли, чувства, желания — только смотри. Меня не восхищает эта возможность, но иногда такие лица кажутся очаровательными — как набухшие по весне бутоны первоцветов или робкие, едва зеленые листочки, раздвигающие плотный панцирь почек.

— Привет, — сказала я самым нейтральным голосом, на который была способна. — Ты Люда? Подруга Матвея?

— Да, — выдавила она. Она не ожидала, что я ее узнаю. Конечно, откуда вам знать, на что способны эти эльфы, кроме как танцевать при луне!

— В каком он состоянии? — снова ровным голосом спросила я, хотя эта фраза потребовала немного больше усилий, чем предыдущая.

— Матвей просил тебя зайти к нему... — ее голос дал трещину.

Я вздохнула, отступила на шаг назад и посмотрела на девушку. Нет, с этим решительно нужно что-то делать.

— Послушай, Люда. Я хочу сказать тебе одну вещь.

Девушка подобралась и стала похожа на хищника перед прыжком. Она готова была драться за свое счастье. За то, что она считала своим счастьем. Я поймала ее взгляд и остановила себя. Нет, я не буду заглядывать внутрь ее, хотя и могу. Мне это не нужно.

— Между мной и Матвеем ничего нет. Мне очень жаль, что Матвеем так не повезло. Будь на его месте другой человек, я вела бы себя точно так же.

Девушка слушала и не верила. Я читала недоверие в ее руках, сгорбленных плечах, в том, как она перекатывалась с носка на пятку и обратно, хохлилась, сдвигала брови и морщила носик. Она не верила, но очень хотела верить.

— Видишь ли, я собираюсь стать врачом. Я прошла курсы первой помощи в экстремальных условиях. Я знала, что нужно делать, чтобы человек, на которого рухнул потолок, остался жить.

У нее распахнулись глаза.

— Рухнул потолок?

Я кивнула.

— Да, упал потолок, светильник и крепления. Если бы кронштейн упал на пару сантиметров правее, Матвея было бы уже не спасти.

Из серых глаз Людочки потекли слезы. Но морщины разгладились, а губы задрожали, как у любого человека, который плачет на людях и старается этого не делать.

— Здесь холодно, — сказала я. — Пойдем, здесь за углом кафе, ты замерзла.

Она кивнула. Когда мы дошли до кафе, у нее уже начали стучать зубы. Не глядя, я заказала себе кофе с молоком, а ей — с коньяком. И когда его принесли, не спрашивая Люду, я высыпала в ее стакан две ложки сахара и только потом придвинула напиток девушке.

— Пей и грейся!

Она глотнула и не заметила, что пьет. Ну что ж, видно судьба у меня такая в этом году — спасти замерзших и искалеченных. Впрочем, не только в этом году. Обычно я занимаюсь этим каждый день. А тут — всего третий раз за месяц. В среднем получается раз в неделю... можно сказать, работа в щадящем режиме...

— Матвей тебе совсем ничего не говорил? — спросила я. — О том, что случилось?

Она мотнула головой из стороны в сторону.

— Он мало пока говорит. Ему нельзя. Попросил тебя найти и уговорить навестить его. Очень просил... — Она опустила голову. Слезы стремительно покатались вниз, сорвались со щек и упали в чашку.

— У нас было собрание сотрудников. Большой зал забит битком, маленькая дверь, кто-то сидел, кто-то стоял. И вдруг начал рушиться потолок, — спокойно заговорила я, будто рассказывала о прогнозе погоды на послезавтра. — Паника, давка. А меня прижало к стене, далеко от выхода. Я подняла голову, чтобы дышать... ну и следить за потолком тоже. Увидела, как выпали крепления светильника и светильник рухнул на стол. Наверное, машинально проследила, куда он упал и увидела, что на Матвея. А дальше сработали инстинкты и учеба на курсах. Вот и все. Но я думаю... — здесь мне пришлось проследить, чтобы в моем голосе появились эмоции: горечь, обида, немного злости, — человек, который истекает кровью на глазах у людей и не получает помощи, испытывает что-то вроде шока. Никто ему не помогает, а он теряет сознание и видит, как люди перепрыгивают через стол, через него и ломаются к выходу... Нам на курсах рассказывали про психологические проблемы несчастных случаев. Что это нормально — испытывать горячую благодарность к тому, кто оказал первую помощь. И что не нужно этого стесняться. Нужно просто принять это «спасибо» и все. Чтобы человек знал, что помогать — это в порядке вещей и мог жить дальше. Вот так. Ничего личного.

Она кивнула слабо улыбнулась.

— Спасибо, что рассказала. Ты очень добрая. Наверно, из тебя получится хороший врач.

— Я надеюсь, что получится, — улыбнулась я.

— Но ты ведь... придешь к нему? — робко спросила Людочка. — Его родители живут в другом городе и пока не приехали. Он совсем один там. И ему тяжело.

— Конечно, приеду, — твердо сказала я.

Я кивнула, открыла сумку, вынула блокнот в красной клетчатой обложке и карандаш на веревочке. Протянула девушке.

— Запиши, пожалуйста, адрес и часы приема.

Людочка открыла блокнот и я тут же пожалела, что не сделала этого сама. Кто знает, на какой странице она его открыла?

— Найди там пустое место, — небрежно сказала я. — Или запиши на любой странице, я найду.

Она не стала листать, а написала прямо там и пододвинула ко мне. На развороте был нарисован цветок одуванчика. Я много рисую, когда думаю. В основном, своих — ястребинку с ястребиночкой, одуванчик, мать-и-мачеху... И как насмешка — рядом с цветком адрес больницы, где лежит спасенный мной охотник. Что мне сказали бы все они — если бы знали, что я сделала? Скорее всего, ничего. Совсем ничего. Не из презрения, а потому что мы не умеем убивать. Смерть никогда не бывает чужой.

— У тебя красивый почерк, — сказала я, когда почувствовала, что молчание затянулось.

— А ты хорошо рисуешь, — она улыбнулась. — Можно посмотреть другие рисунки?

Я пролистала блокнот — нет, ничего страшного здесь не было, и снова придвинула ей.

Она листала с интересом, я видела, что ей действительно нравится.

— Мне кажется, — сказала она, — ты могла бы стать художником.

Я покачала головой.

— Нет, это не работа. Не та работа, которой я могла бы заниматься годами. Я не прощу себе, если вместо спасения жизни, буду украшать жизнь тех, кто остался жить...

Она посерьезнела.

— Да, я понимаю. Я... тоже так же выбирала профессию.

— А кем ты работаешь?

— Еще не работаю. Только защищаю диплом в феврале. — Она вздохнула. — По коррекционной педагогике. Буду учить детей, отстающих в развитии. Все считают, что я ненормальная.

— Почему?

— Платят мало, работа тяжелая...

— За такую работу платят не деньгами, — вырвалось у меня прежде, чем я успела себя остановить. Но теперь уже нельзя было замолчать, нужно было разговаривать. — Выбор такой профессии как пропуск в другой мир, в другое общество. Это тоже естественный отбор по признаку сострадания. Эволюция ведь никогда не заканчивается.

Люда смотрела на меня во все глаза.

— Ничего себе, у тебя мысли, — прошептала она.

Я пожала плечами.

— Мысли как мысли. Некоторые чувства закрепляются в генах, — тут я спохватилась и остановила себя прежде чем успела договорить фразу до конца — «даже у вас, у людей». — Многие чувства кодируются при помощи биохимических процессов и гормонов. На пару молекул больше пролактина — и человек живет в постоянном страхе. На пару молекул больше серотонина — и человек спокоен и уверен в себе. Мы еще не дошли до расшифровки биохимии более сложных чувств, но я уверена, что у них своя картина...

— Нет, я не согласна, — твердо сказала Людочка. — Каждый человек делает свободный выбор, принимает осознанные решения на основании многих факторов.

— Нет никакого свободного выбора, — тихо сказала я. — И осознанных решений тоже нет. В критических ситуациях нами командуют инстинкты. А они защиты в генах.

— Сострадание не может быть зашито в генах, — резко ответила девушка. — Милосердие, жестокость, доброта или злоба. Это все воспитывается. Это не может быть врожденным!

Я не знала, что ей сказать. Может быть, она права. У них нет третьей спирали. Они не ущербные в физическом смысле, но может быть, они недоразвиты в чувствах и эмоциях. И научились (или их кто-то научил?) компенсировать недостатки воспитанием — как

безногим делают протезы и учат ходить на костылях. Ведь наше воспитание — это, по сути, знакомство с собой, со своими возможностями и склонностями, обучение ими пользоваться, приучение слушать себя... А что представляет из себя воспитание здесь? Откуда я знаю, может быть, у них действительно все иначе? Но я же не могла сказать ей, что вот, дескать, у нашей расы так, а у вашей — другие хромосомы. Она, конечно, психоперевозку не вызовет, но наверняка решит, что меня тоже задело падающим потолком.

— Если это воспитывается, расскажи мне, как воспитали человека, который в мороз увел в лес свою собаку, привязал ее под деревом и завязал ей пасть, чтобы она не лаяла и ее не могли услышать с дороги? Ему читали злые сказки? Били каждый день? Пели страшные колыбельные?

— Я не верю в такие истории, — передернула плечами Люда. — Журналисты слишком многое придумывают и приукрашивают.

— У меня дома сейчас живет такая собака, — сказала я, в упор глядя на нее. — Я нашла ее первого января. Утром. И она просидела в лесу не один день.

Людочка покраснела и извинилась. Я поднялась, сгребла блокнот и попрощалась. В конце концов, не споры об эволюции мы здесь с ней собрались вести. Она, конечно, девочка интересная, и если не остановится на своем пути, то пойдет далеко. А то, что она так считает... что ж, скорее всего, это точка зрения официальной науки. Так их учили в школе... На выходе из кафе я обернулась. Девушка смотрела мне вслед, словно собираясь что-то спросить и не решаясь. Я улыбнулась ей и помахала рукой. В ответ она расцвела улыбкой — хорошей, настоящей, теплой. Одной из лучших улыбок, которые я видела здесь. Почему она влюбилась в охотника? Людочке, милому созданию, не нужен муж, который способен безжалостно отрезать головы и вырезать сердца.

И вдруг мне пришла в голову совершенно неожиданная и дерзкая мысль. А не спросить ли у самого Матвея — охотник он или нет? У него постельный режим, ему не разрешают много говорить и едва ли разрешат скоро встать. И тем более скоро его не выпишут. Это значит, что ближайший месяц я могу не опасаться за свою жизнь. А за это время можно исчезнуть так, что никто следов не найдет. Тем более, что заявление об увольнении уже давно подписано и работать мне осталось здесь всего пару дней.

Глава 3. В больнице

Вечером я долго сидела с собакой. Метель придумала игру — приносить свернутый в клубочек носок и бросать мне на колени. А я должна бросить носок куда-нибудь далеко, чтобы она могла побежать за ним. Она смешно подбрасывала попу, припадала на передние лапы перед носком и когда бежала ко мне, делала вид, что грозно рычит на сопротивляющийся носок. Я не знала, что собаки могут играть. Впрочем, возможно, играть могут только эти собаки, этого мира. Может быть, они устроены сложнее тех, с которыми доводилось сталкиваться мне?

В очередной раз глядя на разлетающиеся по скользкому полу лапы, я вдруг подумала, что они совсем зажили. Даже новая кожа выросла и огрубела достаточно, чтобы собака могла много бегать без вреда для себя. Но три недели — это очень мало для естественной регенерации. Отсюда следует две равнозначные гипотезы.

Гипотеза номер один звучит так: собаки в этом мире обладают высокой способностью к регенерации. И, возможно, телепатией, — добавила я, вспомнив, как нашла ее. Я не уверена, что она не звала на помощь всем своим звериным разумом. И что я не почувствовала ее зов, а просто обратила внимание на дыхание. Спокойно анализируя ее состояние, свое состояние и расстояние от дороги до того места, где я ее нашла, я понимала, что едва ли без гиперслуха могла ее услышать. А гиперслух ко мне не тогда вернулся... Впрочем, это как раз и есть вторая гипотеза — мой организм почти полностью восстановился и ко мне вернулись мои возможности. Просто я жила одна и не могла этого почувствовать раньше. Или они вернулись в тот самый день. И я, сама того не понимая, запустила регенерацию. И потратила свои немногочисленные силы, потому что делала это не самым рациональным способом. Вот оно — логичное объяснение последующих истерик, дней в тумане и полусне.

Я подозвала Метель, положила руку ей на лоб. Собака послушно села и преданно посмотрела мне в глаза. Она очень любила, когда ее гладят. Но я не собиралась ее гладить. Я просто держала ладонь и слушала ее дыхание, шумные толчки сердца, шелест легких, хлюпающее дрожание диафрагмы, легкое бурление в желудке... Дальше внутрь я смотреть не стала. Во-первых, я плохо знаю местную генетику для понимания что к чему. Во-вторых, я все равно не замечу патологии, потому что не знаю норму. И даже если я в бессознательном состоянии поставила собаке программу реанимации и регенерации, то делала я это по полному наитию и в помрачении, и едва ли смогу понять, что именно я наделала. В-третьих, ничего изменить и перестроить я все равно сейчас не смогу. Главное, что сейчас Метель чувствует себя хорошо. Хотя юные идеалистки типа Людочки считают, что таких собак не существует.

И вообще, жаль, что я дала ей обещание навестить Матвея. Хорошо хоть, не сказала, что съезжу к нему прямо завтра. Тратить вечер на поездку к человеку, от которого я собираюсь сбежать на край света? Нет уж, извините, я лучше поваляюсь на диване в обнимку с любимой собакой. Так что в больницу я поеду в субботу. Рано утром. Чем меньше шансов застать там Людочку — тем лучше. Нет, она в целом хорошая девочка, но именно что девочка: маленькая, не замечающая ничего, что не имеет к ней прямого отношения, и не понимающая, что у медали может быть много-много сторон, гораздо больше, чем орел, решка и ребро. А возиться с чужими человеческими девочками у меня сейчас нет никакого желания. Да и ей самой будет полезнее не сталкиваться со мной. Чем меньше памяти

останется в их семье обо мне, тем лучше. Да, у них будет семья, в этом можно не сомневаться. Она сделает все возможное и невозможное, чтобы они поженились. А когда умная и добрая девочка ставит себе цель, можно спорить на что угодно, хоть на целую планету, что остановить эту девочку сможет только смерть. И то не факт.

В больницу я пришла почти как домой. Я давно поняла, что достаточно побывать в одной больнице государства, чтобы понять, как обстоят дела в остальных. И совершенно неважно, будет эта больница нищей обветшавшей развалюхой в умирающем городке или показательным медицинским центром для местной элиты в экологически чистом пригороде. В первом случае все чувства будут забыты покорностью судьбе, во втором — превосходством над остальными. Эта больница была немного лучше той, где я работала. Запах стоял хорошо знакомый — свернувшейся крови, пережженного УФ-излучением кислорода, дезинфицирующих растворов и пота. Территория огорожена забором, внутри пустота и серость, убогие скамейки, унылые дорожки, голые деревья. И напряженно молчащая тишина. Такая тишина взрывается сиреной скорой помощи, громким звяканьем закрывающихся ворот, криками охраны. А всякие мелочи типа телефонных звонков, шагов спешащих людей и хлопающих дверей неспособны вспороть это плотное, заползающее в уши молчание. Но я была к нему готова, я привыкла. Мне даже нравилась такая тишина — в ней легко можно услышать посторонние звуки. Я чувствовала себя в ней в безопасности.

Пятый корпус, как и следовало ожидать, оказался недалеко, в него упиралась центральная дорога, дробясь на пять подъездов. Вертолетная площадка, видимо, находится сзади или на крыше. За тугой дверью — тусклая нервная лампочка, зеленые стены и желтый, исшарканный черными шрамами пол. Незаметное окошко, куда надо подойти и получить пропуск. За желтоватым стеклом не было толком видно дежурной женщины, только общие контуры тучного тела. Голос, выведенный наружу микрофоном, оказался как у многих полных людей, высоким и с легкой одышкой.

— Двадцать вторая палата. Второй этаж, на посту у сестры попросишь проводить. Мясные изделия, консервы, алкоголь, табак не передавать.

В металлический лоток под окошком упал белый квадратик, на котором что-то было нацарапано. К счастью, я давно поняла, что на разгадывание каракулей медработников можно потратить не одну жизнь, и прекратила это занятие. Двадцать вторая палата, запомню, и не такие числа запоминала.

Мне продали уже использованные бахилы, забрали куртку в обмен на номерок и предупредили, что в тихий час посещения разрешены, но только в палате, выходить на общие коридоры и разгуливать там, мешая спать остальным, ни в коем случае нельзя. А в восемь больница закрывается, мало ли что суббота. Я утешила гардеробщицу, что я не надолго и не кходящему. Поэтому в тихий час гулять по коридорам не будем, после восьми не засидимся.

Суровая дежурная сестра на посту собралась было повторить мне то же самое, но увидела номер палаты и, видимо, фамилию Матвея и как-то сразу оттаяла.

— Наконец-то родственница, — проворчала она. — А то он один и один, какая-то пигалица к нему бегаёт, и то не каждый день. А ему сейчас не до романов, его бы кто побрил...

Я внутренне содрогнулась. Спасать умирающего человека — это одно. А брить охотника — совсем, совсем другое. Как бы бритва случайно не задела чуть больше кожи чем надо. Где-нибудь рядом с ухом. Где так близко проходит вена, что можно увидеть ее даже у мужчин... Хотя... я не уверена, что смогу сама убить человека. Если я не смогла даже

остаться в стороне, допустить его смерть, то что говорить о том, чтобы напасть первой? Фантазии и мечты. Не смогу, конечно, нет.

Небритым Матвей выглядел старше. И опаснее. Смешно, конечно. Он был опасен для меня в любом виде. Но когда он лежал, а я стояла, глядя на бледное лицо на сине-зеленой подушке, полузакрытое переплетением трубочек и проводков, на шею, перемотанную бинтами, я испытала только острую жалость к себе. Почему из-за этого человека я должна бросать все и бежать? Почему я все время в бегах, а таким как он — всегда везет. Их спасают даже их заклятые враги. А потом они приходят в себя, выздоравливают и хладнокровно убивают своих спасителей. А даже если не хладнокровно — это ничего не меняет. Я проследила за трубочками, тянущимися из его вен, посмотрела на прозрачные пакеты с хорошо видимыми ярлычками на инфузорах. Да, похоже ему до полного выздоровления еще лежать и лежать, капаться и капаться. А если я сейчас изменю скорость введения кое-каких препаратов, то он останется лежать навсегда.

Я подошла к прибору. С такими я дела не имела, но все они устроены по одинаковому принципу. Не нужно быть гением техники, чтобы понять, где регулируется скорость. Я протянула руку к пульта. Подумала, что протянула руку, но рука осталась на месте. Я попыталась протянуть руку... ничего не получилось. Жаль.

Я обернулась и посмотрела на мальчика. Можно уходить. Себя я не спасла и даже не обезопасила, обещание Людочке выполнила, дежурная сестра, если что, подтвердит, что я приходила. И в этот момент по всемирному закону подлости Матвей открыл глаза. Увидел меня и медленно, с недоверием улыбнулся. Будто ребенок, который не верит в желанный, но нереальный и никогда не обещаемый родителями подарок.

— Это ты? — спросил он тихо. — Ты мне не снишься?

Я кивнула. Разговаривать с ним мне не хотелось.

— Спасибо, что пришла. — Он говорил тихо и явно с трудом. Какие-то еще не замеченные мной повреждения? Слабые болеутоляющие? Пересохшее горло от лекарств? Не мое дело, оборвала я себя.

Я пожала плечами.

— Люда сказала, что ты просил. Я обещала ей, что приду. Хорошая у тебя девушка. Береги ее. Она ради тебя готова на небе лишнее солнце зажечь.

— Ага, и Луну снять, — неожиданно улыбнулся он.

— Вот и чудесно, что ты это понимаешь. — Я разговаривала сухо, избегала смотреть ему в глаза и старательно держала дистанцию. — Ты мне что-то хотел сказать?

— Да! — Матвей попытался энергично кивнуть, но движение оборвалось на середине и он поморщился. — Хотел тебя поблагодарить. Когда я выпишусь из больницы, я хотел бы сделать что-нибудь для тебя. Какой-нибудь подарок.

Оставить меня в покое. Уехать в другой город. Умереть.

— Не нужно мне никаких подарков.

— Может быть, я могу что-то для тебя сделать?

— И делать ничего не нужно. Ты думаешь, я с тобой возилась потому, что это ты? Я точно так же спасала бы любого.

— Но это оказался я. И я знаю, что ты для меня сделала. Но не знаю как. — Он говорил с паузами, чуть задыхаясь. Сердце явно не справлялось. И крови, даже перелитой ему было пока еще мало. Да, приходиться в себя Матвею придется долго. — Врач сказал, что это чудо, что ты рядом была. Про давящую повязку знают все, про физраствор только медики. И еще

селезенка... как ты ее вычислила...

— Сложнее всего было вызвать вертолет. Убедить, что он нужен.

— Это вообще за гранью моего понимания. — раздался звучный голос.

Я обернулась. В дверях палаты стоял врач. Я узнала его. «Спасибо, коллега». Знал бы он, что вернул меня к жизни этими словами. Когда во мне снова увидели меня, мне стало намного легче жить. Он подошел и протянул мне руку.

— Серафим Витальевич.

— С таким именем — только врачом и работать.

— Хорошо, что хоть кто-то понимает. А вас как зовут, прекрасная леди, которая умеет вызывать вертолеты и диагностировать переломы ребер на глаз?

— Крепис... — внезапно вырвалось у меня, я торопливо исправилась. — Кристина.

— Никогда бы не подумал, что ты литовка.

Я пожалала плечами. Кто такие литовки? Это жаргон какой-то?

— Или Крепис не литовская фамилия?

— Не литовская, — сказала я. — Я сама толком не знаю, какая.

— Да и неважно, — он махнул рукой. — Так расскажите мне, прекрасная леди, как вы с такими знаниями работаете в офисе и тратите свой талант непонятно зачем непонятно на что.

— У меня нет образования, — призналась я. — Только курсы по оказанию первой помощи.

Серафим Витальевич нахмурился.

— А сколько тебе лет?

— Не очень много, — я улыбнулась. Вот не хватало мне тут при Матвее рассказывать ему тайны своей биографии. Сейчас как проболтаюсь, что могу видеть в ультрафиолете и даже в рентгеновском спектре, так меня вообще в соседнюю палату положат. А у меня собака не гуляна. И вообще. — Я собираюсь в мед поступать в этом году.

— А раньше о чем думала?

— А раньше мне нужно было заработать денег на учебу, — с вызовом ответила я. — Родителей у меня нет, содержать некому.

— Так ты детдомовская? Сиротам положены льготы при поступлении, — несмотря на нарочито грубый вопрос, он звучал мягко. И я видела в глазах врача сочувствие. Настоящее, не поддельное. Свое.

Я сглотнула подступивший ком. Только бы не расплакаться!

— Родители погибли, когда мне было восемнадцать. Других родственников у меня нет. — Я дернула плечом. — Я бедная. И сирота.

— Извини, — он похлопал меня по плечу. — Я не буду больше. Извините, что помешал. — Он развернулся и вышел из палаты. Я надеялась, что он вернется, но он даже не обернулся. Что ж, и здесь он поступил так, как сделала бы я. Но он не нашего народа, он человек. Значит, у них не все потеряно...

— Он классный мужик, — заговорил Матвей. — И вообще на скорой редко работает. Мне повезло.

— Да ты вообще везучий, как я посмотрю.

— В общем, да.

— Знаешь, мне пора. Я вижу, ты в надежных руках. Угрозы жизни нет, восстанавливаться будешь пару месяцев, но потом забудешь, что было. Селезенка — не

печенка.

— Врач тоже так говорит, — улыбнулся Матвей. — Но ты не ответила на мой вопрос. Как я могу тебя отблагодарить?

— Не надо меня благодарить. Врача лучше отблагодари. И выздоравливай.

Я подумала, не похлопать ли его по плечу, раз здесь так заведено, но решила, что лучше не нужно. Я и так провела рядом с ним слишком много времени.

— Подожди! Не уходи! дай мне свой телефон, пожалуйста.

— Зачем?

— Приглашу тебя на ужин, когда выйду из больницы — ответил он, — раз ты не хочешь бриллиантов.

— Увидимся на работе, Матвей, — ответила я, точно зная, что не увидимся.

— Нет, не увидимся.

— Почему? — насторожилась я. Он что, читает мысли?

— Я не хочу туда возвращаться. Мне страшно. Вообще не хочу больше работать в офисах.

— А где хочешь? Ты разве можешь работать на улице? У тебя ведь профессия с техникой связана.

— Значит, сменю профессию. У меня отец юрист. Он говорит, что мне положена компенсация от компании — за производственную травму. Выйду из больницы, разберусь с этими страховками и делами и уеду к родителям.

— А они далеко живут? — осторожно спросила я.

— Далеко. В Якутии.

— И чем ты будешь заниматься в Якутии? — я спросила в основном затем, чтобы повторить незнакомое слово, запомнить его и посмотреть дома на карте, где находится эта самая Якутия и можно ли будет считать расстояние между нами безопасным.

— Буду фотографом. Фотографы везде нужны. Даже на алмазных копиях.

— Наверно, это правильное решение. Удачи тебе. И выздоравливай.

Матвей попытался приподняться, а ему этого делать было еще никак нельзя. Пришлось наклониться и удержать его на месте.

— Тебе нельзя вставать. Лежи.

Он послушно лег, я убрала руку и вдруг поняла, что с самого начала действовала неверно. Нужно было не пытаться его убить, а попытаться понять, кто такие охотники. Я же могла посмотреть его генетическую информацию — и если не понять, то хотя бы запомнить. Такой шанс — узнать, кто они и что из себя представляют. Когда еще он появится? И появится ли вообще? Нет, его нельзя упускать. Но сейчас время ушло. Нужно было делать это, пока он спал. Крепис, чем ты думала?! Впрочем, он же предлагал что-нибудь для меня сделать? Прекрасно, пусть даст мне возможность подержать себя за руку. Особенно если он после этого уедет в Якутию.

Я открыла сумочку, достала блокнот и написала свой электронный адрес. Вырвала страницу, с обратной стороны на ней был нарисован отцветший нивяник, и положила на тумбочку.

— У меня нет телефона. Но есть электронная почта. Когда выздоровеешь и сможешь ходить — напиши. Если не пропадет желание. На ужин приглашать не стоит, а вот погулять в лесу или парке я не откажусь. Договорились?

Матвей кивнул со счастливой улыбкой. Я вышла из палаты, чувствуя его взгляд. А на

лестнице между первым и вторым этажом меня ждал Серафим Витальевич. Вернее, он сидел на подоконнике и читал книгу, но при моем появлении сразу закрыл ее и сунул в карман халата.

— Я обидел тебя?

Я покачала головой.

— Нет, ты же не знал. — Ему легко было говорить «ты», я не чувствовала дистанции, мне не хотелось проводить разделяющую черту между собой и этим человеком. И дело было не только в его профессии. Хотела бы я знать, какие гены дают это сочетание ума, сочувствия и... всего остального.

— Я хотел спросить у тебя про поступление. Будет очень неправильно, если ты не поступишь. Ты ведь на диагностику пойдешь? Или...

— Скорее, на реаниматологию. Или в геронтологию...

— Геронтологию? — он нахмурился. — Странный выбор. Почему?

— Никто не хочет лечить пожилых. Это неправильно.

— А ты откуда знаешь, что никто не хочет? В журналах начиталась в своем офисе?

— Я два года работала в доме престарелых.

Кажется, если бы я сказала, что я эльф, он удивился бы намного меньше.

— Извини, опять промахнулся. Тогда понятно, конечно, да. Но знаешь, я бы тебе посоветовал... а, ладно, — он махнул рукой. — Все равно специализацию выбирают не сразу. Сама поймешь, что тебе нужно.

— Нет уж. Договаривай, если начал, — возразила я.

— Я потом скажу, когда поступишь. — Он вынул из кармана визитку, явно заготовленную заранее, врачи ведь редко ходят с визитками. — Только не думай, что я к тебе клеюсь или как-то так.

— Ты не клеишься и ничего такого, — я улыбнулась и помахала визиткой. — Спасибо за контакты. Думаю, когда я начну готовиться, то мне понадобятся ответы на некоторые вопросы.

— Ты еще не начала? — сдавленно спросил он. — Не записалась на подготовительные курсы, ничего такого?

Я покачала головой.

— Слушай, Кристина, но это же абсолютно несерьезно! Так ты точно никуда не поступишь!

— Увы, — я пожала плечами. — У меня нет денег на курсы, а у них нет бесплатных курсов.

— А давай я с тобой позанимаюсь? — предложил он. — Нет, я серьезно. Бесплатно. Я просто никогда не прощу себе, если ты не станешь врачом.

— Спасибо, Серафим. Я обдумаю.

— А, обдумаю. перезвоните попозже. Ваш звонок очень важен для нас.

— Я сказала не подумаю, а обдумаю, — перебила я его. — Я понимаю, что ты не делаешь такие предложения всем подряд.

— Вот именно.

— Но еще я понимаю, что такое работа врачом на две ставки.

— Я очень рад, — сухо ответил он.

Я подошла к нему ближе и крепко обняла.

— Я не пристаю и ничего такого. Это просто благодарность за предложение. Но я не

уверена, что смогу остаться в Москве после всего этого. Ты же видел, что случилось с нашим офисом. У меня проблемы и может быть, я уеду до лета. — Конечно, если я уеду, то вовсе не до лета, а навсегда, но ему зачем об этом знать?

— То есть не факт, что ты будешь поступать этим летом?

Я кивнула.

— Напиши мне, как станет ясно, остаешься или уезжаешь.

— Хорошо, — ответила я. — Да, я помню, ты не клеишься ко мне и все такое.

— Вот именно, — кивнул Серафим.

— Мне пора, к сожалению. Увидимся.

Я похлопала его по плечу и направилась к лестнице. Сделав шаг вниз, я неожиданно для себя обернулась и сказала:

— Вообще-то на самом деле я хочу работать с генными аномалиями. Синдром Вильямса.

Ничего объяснять не стала. Я была уверена — он поймет. Как же хорошо, что в этом мире есть такие люди. Настоящие люди. В общем, две спирали — это не приговор. Но я все равно не могу понять, по какому принципу природа выбрала, что оставить в наследственной памяти, а что нет.

Глава 4. Прогулка

Он написал в апреле и позвал на прогулку. Я уже работала на другой работе, но пока решила не переезжать в другой город. Во-первых, если мне выпала редкая возможность изучить генетический код охотников — я должна ей воспользоваться. Во-вторых, если я смогу действительно понять, что делает охотников охотниками, то лучше потратить силы на полную регенерацию и поиски мира, где можно встретить наших. И, наконец, если уезжает Матвей, то зачем уезжать мне?

Я собиралась на прогулку с тщательностью, с которой раньше не готовилась даже к самым сложным операциям. Но наверняка, сегодня меня ждала самая сложная операция в жизни. Я не ставила перед собой невыполнимых задач. Я не смогу убить охотника. У меня было два шанса — в конференц-зале и больничной палате, но я не смогла ничего сделать. Но зато я поняла границу своих возможностей. В конце концов, почему я плюю на собственную генетику? Мы не убиваем. Это не какие-то там принципы, убеждения и прочие воспитанные, наносные, искусственно созданные рамки. Это генетически заложенная программа сохранения жизни. Не делать ничего смертельного. Ведь люди не пытаются жить под водой, без кислорода. Или получать энергию непосредственно от солнца. А ведь могли бы. Но нет, организм устроен так, что энергию света мы можем использовать только очень ограниченно. И вовсе не для поддержания жизни. Пытаться совершить убийство с самого начала было бы ошибкой.

Сейчас все будет иначе. Людская генетика больше для меня не непроницаемый космос с незнакомыми звездами — я научилась отыскивать знакомые созвездия. Надеюсь, я смогу распознать ту странность, которая делает человека охотником и заставляет убивать тех, кто не похож на него. И, если получится, я перестрою эту часть информации. И тогда одним охотником в мире станет меньше. И может быть, это будет первый шаг к завершению нашего вечного бегства. И мы сможем спокойно жить, рожать детей и заниматься тем, что больше всего любим: растить цветы и ягоды, ухаживать за землей, превращая бесплодные земли в цветущие сады, возвращать утраченных животных, лечить людей и навсегда устранять генетические болезни...

Метель ходила за мной по пятам и подставляла голову под руку. Требовала, чтобы я ее погладила. Я гладила и продолжала сборы. Она почему-то начала нервничать, трогала меня лапой, щипала за щиколотки за и что-то негромко ворчала. Я не выдержала, присела перед ней на корточки и взяла ее голову в руки.

— Послушай меня внимательно, дорогая моя собака. Меня ждет нелегкая работа. Но никакая опасность мне не угрожает. Вообще никакая. Ты будешь хорошей девочкой, ляжешь спать, а когда проснешься — я буду открывать ключами дверь. Я вернусь вечером и мы с тобой, может быть, будем гулять долго-долго... — и вдруг я замолчала. А почему, собственно, я должна оставлять Метель дома? Мы едем гулять в лес. Самое естественное решение — взять с собой собаку. И ей будет спокойнее рядом со мной. И мне будет спокойнее рядом с ней. Если вдруг что-то пойдет не так, я буду не один на один с проблемой. Рядом будет существо, преданное мне и готовое за меня грызться даже с самой смертью. И кроме того, ведь ко мне вернулись все мои умения благодаря собаке. Я не знаю, помогла именно эта собака или собаки вообще в такой ситуации — лучшие целители. И я не знаю, почему так получилось, эту загадку мне еще предстоит разгадать. Но возможно, что ее

присутствие поможет мне сделать то, чего я раньше не делала.

Эх, Метель, Метель, знала бы ты, какая меркантильная у тебя хозяйка, и твоя радость от слов «собирайся, пойдем гулять» изрядно бы поуменьшилась. Хотя с другой стороны — при чем здесь меркантильность? Я ее люблю. И мне не мешает любая помощь. Естественнее просить о помощи у друзей, чем у посторонних.

Я бросила в рюкзак собачью миску и набрала в бутылку воды для собаки. Кто знает, чем и где закончится наша прогулка? А если есть хотя бы один шанс, что я не вернусь сюда, то нужно забрать все самое важное и нужное... Я вынула из шкафа свою сумку, с которой попала в этот мир, и заглянула внутрь. Черный стилет все еще лежал там. Что ж, жди своего часа, жало змеи. Я свернула сумку со всем ее содержимым, сильно уменьшившимся за три года, в маленький сверток, размером с ту же бутылку, и положила в рюкзак, сбоку. Так, чтобы в случае чего выхватить его в первую очередь.

Сборы я закончила как раз вовремя, чтобы взять Метель на поводок, разыскать в шкафу ее намордник, посмотреть на себя в последний раз в зеркало и отшатнуться от своего отражения. На меня смотрела очень серьезная женщина. Полная решительности, непреклонная, суровая... и ожидающая опасностей в любой момент. Нет, так дело не пойдет. Ты должна быть собрана внутри, но снаружи этого не должно быть видно, иначе ничего не получится. К такой, как я сейчас, даже мне страшно притронуться. А ведь нужно сделать так, чтобы мальчик подержал меня хотя бы за руку какое-то время. Не пять минут. И даже за десять я едва ли справлюсь.

Я заставила себя улыбнуться. Получилось страшно и больше напоминало оскал. Тогда я подумала о том, что меня ждет. Молодой, просыпающийся лес. Первые наглые зеленые травинки. Чистый воздух, в котором нет еще знойной пыли. Дорожки среди мха и веток. Кислые листики заячьей капусты, сладки почки березы, хрустящие побеги папоротника... Ожесточенность пропала из моего взгляда, кончики губ поднялись вверх. Не улыбка, но и не круговая оборона. Намного лучше.

Хотя Матвей настаивал, что заедет за мной на машине прямо домой, я не согласилась. Более того, я специально сделала крюк в два квартала, чтобы подойти к месту нашей встречи с другой стороны улицы и с таким видом, будто шла торопливым шагом, чтобы не опоздать.

Естественно, Матвей уже ждал меня. Стоял на стоянке с нетерпеливым видом, разглядывая всех прохожих. Увидел меня издалека и поспешил навстречу.

— Извини, я не предупредила, что с собакой. Если ты против, погуляем на неделе как-нибудь в парке? — мне не нравилось манипулировать людьми, но иногда я это делала сознательно, мысленно прося прощения у человека. Матвея я не ощущала своим другом или даже близким человеком, так что на этот раз обошлась без извинений.

— Да нет, все нормально, поехали. Другого раза может и не быть, мы совсем скоро уезжаем.

— Мы? — переспросила я.

— Мы с мамой, — объяснил Матвей, — она приехала мне помочь. Собраться и вообще.

— На машине поедете?

Он рассмеялся.

— На машине мы месяц ехать будем. Нет, полетим самолетом. Машину Люде оставлю. — Матвей тут же осекся, будто сказал лишнего, и виновато посмотрел на меня.

Я сделала вид, что ничего не слышала, а если и слышала, то не поняла. Неужели он действительно до такой степени неспособен понять, что происходит? Что отношения и

построение семьи — это одно, а то влечение, которое он испытывает ко мне, — совсем другой природы? Хотя что это я возмущаюсь? Мне же лучше, что он не понимает. Если бы понимал, я бы тут с ним не сидела. Меня бы, скорее всего, уже не было бы в живых.

Матвей подошел к синенькому автомобилю с коротким приподнятым задом, открыл заднюю дверь и Метель послушно запрыгнула внутрь машины, прошла к противоположной стороне и свернулась в клубочек на коврик. Видимо, она хорошо представляла, что такое машина.

— Воспитанная у тебя собака.

— Не моя заслуга, я такой ее уже нашла.

— Нашла? Ты подобрала собаку с улицы?

— Да, а что? — я села рядом с Метелью, она тут же свернула хвост кольцом и радостно мне повилыла. Мне всегда нравилась в ней эта черта.

Матвей сел за руль, завел машину. Я прислушалась к гулу мотора. Странно, техника здесь мне была не всегда понятна, но всегда вызывала какие-то чувства, будто тоже была живой. Какая-то особенная форма жизни — искусственно созданная, уродливая, но с зачатками разума и вечно страдающей душой. Автомобили всегда немного подвывали, словно бы им было больно. Если бы мне пришлось составлять их психическую картину, я бы сказала, что они отдаленно похожи на лошадей или вьючных животных, которые все время взбираются вверх по крутой горе. И они могли бы думать о чем-нибудь другом или даже мечтать, но сейчас под ногами неверная дорога, дрожащие камни, каждый из которых может осыпаться прямо под копытом, сорваться в пропасть, которая с готовностью разинула свою голодную пасть... Вот такой замученный однообразием разум.

Прислушиваясь к машине, я прослушала вопрос Матвея, только краем уха уловила его голос с вопросительными интонациями.

— Ты что-то сказал? Извини, я прослушала.

— Спрашиваю, что ты больше любишь — озера, реки, холмы или леса?

— А ты еще не решил, куда едем?

— В принципе решил, но подумал, вдруг тебе не понравится.

Он не оборачивался на меня, смотрел прямо на дорогу, но я видела, что он иногда бросает быстрый взгляд в зеркало, словно бы желая лишний раз убедиться, что я здесь, с ним, никуда не исчезла. И перехватив мой взгляд, довольно улыбался, скорее себе, чем мне. Что ж, надеюсь, у меня на обратном пути тоже будет повод улыбаться себе.

— А долго нам ехать? — спросила я, когда мы промчались по большой кольцевой дороге, проходящей вокруг всего города, и свернули на одно из многочисленных шоссе.

Матвей пожал плечами.

— Смотря что ты называешь долго.

— Можно в стандартных единицах измерения времени. Полчаса? Час?

— Осталось минут двадцать... к сожалению.

Я вздохнула. В его словах послышалось произнесенное продолжение. Что-то вроде: с тобой я готов ехать хоть на край света. Ну да, каждая минута, проведенная в такой близости, привязывает его ко мне все сильнее и обостряет его чувства. Но что бы ни случилось и как бы ни повернулась моя сегодняшняя операция, это наша последняя встреча. И поддерживать пустую болтовню я не собираюсь. Мне и так предстоит сделать очень многое.

Я смотрела в окно. С моей стороны вдоль дороги тянулась тонкая полоса тополей, за ней просматривались вспаханные поля. Большая редкость для этой местности, обычно к

земле здесь относятся совсем не бережно. Я даже не знала, что ее как-то используют для сельского хозяйства. Потом или поля закончились, или дорога свернула, но вместо деревьев за окном потянулись рельсы, пару раз мимо нас бесшумно промелькнули зеленые электрички. А потом дорога снова свернула и мы остановились на переезде.

— И что это за станция?

— Какой-то километр, не знаю. Это не станция даже, платформа.

— А они чем-то отличаются?

— Насколько я знаю, станция — это когда вокруг населенный пункт. А платформа — когда в голом поле или лесу, а деревня или поселок расположены дальше.

— А почему так странно?

— Наверное, чтобы железная дорога шла прямо и не сворачивала, это же неудобно.

Я покивала, но после переезда начала гораздо внимательнее смотреть по сторонам и запоминать маршрут. Почему-то я не могла отделаться от ощущения, что возвращаться мы с Метелью будем своим ходом, без Матвея. И я привыкла доверять таким ощущениям.

Мы свернули с дороги на проселочную, с разбитым — в трещинах и ямах — покрытием. Мне сама собой вспомнилась сказка про Астру, как вез ее сосед в «хорошую семью» к цветочному народу... Я, правда, куда более в выгодном положении — и ногами ходить умею, и защитить меня, в случае чего, есть кому. А если разбираться, так вообще сказка наоборот получается... Впрочем, нет. Нечего слагать сказки про охотников.

Неожиданно машина притормозила, свернула с дороги и остановилась на небольшой полянке возле дороги.

— Приехали, — объявил Матвей с таким видом, словно собирался подарить мне всю планету. И парочку лун впридачу.

Мы с Метелью вышли. Она подняла голову, втянула воздух, с недоумением посмотрела на меня и прижалась к ногам. Ей было страшно. Какая же я глупая эгоистка! С незнакомым человеком, в машине, в лес. Учитывая, что в последний раз ее поездка в лес едва не закончилась для нее самым печальным образом, вряд ли ее порадует прогулка... Думать нужно было о собаке, а не только о себе! Я разозлилась.

Первые полчаса мы просто куда-то шли, Метель буквально путалась под ногами, но у меня не хватало силы воли прикрикнуть на нее и заставить идти нормально. Я уже подумывала было взять ее на руки, когда Матвей остановился на холмике, обернулся и объявил, что мы пришли.

Мы оказались у лесной реки — небольшой, но неожиданно чистой. Берег был крутым и песчаным, спускаться здесь было бы неудобно. Но даже стоя над рекой, я видела неровное дно под черной прозрачной водой, первых водяных насекомых, пробегающих по кромке воды у берега и маленькие отверстия норок у противоположного берега.

Сама поляна была идеально полукруглой, очерченная кустами можжевельника, толстыми стволами сосен и высокой сухой прошлогодней травой. На том берегу деревья вплотную подступали к обрыву, держась за него скрюченными пальцами корней. Идеальное место для отдыха. Здесь никто к нам не подойдет незамеченным. Странно только, что эту поляну отыскала не я, а обычный человек, пусть даже и охотник.

Мы сидели на берегу, лицом к реке. Каждый устроился так, как ему удобнее. Я — прямо на земле, вдыхая запах сухой хвои, влажной реки, молодой травы и старых деревьев. Метель — справа от меня, привалившись ко мне теплым мягким боком, полузакрыв глаза. Она явно была не прочь задремать, но не чувствовала себя в безопасности. Справа сидел Матвей, на

прихваченном из машины пледе. Я отказалась садиться на плед — это было бы слишком близко и слишком однозначно.

— Спасибо тебе, — вдруг сказал Матвей. — За то, что ты сделала.

Я кивнула.

— Да, это было непросто.

— Я догадываюсь, — голос Матвея звучал растеряно.

— Ни о чем ты не догадываешься, — я повернулась и внимательно посмотрела на него. Темные большие глаза, темные волосы, бледная ровная кожа... Наверное, он считается здесь красивым. И наверное ему будет странно услышать то, что он сейчас услышит. А если не странно и он не удивится, что ж, я еще раз попробую убежать. — Мне нужно с тобой серьезно поговорить. Ты можешь ответить мне на несколько вопросов? Только честно?

Он кивнул несколько раз. Удивленно, встревожено и обрадовано одновременно.

— Скажи, кто твои родители? По профессии, я имею в виду.

— Отец юрист, а мама врач.

— Врач? — я не верила своим ушам. — Неужели в самом деле врач?

— А что тебя так удивляет? Да, врач. Стоматолог. — он ослепительно улыбнулся, словно демонстрируя великолепную мамину работу. — Говорят, хороший.

— А бабушки и дедушки? Ты их знаешь? Кем они работали?

Матвей растерянно пожал плечами.

— Не знаю. Они умерли до моего рождения.

— У обоих родителей?

— Да, у отца и у мамы.

— А кем они были?

Матвей растерялся еще больше.

— Не знаю. Никогда не спрашивал, а родители не говорили.

— А у вас в семье есть какие-то их вещи? Может быть, фотографии? Вы бывали у них на могилах?

Он потряс головой.

— Н-нет... Что это значит? Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ты не просто мальчик, а я не просто девочка, которая тебе внезапно, неизвестно почему нравится. И нравится слишком сильно, чтобы не обращать внимания.

Матвей покраснел и отвел глаза.

— Откуда ты... как ты догадалась... это так заметно, да?

— Скажем так, я знала на что обращать внимание, — ответила я и взяла его за руку. — Я хочу тебе рассказать кое-что. Скорее всего, тебе не понравится моя история. Может быть, ты решишь, что у меня не все в порядке с головой. Но я хочу тебя предупредить, что это — чистая правда.

— Умеешь ты интриговать, — Матвей с трудом улыбнулся, но я видела, что он страшно напряжен.

— Мне нужно, чтобы ты пообещал одну вещь.

— Да? Я должен знать, что я обещаю.

— Если ты не сможешь сдержать обещание, то я не буду ничего рассказывать. Это не угроза и не шантаж.

Он улыбнулся и легко сжал мою ладонь.

— Так что же я должен пообещать?

Его темные глаза превратились в бездонную бархатную пропасть, на дне которой не хватало только отражения звезд. Я чувствовала, как ускоряется его пульс и учащается дыхание. И я придвинулась чуть-чуть ближе. Чтобы мне удобнее было работать с ним.

— Что никогда ни при каких условиях ты не скажешь никому, а особенно своим родителям моего имени. И если у тебя есть мои фотографии — ты удалишь их все сегодня вечером. И, само собой, ты не покажешь их родителям. Ты вообще ничего не скажешь им обо мне.

— Да они, скорее всего, вообще о тебе не догадаются. Если ты, конечно, не согласишься выйти за меня замуж!

Я сделала вид, что не услышала последней фразы, хотя по тому, как он ее сказал, я поняла, что он давно держал ее в уме и она просто вырвалась раньше времени.

— Неважно, догадаются они или нет. Важно, чтобы ты пообещал и сдержал свое обещание.

— Значит, замуж ты за меня не выйдешь? — убито спросил он.

— Послушай, Матвей. У тебя есть Люда. У тебя есть родители и вся твоя жизнь. У меня есть только собака.

— Но у тебя может быть все, что есть у меня, — с жаром начал он. — И я буду только рад собаке в нашем доме...

— Успокойся, — тихо произнесла я. Так тихо, как разговаривают с разбушевавшимися детьми или истеричными взрослыми. И он успокоился.

— Ты заберешь обратно свое предложение, как только узнаешь правду.

— А когда я ее узнаю?

— Как только дашь мне обещание никому не рассказывать обо мне.

Он задумался.

— Хорошо. Я обещаю никогда и никому не говорить о тебе, не называть твоего имени, не показывать твоих фотографий и вообще удалить их. И в первую очередь мое обещание касается моих родителей.

— Спасибо, — сказала я.

Я легко провела пальцами по его запястью и нащупала его пульс. Чуть прижала его. Удобная точка для работы. Я начала говорить — благо, я давно продумала, что и в каком объеме ему рассказать, — и рассматривать заложенную в нем информацию одновременно. Концентрироваться на двух таких серьезных вещах сложно, но возможно.

— Этот мир, который ты называешь Землей, — не единственный, — начала я. — Существует много миров, много человеческих разумных рас. Мы — одна из них.

— Мы — ты и я? — с надеждой спросил Матвей.

— Нет, мы — это я и мой народ. Нас называют по-разному. Чаще всего — цветочный или травяной народ. Потому что мы, как правило, называемся именами травы и цветов, иногда деревьев... Здесь, на Земле, мы больше известны как эльфы.

— Но эльфов не существует!

— Не существует как народа, ты прав. Но не-существование прямо сейчас не доказывает невозможность существования. Зимой не существуют цветы, а летом их много.

— Вы впали в спячку? — усмехнулся Матвей. Судя по тону он не очень-то верил в мою историю. Неважно. Сейчас его вера или неверие не играют никакой роли.

Я откинула волосы назад, показывая ухо.

— Помнишь, ты спрашивал, где я взяла такие уши. У меня свои. Настоящие.

Матвей с недоверием рассматривал мое ухо. И я продолжила.

— Мы живем во многих мирах. И в каждом — так получается — есть охотники. Это не отдельная раса, как мы. Они — коренные жители мира. Но они тоже не такие, как все. Они нас чувствуют и стремятся уничтожить. Убить. С охотниками нельзя договориться, их нельзя подкупить или шантажировать. Были попытки, но все они заканчивались резней... И это не простое чувство, как запах или свет. Охотники испытывают к нам сильное влечение, сродни физической страсти...

Я рассказывала ему историю, смотрела в его глаза и видела, что он не верит. Не потому, что ему не нравятся жестокие охотники и он не хочет быть одним из них. А потому, что ни эльфы, ни охотники не вписываются в его картину мира. Потому что у него в жизни все просто и понятно. И в лучшем случае он готов пойти на поводу у того, что он считает зовом плоти, чем поверить в нас... и в себя. И как ни странно, для меня это хорошо. К чему не относишься серьезно — то нельзя использовать. И хотя внешне все выглядело так, будто я стараюсь его убедить, внутри мне стало спокойнее. И я стала разгадывать эту страшную тайну под названием геном охотника.

Я прошлась взглядом по всей спирали ДНК, по каждой хромосоме, по каждому гену в попытке понять их устройство и принцип шифровки. В какой-то момент меня осенило как три спирали превратились в две. Третья просто легла проекцией — на две. И как любая проекция — утратила часть информации о целом. Гены передают только общие представления о мире и все. Подобно тому, как для того, чтобы по трем проекциям представить объемный предмет, требуется воображение и некоторые знания, так и для того, чтобы получить полную информацию из двух спиралей, требуется воспитание и некоторые знания. Но все равно... при таком подходе теряется слишком много.

Кроме того, две спирали, пересыщенные информацией, не дают возможности формировать новые единицы генетической памяти. А это значит, что у них нет генной памяти как таковой. Дети не получают память предков — если родители что-то могут донести устно, то память о мире дальше трех колен полностью утрачивается или искажается до бесполезности. Вот почему у них так много библиотек, вот почему они так любят читать! Книги — вот где хранится их генетическая память!

И еще одно открытие сделала я, которое мне совсем не понравилось. Две спирали оказались более жесткими. Не было материала для пропущенных участков хромосом, связи между ними были сильнее. Они располагались ближе друг к другу и витки были более плотными. Все это значило только одно — работать с ними тяжелее в несколько десятков раз. Не невозможно, нет. Но для этого мне понадобится большая концентрация и большая площадь контакта, чем точка пульсации на запястье. И проблема была даже не в этом! Я не понимала, что делать. Я не знала, я просто не знала, с чем сравнивать геном охотника! С обычным человеком? Но я не знаю нормального генома. Я думала, что смогу разобраться — не смогла. Это все равно что сравнивать план одного города с трехмерной моделью другого и пытаться понять, где ошибка в плане... А может быть, там и нет никакой ошибки?!

Я несколько раз повторила всю информацию, все коды, чтобы запомнить и записать, как только смогу. Может быть, это желание убивать лежит в одном-единственном гене, который ни за что больше не отвечает. Но тщательное сравнение поможет его найти. Если до сих пор у меня не было возможности изучить геном обычного человека — это же не значит, что я не сделаю это в будущем. Это слишком ценная информация, чтобы ее терять, даже если я не смогу воспользоваться ей для своей защиты. Но жаль, что я не смогла удалить

этот ген прямо сейчас. Если я правильно понимаю происходящее, то сразу после нашей встречи Матвей отправится к Людочке. В конце концов, есть напряжение, которое можно сбросить только одним способом. А теперь пора заканчивать с просвещением, а то я скоро упаду без сил.

— Ты можешь мне не верить, — сказала я. — Но это правда.

— А почему тогда, — ехидно спросил Матвей, — вы не нападете в ответ? Не начнете свою войну на уничтожение? Почему вы всегда убегаете? Рано или поздно миры закончатся, что вы будете делать тогда? Неужели вы не можете просто собраться и убить этих охотников?

— Потому что мы не умеем убивать, — ответила я.

— Так научитесь!

— Научись дышать водой, питаться солнечным светом, рожать детей без женщины, менять цвет глаз в зависимости от погоды... Это генетическое неумение убивать.

— Не понимаю, как умение может быть генетическим.

— Ну да, конечно. Не понимаешь. Умение ходить, умение одергивать руку от огня, умение реагировать на нападение — это все заложено в генах.

Матвей покачал головой.

— Знаешь, по-моему, это ерунда... Я обычный человек. Я не хочу тебя убить. Ты мне нравишься и мне очень хочется видеть тебя каждый день, быть рядом с тобой. И я не понимаю, почему после твоей истории я должен перестать этого хотеть.

Я дернула плечом. Не понимает. Что ж, это хорошо.

— Хорошо, если тебе так проще — не верь. Но я все равно не выйду за тебя замуж. Ни при каких условиях.

Он смотрел на меня и не собирался сдаваться. В его взгляде не было упрямой решительности, а то, что было — напоминало нежность. Но я не верила в нежность охотников.

— Послушай, Кристина, — тихо заговорил он, — звать тебя замуж нельзя, рассказывать о тебе никому нельзя, но можно тебя обнять?

И прежде, чем я успела ответить, он придвинулся ко мне, обнял за плечи и притянул к себе. Мои губы оказались рядом с его шеей. И вдруг я поняла, что могу сделать. Синдром Вильямса. Плечо двадцатой хромосомы. Если ее перестроить, Матвей не сможет убивать. Умственная отсталость ему не грозит, а агрессии не будет точно. Как у всех с этим синдромом. Я положила ладонь ему на шею, ближе к вене и замерла. Недовольно заворочалась под боком Метель, и я мысленно попросила ее молчать.

Я почувствовала его пульс, ток крови, удары сердца. И пошла дальше, вглубь. Работать было тяжело. Упругий, жесткий, неподатливый материал. Конечно, я не изменяла каждую хромосому в каждой клетке. Мы давно ушли вперед от первых методик Селикса. Я просто задала программу на перестройку ДНК. Соппротивление было чудовищно огромным, никогда не встречала такого. Моих сил было явно недостаточно для того, чтобы перестроить и закрепить изменения, но это я поняла слишком поздно. Разбирать программу перестройки обратно было бы еще дольше, сложнее и потребовало бы не меньших сил, чем уже вложено. А бросать на полпути — это обрекать организм на странные болезни, когда клетки не понимают, что им делать, и начинают то делиться, как бешеные, то наоборот — отмирать, то реагировать на своих соседей как на врагов... Этого я тоже не могла допустить. Попробовала просчитать, сколько продержатся изменения — не смогла. В лучшем случае —

несколько месяцев. В худшем — пару дней. Программа закончит работать часа через четыре. Как раз когда он вернется домой. К маме. И она все поймет. Плохо, плохо, плохо. Я запаниковала. Паника передалась собаке. Метель резко встала, потянула воздух и низко-низко зарычала. Проклятье! Чем ниже собака рычит, тем большая опасность с ее точки зрения угрожает стае. Судя по утробному рыку, больше похожему на гул мотора, нам угрожало что-то страшнее смерти.

— Метель! Ко мне.

Она вильнула хвостом, но не обернулась. Мол, слышу, но не трогай. Пришлось собрать все мысли и эмоции в кулак, чтобы не распуститься и закончить начатое. Матвей был в трансе и я не знала, чем именно вызвано его состояние. Долгой близостью охотника с жертвой? Моими действиями? Я действительно проследила за уменьшением уровня адреналина, но не до такой же степени, чтобы он впал в кому!

Несколько минут после окончания ушло на проверку программы. Стандартная процедура. Но сейчас она казалась мне пародией на операцию, на всю мою работу. Смысл пришивать руку, когда знаешь, что через несколько дней ткани будут отторгнуты организмом? Я стала слишком самонадеянной и эмоциональной, слишком мало думаю и плохо просчитываю последствия своих поступков. Я вздохнула и опустила руки. Что сделано — то сделано. Будь что будет.

Глава 5. Пикник

Я встала посмотреть, что вызвало недовольство собаки. Мышцы болели — это было естественно. Дрожали руки, подгибались колени. Это тоже было понятно. Но еще у меня кружилась голова, к горлу подступал комок тошноты, а перед глазами прыгали черные мошки. Это было совсем неправильно. Это значило, что я потратила больше энергии, чем могла себе позволить. Это значило, что мне нужно срочно съесть сахара или каких-нибудь быстрых углеводов или я грохнусь в голодный обморок.

Так, разборки с внешним врагом подождут. Или нет? Я все-таки подошла к собаке. В кустах сидел еж. В общем, даже не очень прятался от собаки и не сворачивался в колючий шар. Просто сидел и смотрел на Метель, а она стояла и рычала на него, не приближаясь. Я присела на корточки. Ну, как у нас здесь обстоят дела с разумными ежами? Еж смотрел на меня бусинками глаза и тихонько похрюкивал. Подвижный носик ходил влево-вправо, маленькие ушки шевелились. Вообще, странно, конечно, что он выполз сюда днем. Ежи — ночные животные. Что его заставило сюда прийти? Тропа к воде проходит явно ниже, ягод пока еще на поляне нет, солнца особенного тоже.

Я осмотрелась еще раз, перевела взгляд выше — на кусты и деревья. Ну надо же! А ведь мы на поляне были не одни, далеко не одни. На верхушках деревьев сидели несколько белок — еще не до конца вылинявших после зимы, с клочками длинной шерсти на ровненькой летней шубке, остатками ярких рыжих волос в хвосте. В развилке старой березы сидела маленькая болотная сова и удивленно пялилась на нас с Метелью. Разнообразная птичья мелочь качалась на тоненьких веточках, порхала с дерева на дерева, но явно не удаляясь слишком далеко. Из-за ствола выглянул дятел в красном берете и тут же спрятался. Наглый дубонос, северный попугай, сидел на ветке прямо надо мной — я видела его мощный клюв и любопытные глаза. Я улыбнулась. Я скучала по всем им вместе и по каждому отдельно. Это был живой мир, настоящий, понятный.

Нет, я не знала языка зверей и птиц. Я не могла ничего им приказывать. Я не умела превращаться в них. Все эти чудеса нам приписывают совершенно напрасно. Но птицы, звери и растения нужны мне, чтобы жить. Мой мир неполон без них. И я подозревала, что и их мир без нас тоже неполон. Я не настолько хорошо знаю природу, чтобы судить о связях между мной и травой, между мной и этим ежиком, и даже между мной и моей рыжей Метелью. Это не связь хищник-пища, хотя я ем растения. Это не похоже на симбиоз — они не умрут без меня, а я — без них. Но я думаю, что когда мы рядом — что-то меняется в самой природе. Что-то неизвестное мне приближается на один шаг к гармонии и совершенству. Ведь листья клена могли бы становиться бурыми или опадать сразу, а не желтеть таким ослепительным золотом на фоне голубого неба, что глазам становилось больно. А липы могли бы пахнуть скромнее и неуловимее, а не пьянить своим запахом, плывущим в сумерках, все живое попавшее в их медовые сети... Я не знаю, почему у клена листья расплавленного золота, а у цветов липы пьянящий запах. Могло бы быть и иначе. Если бы у природы были другие критерии... Может быть, эти птицы и звери, что пришли сейчас на поляну, оказались здесь по той же причине, что мы стоим под цветущими липами или замираем надолго под кленом, подняв голову вверх...

Я почувствовала, что совсем расслабилась и скоро усну и тут же поняла, что не засыпаю, а медленно скатываюсь в обморок. Пришлось подниматься.

Метель, словно обрадовавшись, что я снова взяла командование нашей маленькой стаей в свои руки, радостно побежала к пледу, на ходу оглядываясь на меня, словно призывала идти быстрее.

Матвей лежал на пледе и смотрел на меня.

— И что там было?

— Еж. Обыкновенный еж.

— И ты способна разглядывать ежа двадцать минут?

— Я способна делать это намного дольше, но мне вдруг захотелось есть.

— О! — Матвей оживился. — А у меня есть набор юного туриста.

Он открыл свой рюкзак, извлек из него термос, упаковку помидоров, половину круглого хлеба, картонную коробку с сыром и другой сыр, треугольный ломоть из большой сырной головки.

— До меня дошли слухи, что ты вегетарианка.

— Слухи оказались самой что ни на есть правдой, — подтвердила я. — Я же тебе говорила. Мы не можем убивать.

Матвей промолчал, но я видела, что он мне не верит.

— Кстати, — добавила я, — если ты прихватил для себя упаковку ветчины, то можешь доставать и смело есть.

Он рассмеялся.

— Нет, я подумал, что тебе будет неприятно. Да мне и сыра хватит.

Все-таки он подозрительно заботливый и внимательный для охотника!

Я вскрыла пластиковый пакет с хлебом, потом сыр. Но дальше моя помощь в подготовке пикника закончилась.

— Нужен нож, — сообщила я Матвею.

Он озадаченно посмотрел на меня.

— Ну, мы можем, конечно, ломать сыр и хлеб руками, но это не совсем удобно.

— А вот про нож я и не подумал...

И тут я вспомнила. Черный стилет в моем рюкзаке. Что ж, почему бы и нет.

— Зато у меня, по-моему, есть.

Я открыла свой рюкзачок, нашарила сумку и осторожно вытащила стилет.

— Какой странный нож.

— Все лучше, чем никакого. — Я протянула стилет Матвею.

Он взял его осторожно, сразу двумя руками и поднял на уровень глаз. Черный металл поглощал свет, не бликовал, не отражал. Просто выглядел, как кусок ночи. Матвей удивленно присвистнул.

— Из чего такой ножик?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Никогда не интересовалась сплавами и металлами.

— Дорогой? — с уважением спросил Матвей.

— Вообще да, он мне дорого достался, — кивнула я. — Давай что ли, бутерброды сделаем.

Матвей нарезал хлеб, потом так же легко и привычно — оба куска сыра, раскроил помидоры на четыре части каждый. Снова посмотрел на нож и восхищенно поцокал языком.

— И все-таки, где ты его купила?

— Я его не покупала. Можешь считать, что это мой трофей.

Матвей рассмеялся, рассматривая нож.

— Скован гномами в подземной кузнице? Выменян на плащ из лунного света?

— Не знаю, кто такие гномы, если честно. — Я протянула руку к стилету, намереваясь отобрать его у Матвея. Не та тема, которую мне хотелось бы с ним обсуждать. Ох, не та.

И в этот момент Метель с лаем бросилась к зарослям кустом. Краем глаза я увидела взмахнувшие уши и сверкание серо-коричневых пяток. Заяц.

— Метель, ко мне! — закричала я. — Возвращайся!

Метель, разумеется, не вернулась, а добежала до кустов, и поскуливая, начала их обнюхивать, поднимая голову то кверху, то оборачиваясь на меня. Пришлось подойти, взять ее за ошейник и вернуть на место, к нашему импровизированному столу на траве. Метель недовольно поворчала, но за кусочек сыра согласилась забыть, что видела зайца. Разобравшись с собакой, я заметила угрюмость Матвея.

— Что случилось?

— Ничего, — буркнул он, всем своим видом давая понять, что его кусочком сыра не успокоишь. — Порезался.

Нож лежал на скатерти, рядом со мной, явно протертый, но на нем блестели две капли крови — совсем крохотные, но я их видела. Отлично. Теперь у меня есть и биологический материал. Лучше не придумай.

Я подошла к Матвею, присела на корточки рядом с ним.

— Покажи.

Он протянул руку. Порез был глубоким, но небольшим. В неопасном месте. Я взяла его ладонь в свою и несколько раз резко согнула. Матвей молчал.

— Сухожилие не задето, — объяснила я. — Все нормально. У тебя есть платок или бинт? Перетяну и не двигай пока рукой.

— Больно, — сказал Матвей. — Очень больно. А платка нет.

Платок был у меня. И бинт. Я оторвала немного бинта и крепко прижала к ране. Подождала, пока на нем перестанут появляться свежие капли крови, и тогда уже перебинтовала. А лоскуток с кровью Матвея спрятала в карман.

— Теперь легче?

— Что это было? — сквозь зубы спросил Матвей.

— А что ты чувствуешь? Жар? Холод? Жжение?

— Просто боль. Как будто меня укололи. Глубоко.

Неужели яд? Неужели есть яды, которые могут храниться так долго? Но тогда... тогда мы оба смертники, потому что все продукты порезаны этим ножом. Да нет, ерунда, любой яд уже смылся бы кислотой зелени и жиром из маслянистых сыров. Да и вкуса яда не было. Тогда что?

Я смотрела на Матвея. А какая, в конце концов, мне разница, что это? Нож охотника порезал охотника. Что я знаю об оружии охотников? Ничего, кроме того, что они им убивают. Если мне не хочется немедленно отсасывать яд из раны или промывать ее спиртом или искать кору ивы — значит, смерть Матвею не грозит. Что я так ношусь с ним, в конце-то концов!

Я завернула нож в пакет, бросила в рюкзак.

— Кристина, что происходит?

— Ничего. Ты порезался, я тебе перевязала рану. Скоро заживет.

— А почему так больно, если это просто порез?

— Глубокие порезы всегда болят сильнее, — ответила я и посмотрела на него в упор. — Ты же все равно мне не веришь. Не поверил ни единому слову.

— Теперь я готов поверить.

Я посмотрела на него в упор.

— Зато я не готова ничего доказывать.

Я не знаю, что сказала бы ему еще. Может быть, если бы разозлилась еще больше, я бы даже сказала правду — что этот нож я вытащила из своего мертвого кузена, совсем мальчика по нашим меркам. И мальчик этот не был ни в чем виноват, когда кто-то такой же как Матвей метнул в него нож. И если бы я не вытащила нож, то потом этот нож оказался бы во мне... Но это была слишком ценная информация для охотника, чтобы ее сообщать даже спящему, даже слепому.

И вдруг зазвонил телефон Матвея — у меня своего не было. Я не знала, кому могу звонить здесь, а меня и подавно никто не знал. Матвей даже не подумал отойти, и я отлично слышала их разговор с Людочкой. Она спрашивала, где он, говорила, что скоро освободится и они могут поехать к ней домой, потому что ее родители уехали открывать дачный сезон, а она дома совсем одна... А девушке так страшно оставаться ночью дома одной... Тем более весной. Матвей отвечал ей скудно и невпопад, но она ничего не замечала.

— Я приеду, как только смогу, — сказал он и нажал отбой.

К этому моменту я уже сложила всю еду в пакет, свернула плед и скатерть, и забросила свой рюкзак на плечи.

— Я думаю, на этом нам стоит попрощаться, — сказала я, как только Матвей закончил разговор. — Спасибо, что показал это место.

Он был не готов к моим словам. Вообще. Обида, растерянность, снова обида и недоумение поочередно отражались в его глазах.

— Это... Слушай, что я должен был сказать по телефону своей девушке, по-твоему? Ты же сама сказала, что не... не хочешь быть со мной.

Я кивнула. Он думает, что дело в ревности? Пусть думает дальше.

— Я помню дорогу на станцию, — сказала я и пристегнула поводок к ошейнику собаки. Карабин звонко щелкнул в натянутой тишине. — Доеду на электричке.

Матвей поднялся.

— Я не отпущу тебя.

Я отступила на шаг назад и обернулась. Если придется бежать, нужно хотя бы понять приблизительное направление. Видимо, мой испуг тоже читался у меня на лице слишком отчетливо, потому что Матвей поднял руки вверх и тоже отступил назад.

— Кристин, я не понимаю, что с тобой. Послушай, я не собираюсь тебя держать. Довезу до города и высажу, где скажешь, хоть у первого метро. Но здесь до платформы километров пятнадцать.

— Ничего, я дойду.

— Я даже не знаю, останавливаются ли там поезда.

— Останавливаются, мы же видели, когда ехали.

— Кристина. Я обещаю, что ничего тебе не сделаю. Не скажу никому про тебя. Вообще ничего. Не знаю, почему ты так меня боишься. Не знаю, кто тебе промыл мозги этой историей охотников и эльфов, ты не похожа на ролевиков. Но я точно знаю, что если мужчина привозит девушку в лес, то он обязан увезти ее обратно. Я понимаю, ты не хочешь, чтобы я знал, где ты живешь. Хорошо, я не буду пытаться это узнать. Но оставить в лесу одну

я тебя не могу, понимаешь? Это неправильно. Для меня неправильно. Вот ты говоришь, что не можешь убивать. А я не могу бросать девушек в лесу.

— В лесу я себя чувствую лучше, чем в городе, — перебила я его. — И я не одна. Я с собакой. Я могу жить в лесу годами.

— Если тебе захочется жить в лесу годами, — твердо сказал Матвей, — собирайся и живи. Но отправляйся в этот лес сама, без моего участия. — Он помолчал и добавил. — Кристина, я тебя очень прошу. Пожалуйста, сделай мне одолжение. Позволь отвезти тебя в город. Обещаю, больше я тебя никогда не увижу.

— Хорошее обещание, — сказала я. — А можешь пообещать, что никогда ни при каких условиях не станешь меня убивать?

— Кристина, ты мне спасла жизнь, как я могу тебя убить?

По-всякому, вздохнула я про себя, но вслух ничего не сказала. Матвей истолковал мое молчание по-своему.

— Хорошо. Я обещаю, что никогда ни при каких условиях не причиню тебе вреда и не убью тебя. Клянусь.

У него перехватило горло на последнем слове и голос стал совсем низким. Что ж, по крайней мере, это настоящая клятва.

— Договорились, — сказала я. — Бери вещи, поедem. Тебя Люда ждет...

Он мгновенно покраснел.

— Эээ... Я...

— Не оправдывайся. Она влюблена в тебя, а ты в нее. Я — флуктуация. Неконтролируемая реакция организма. Мне нет дела до твоей личной жизни, по большому счету... — Я улыбнулась. — Пойдем к машине.

Часть 4. Охотники и жертвы. Глава 1. Обратная сторона медали

Вечер неотвратимо превращался в ночь, а Матвей не возвращался. Можно было бы позвонить, но Елена Михайловна не любила мобильные телефоны. Они притупляют интуицию и лишают самостоятельности. Женщина стояла на балконе и смотрела на сумерки, которые становятся все плотнее, превращаются в настоящую тьму, вдыхала такой непривычный запах города и не могла избавиться от ощущения, что она не видит чего-то важного. Вернее, что она увидела что-то важное, но никак не может понять, что это. Как будто память самовольно взяла и отбросила прочь вещь, которую никак нельзя забывать.

Город шумел, но все тише. Как успокаивается дыхание засыпающего человека. Город, который давно стал безопасным. Это было хорошо, но немного неправильно. То есть для города это было как раз правильно. А вот для нее — нет. Она чувствовала себя ненужной. Еще не старой, полной сил, знающей много полезного и важного, умеющей такое, что дано немногим... и все ее тренировки, весь ее опыт, умение чувствовать опасность, безошибочно вычислять жертву в миллионном городе, превращаться в тень добычи и, наконец, брать свое — все это стало ненужным. Так, забив гвоздь, убирают в кладовку молоток, избавившись от мышей, прячут мышеловку... Елена Михайловна невесело рассмеялась. Мышеловка, которая должна гордиться своими успехами, вот кто она такая. Вот самое верное сравнение.

Прошуршали шины, мигнули огни фар. Елена Михайловна перегнулась через перила. Матвей торопливо шагнул к подъезду: куртка распахнута, волосы встрепаны, глаза блестят. Мягкая, правильная походка. Инстинктивно верный выбор одежды. Жаль, что пропадет такая наследственность. Елена Михайловна еще раз вздохнула и отправилась открывать дверь.

Еще с порога ее обдало чужим запахом. Чужим, но слишком хорошо знакомым. Мед и цветы. Она втащила за руку сына в коридор и быстро захлопнула дверь. Запах не исчезал. Женщина смотрела на Матвея и не верила себе. Это был не ее сын. То есть нет, это был ее сын, роднее некуда. Но он пах как добыча. Какие-то неуловимые ноты, привкус тумана во рту.

Ее захлестнула волна ненависти — до черных пятен перед глазами, до спазма горла.

— Мама, что с тобой? Ты в порядке? — встревоженно спрашивал Матвей, а она смотрела на него и ничего не могла ответить.

— Я сейчас, я вызову скорую, мама, ты держись, — он взял ее за руку, и это была не его рука — она была мягкой и слишком нежной для ее сына. Он никогда так не прикасался к ней, с такой заботой. Он заставил ее сделать несколько шагов к креслу и почти насильно усадил. Она тут же вырвала руку.

Матвей бросился на кухню, на ходу доставая телефон.

— Не нужно скорую, — сказала Елена Михайловна, заставляя успокоиться.

Нет, но какова наглость! Взять потомственного охотника и сделать с ним такое! Это не наглость даже, это жестокое, извращенное издевательство!

— С кем ты был сейчас? — спросила Елена Михайловна.

— С Людой. А что такое, мам?

Матвей стоял перед ней, так и не сняв куртку, только рюкзак бросил в угол под вешалкой. Рюкзак был подозрительно большим. С таким рюкзаком к девушке не ездят. Да

еще на машине!

Елена Михайловна твердо посмотрела на сына.

— Нет. Ты был не с Людой.

Он наклонил голову к плечу, как птица, и улыбнулся незнакомой кроткой улыбкой. Опять этот чужак в родном сыне! Невыносимая пытка. И главное, непонятно, что дальше делать и как с этим жить.

— Ты не хочешь снять куртку и разуться, например? Так и будешь стоять одетым?

Матвей нахмурился.

— Мама, что с тобой? Почему ты злишься? Я же звонил, предупредил, что буду поздно. Что-то случилось?

Она поднялась и подошла к сыну вплотную. Запах, тошнотворный запах свежей травы, цветущих лип и еще чего-то такого лесного... Елена Михайловна взяла сына за подбородок и заглянула в глаза.

— Матвей, что-то случилось не со мной, а с тобой, и Людочка здесь ни при чем. Я ее видела, я ее знаю, я даже говорила тебе, если помнишь, что буду рада видеть ее своей невесткой. Очень. А знаешь почему? Потому что она никогда бы не сделала с тобой того, что сделал с тобой кто-то другой.

Матвей рассмеялся, мотнул головой и отступил на шаг. Стащил куртку с одного плеча, потом с другого. Двигался неловко и словно бы берег одну руку. Елена Михайловна присмотрелась. Порез был между большим и указательным пальцем правой руки. Станный тонкий порез. Сложно представить, чтобы человек мог порезаться сам в этом месте. Если только он не левша.

— А что у тебя с рукой?

Матвей посмотрел на руку, на порез.

— Да так, поранился ножом.

Он присел и начал расшнуровывать ботинки. И снова — осторожно и медленно, словно бы боялся лишней раз пошевелить рукой. Елена Михайловна дождалась, пока он переобуется, потом прошла на кухню — там свет был ярче, и позвала сына.

— А теперь покажи, что у тебя с рукой.

Он послушно протянул руку. Она внимательно смотрела на тонкую полоску. Она уходила глубоко. Нож был острым и тонким.

— И что ты резал этим ножом, интересно?

— Хлеб, мама. Я резал хлеб и сыр.

— Не представляю, как можно порезать руку, режа сыр. Или это был какой-то особо твердый сорт сыра?

— Ага, гранит, — фыркнул Матвей. — Мама, честное слово, это был сыр и хлеб.

— Хорошо, — Елена Михайловна поджала губы. — А что это был за нож? Только не говори, что это был обычный нож. Этот нож не мог быть обычным.

— Тонкий, острый с обеих сторон. На конце острый, как игла. А в профиль его совсем почти не видно. И черного цвета, — сдался Матвей. — А еще я не знаю, из чего он сделан. Слишком легкий для стали.

— Блестел? — спросила Елена Михайловна.

Матвей покачал головой.

— Нет. И не отражал ничего. Очень удобный. Мне его отдавать не хотелось.

Женщине стало жарко и холодно одновременно. Один из легендарной шестерки

Блуждающих Братьев? Да что за ерунда лезет ей в голову! Откуда здесь, в этом спокойном углу Вселенной, блуждающие стилеты?! Но с другой стороны, все сходится — и вид, и действие. С третьей стороны, если здесь появился Блуждающий Брат, значит, этот уголок стал уже не таким спокойным и даже, скорее всего, перестал быть уголком. И, наконец, в четвертых... Елена Михайловна решительно потрянула головой.

— Матвей, тебе больно как от обычного пореза или сильнее?

— Мне вообще кажется, что это не порез.

— А что?

— Сначала будто игла уколола, а теперь как будто там что-то лишнее, холодное, и каждый раз, когда я двигаю рукой, колется.

— Кровь шла?

— Немного. Я перебинтовал руку, потом снял у Люды бинт. Это не заражение крови? — с тревогой вдруг спросил Матвей.

— Ты не мог перебинтовать руку сам в таком месте. Или ты врешь и не перебинтовал, или ты был с кем-то, кто тебе перебинтовал.

Матвей вздохнул, отодвинул стул, сел и бездумно включил чайник, послушал на его глухое шипение, потом так же бездумно выключил.

— Матвей, чей это был нож? Где ты его взял?

Матвей снова вздохнул и посмотрел на нее снизу вверх.

— Мама, я был в лесу. На прогулке. С девушкой. Не с Людой. Нож был ее. Она хотела забрать, я не отдавал, залаяла собака...

— Какая собака? — насторожилась Елена Михайловна.

— Ее собака. Я от неожиданности дернулся и порезался. Все. Девушка перебинтовала мне руку и убрала нож.

Елена Михайловна мысленно поаплодировала. Так, очень хорошо. Еще немного и он расскажет про эту девушку, эту инженерную тварь, все до конца!

— А почему залаяла собака?

— Заяц там мимо пробежал, что ли, или еж.

— Заяц или еж? Они не очень-то похожи между собой, знаешь ли.

— А, вроде бы заяц. Еж к нам раньше пришел на поляну.

Елена Михайловна, внутренне подобравшись, приложила ладонь ко лбу сына. Лоб был совершенно нормальным, не горячим, не ледяным. Значит, жара нет.

— То есть к вам на поляну пришел заяц... Это вы рассвет, что ли встречали на этой поляне? Хотя нет, что я говорю, ты же ночевал дома, я точно знаю...

— А что не так с зайцем, мам?

Женщина улыбнулась про себя. С зайцем все так. И с ежом тоже. Не так с кое-кем другим, но это дело поправимое. Она внутренне потянулась, предчувствуя скорую охоту. Хе-хе, а мышеловка-то не зря пылилась в чулане!

— Зайцы — ночные животные. И ежи тоже. Чтобы они днем вышли к людям... маловероятно. — Она пожала плечами. — Разве что у них там пожар случился, в лесу, а вы сидели очень тихо. Но если ты был с девушкой...

— Мы сидели тихо, — ответил Матвей. — Очень тихо.

— Верится с трудом, если честно. Вообще, странная какая-то история, — Елена Михайловна сделала вид, что на самом деле ее совсем не интересует эта самая «странная» история. — Включи чайник, что ли. Попьем чаю и спать, поздно уже. Да и ты уставший. В

конце концов, две женщины за один день — многовато даже для Дон Жуана с опытом. А ты у меня еще маленький. Есть хочешь?

Матвей покраснел. Она ожидала вспышки гнева, ярости, обиды — чего угодно. Это была бы нормальная реакция. Но реакция оказалась ненормальной. Матвей покраснел, да, но не смутился, не обиделся, не закричал, чтобы не лезла не в свое дело.

— Есть не хочу, я поужинал у Люды, — ответил сын. — И я не Дон Жуан. Мы ничего такого в лесу не делали. Просто гуляли и разговаривали.

— И о чем же вы разговаривали?

— О ерунде всякой.

Зашумел возмущенно чайник. Елена Михайловна перехватила его за минуту до закипания, аккуратно залила белую от мелких пузырьков воду в глиняный круглый чайничек с рисунком бамбука на крышечке.

— Знаешь, мне всегда было интересно, что это за ерунда такая. Мы с твоим отцом с самого начала разговаривали о серьезных вещах. О том, как сделать мир лучше. Какую профессию выбрать. Что происходит в стране. Обсуждали новости науки.

— Ну, это же вы с отцом. Вы вне конкуренции, — рассмеялся Матвей. — Вы мой идеал семьи. А у нас и правда ерунда какая-то была. Она рассказывала о своих увлечениях. Ну, ты знаешь, сейчас есть такая субкультура — ролевики. Начитались Толкинена, воображают себя хобитами, эльфами и всеми остальными.

— И кем же воображала себя эта твоя... знакомая? — Елена Михайловна достала две чашки и разлила чай, старательно делая вид, что тоже говорит обо всякой ерунде.

— Эльфом. Говорила, что они древний народ, что они не умеют убивать, а на них охотятся какие-то крайне жестокие охотники. — Матвей тряхнул головой, сделал маленький глоток чая и рассмеялся. — И уверяла, что я тоже охотник. И все потому, что она мне нравится. — Он снова отхлебнул чая и пожал плечами. — То есть нравилась, пока не наговорила этой ерунды про эльфов. Сам не понимаю, что на меня нашло. Ничего особенного в ней нет, скорее страшненькая, чем красивая. — Он помолчал, смакуя чай, потом поднял смеющиеся глаза на Елену Михайловну. — Ну, как тебе наша ерунда?

— Это не ерунда, — сказала женщина, в упор глядя на сына. — Это чистая правда.

Глава 2. Блуждающий брат

Разговор длился почти час, и Елена Михайловна начала терять терпение. Самое ужасное заключалось в том, что Матвей не злился, не обижался, не сердился. Иногда посмеивался, иногда терялся и задумывался. Но злости в нем не было. И с каждой минутой все сильнее в нем проглядывал незнакомец с чужим запахом, выворачивающим женщину наизнанку. Она отодвинула стул и старалась не наклоняться вперед. Видеть, как твой сын, твоя кровь бунтует против тебя же и на глазах превращается в тех, с кем ты сражался всю жизнь, — это было невыносимо. И хуже всего было то, что она ничего, совершенно ничего не могла с этим поделать. Убить сына — эта мысль находилась за пределами даже ее моральных границ, которые были куда шире тех, что приняты в этом мире. В большинстве миров. Но какой же цинизм, какой тонкий расчет!

— Матвей, я последний раз говорю, мне очень важно знать имя этой девушки. И как она выглядела. Для твоего же блага...

— Мама, — отмахнулся Матвей. — Я и так сказал тебе слишком много. Я обещал ничего не говорить тебе и отцу о ней.

— То есть она знала, что мы будем спрашивать?

— Мам, ты меня прости, но я все еще не очень верю в это...

— И напрасно! Тебя не удивило, что я заметила, что ты был не с Людой?

— Наверно, я должен удивиться и завтра непременно удивлюсь. Думаю, мне нужно больше времени, чтобы привыкнуть. И наверно я завтра на свежую голову задам тебе кучу вопросов. Но сейчас я очень хочу спать. А еще у меня невероятно болит рука. Все сильнее и сильнее. У нее что, у этой самой эльфийки, отравленный стилет?

Женщина покачала головой, собираясь ответить, что оружие охотников не убивает охотников и вдруг замерла. Матвей не был охотником. Во всяком случае тогда, когда порезался стилетом, он был уже не совсем охотником. И чем дальше идет перестройка его организма, тем больше последствий у пореза. И ничего-ничего-ничего нельзя с этим сделать!

— Мам, что с тобой? Ты побледнела... Что, правда отравленный? Но наверно, ты же знаешь, как справиться с этим ядом, если ты действительно охотница. И вообще, современной медицине я верю больше, чем заговоренным клинкам. — Матвей хотел добавить и «древним знаниям», но почему-то замолчал и не добавил. Может быть, потому что именно древние знания спасли ему жизнь. А может быть, потому что скажи он это, и мать смогла бы догадаться, откуда он знаком с Кристиной и вычислить ее...

— И напрасно, — вздохнула Елена Михайловна. — Медицина не увидит в этой ране ничего особенного. Сухожилия не задеты, крови нет, воспаления вокруг раны нет... Пропишут болеутоляющее...

— А ведь идея! Выпью-ка я анальгин.

Женщина безвольно опустила плечи.

— Выпей, но тебе это ничем не поможет.

— Почему, мам?

Матвей присел рядом с ней, обнял ее за плечи.

— Ты чего-то боишься? Первый раз вижу тебя испуганной.

И тогда мать в ней взяла верх над всем остальным. Она кивнула головой и честно

ответила:

— Боюсь, что ты не проснешься завтра утром.

— Мам, ну хотя бы ты не говори ерунды! — взмолился Матвей.

— Это не ерунда. — Она тряхнула головой. Сколько, сколько раз за сегодняшний день она говорила эту фразу? И кому — собственному сыну! А ведь они сами решили не рассказывать ему ничего, не посвящать в их вымирающую профессию.

— Мама, если ты так боишься, я могу просто не ложиться спать. Хочешь? Устроимся на диване, сварим кастрюлю кофе, поболтаем, а? Ты расскажешь мне еще одну страшную историю про черные ножи. А утром ты забудешь все свои страхи. И мы будем тихо и спокойно жить дальше. Ну, или не тихо и не спокойно. Но жить будем точно.

Речь Матвея убаюкивала. Елена Михайловна не помнила раньше в его голосе таких добрых и нежных интонаций, он словно бы уговаривал ребенка, отвлекал его от разбитой коленки. Но сейчас на кону — не разбитая коленка, а жизнь ее сына.

Елена Михайловна решительно поднялась.

— Так, ты давай действительно вари кофе, а я пойду позвоню отцу.

— Мам, дай ему поспать хотя бы час. У вас там сейчас пять утра. Ну что тебе решит этот час?

— Да мне только час придется ему объяснять, в чем дело! — в сердцах бросила женщина, но вернулась в свое кресло на кухне. В словах Матвея была доля рациональности.

— А если тебе так уж надо с кем-то поговорить, — улыбнулся Матвей, — можешь рассказать мне пока, почему ты решила, что завтра я не проснусь. А заодно, чем тебя так испугала моя рана и этот нож. А я пока сварю кофе.

Матвей подошел к плите и занялся кофе. Женщина смотрела, как он двигается и кусала губы. Как они ошиблись тогда, решив отказаться от его инициации! В нем было все, что нужно — крепкое спортивное тело, отточенные движения — ни одного лишнего жеста, ни одного ненужного взмаха, он мог бы вслепую станцевать танец на ножах без единого пореза. Ловкий, быстрый, живой.

Заплясал огонь, поплыл запах горячего кофе, зашипела вода, потом минута сосредоточенного ожидания, первая нота закипания — и все. Турка снята с огня, черный огонь переливается в белые чашки...

Матвей придвинул к ней блюдо с конфетами и улыбнулся.

— Итак, где твоя страшная сказка, мама?

И она начала рассказывать.

— Давным-давно в одной далекой галактике...

— ...бушевали звездные войны? — поднял брови Матвей. — Не нужно, это историю я знаю. Но там не было ничего про черные ножи. И вуки не похож на эльфа.

— Я могу начать иначе, — сказала Елена Михайловна. — Давным-давно, в тридесятом царстве, в тридесятом государстве жили-были...

Матвей поднял руки в шутливом жесте признания поражения. Елена Михайловна продолжила:

— ...жили-были обычные люди. Они занимались своими делами: влюблялись, женились, рожали детей, воспитывали их, отдавали в свет и умирали. Жили люди по-разному: кто-то лучше, кто-то хуже. У одних детей было больше, у других меньше, одни доживали до полностью седой головы и бороды, другие умирали без единого седого волоса. Но в целом, все были довольны, так было заведено, такой был порядок. Но однажды в этом

мире... эээ... в этом тридесятом царстве появились другие люди... Они прошлись по деревням и рассказали, что хлеба и яблок можно выращивать больше, если использовать другие сорта растений. Что коровы могут давать больше молока, а пчелы — больше меда. Над ними смеялись, но они уговаривали попробовать. И уговорили. Некоторые — таких были единицы — согласились взять на пробу новых семян... И оказалось, что урожай действительно больше, на него меньше влияет засуха и холода, мед с новых цветов слаще и дольше остается светлым, а молоко — жирнее и пахнет лучше. Бросились тогда остальные искать такие же семена — а пришлых и след простыл. И так получилось, что те, кто с самого начала решился попробовать новое, быстро начали богатеть — и хлеб у них был вкуснее, и мед, и сыр, и больше их было, хватало не только на себя, но и уходило на продажу в город. И покупали эти продукты охотнее, чем обычные. И не торгуясь, давали большую цену. А эти другие люди, пришлые, они называли себя цветочным народом, пришли в города. И за один грош лечили любого, кто приходил к ним за помощью. Год жили они в каждом городе и уходили в следующий. А те, кого они лечили, не только не болели больше вообще никакими болезнями, а жили дольше и старели медленнее. У обычного человека уже и зубов не оставалось, а у этих, когда смеялись, от зубов солнечные зайчики отскакивали. Да и дети у них рожались здоровыми и красивыми, загляденье. И народ стал делиться на две неравные половины. И те, которых было больше, стали завидовать тем, кого было меньше, хотя зависти раньше не было в этих краях. И начали твориться разные страшные вещи, о которых раньше никто даже помыслить не мог.

И тогда собрался на этой земле совет мудрецов, куда пришли самые мудрые из мудрых, самые уважаемые из уважаемых. А все, кто не пришел, дали клятву выполнить все решения совета мудрецов. Не три часа и даже не три дня длился совет. Тридцать дней собирались мудрецы и говорили, и думали, и решали одно и смотрели на последствия, и понимали, что это было неправильное решение. И думали над другим. И на тридцать первый день они поняли, что нужно делать.

Созвали они самых лучших охотников и разослали их во все концы земли с наказом найти пришельцев и привести. И велено было охотникам не оставлять без внимания ни одного дома, ни одного лесного шалаша, ни одной лодки на реке или палатки в поле. Год рыскали охотники по всей земле, обошли каждый клочок леса, обшарили все хутора и пустующие избушки. Не осталось такого места, где не ступала бы нога охотника. Но удалось им найти только одного пришельца и привести его к старейшинам. Это был мужчина, не молодой и не старый, не уродливый и не красивый. На такого посмотришь и через минуту забудешь.

И тогда позвали мудрецы самого лучшего оружейника и сказали ему сделать оружие, которое могло бы убивать только тех, кто принадлежал народу пришельцев. Долго отказывался оружейник, долго уговаривали его мудрецы, пока он не согласился. Он отправился в мастерскую, а вслед за ним отправили мудрецы пленника, чтобы оружейник мог изучить его и понять, что убьет наверняка этого чужака.

Через год вновь собрался совет мудрецов, и оружейник принес шесть черных, как ночь, клинков, которые были тоньше луча света и острее меча палача.

— Где же твой пленник? — спросил один из мудрецов, — мы хотим проверить твою работу.

— Он мертв. — ответил мастер. — Его кровь в каждом клинке. Иначе бы не получилось.

— Но как тогда мы узнаем, что ты справился со своим делом? — спросил мудрец. — Если в нашем мире не осталось ни одного врага?

— Вы можете отправиться с этими клинками в другие миры. Каждый из них может вывести туда, где живут те, кто испортил наш мир. Удар каждого из них будет смертелен для любого, в ком есть хоть немного цветочной крови.

Мудрецы выбрали шесть лучших охотников и каждый получил по ножу.

— Как зовут их? — спросил один из охотников.

— Как зовут, не знаю, — пожал плечами оружейник, — но все они — кровные братья.

Другой охотник подержал нож в руках, примерил в ладонь и недоверчиво сказал:

— Слишком уж хрупкий. Из чего он сделан? Он не сломается, если попадет в кость или в дерево? Не перерубит его меч?

— Из чего он сделан — это мой секрет. А сделан он так, что сломаться он может только в одном случае — если прольет нашу кровь, кровь охотника. Будьте осторожны с братьями, берегите их, и они будут жить на свете много-много веков и сменят многих владельцев.

Так и случилось. Шесть охотников разошлись за пределы мира и больше никогда не вернулись. Блуждающих Братьев видели то в одном мире, то в другом. И везде они верой и правдой служили охотникам. И любой инженер или цветочный человек, или как там они еще себя называют, умирал, даже если ножевая рана была совсем неглубокой.

Елена Михайловна вздохнула и одним глотком допила остывший кофе. Сын смотрел на нее с ужасом.

— Какая жестокая сказка, мама!

— Зато у нее хороший конец.

Матвей покачал головой.

— А я его так и не понял. Зачем понадобилось уничтожать этих самых... пришельцев? Они же не сделали ничего дурного — еда стала лучше, исчезли болезни...

— Они не сделали мир лучше?! Они лишили его равновесия. Ты думаешь, болезни — это безусловное зло? А как тогда регулировать численность популяции? И если на одном дереве плоды лучше и сочнее, значит, это дерево забрало воду и соки у своих соседей. Не надо менять орбиты планет, обещая, что на новой орбите климат будет лучше, воздух чище, а жизнь слаще. Воздух будет чище — значит, будет грязнее вода. Люди перестанут болеть, значит, наступит голод и есть будет нечего... У каждой медали есть другая сторона.

В глазах Матвея не было понимания и сочувствия. Он смотрел на нее с жалостью. Разве что не гладил по голове.

— Мам, равновесия не бывает, ты не знала? Равновесие — это равная скорость протекания прямого и обратного процесса.

— Откуда ты такой умный на мою голову взялся, — проворчала Елена Михайловна. Меньше всего на свете ей хотелось дискутировать на тему определений. Больше всего на свете ей хотелось найти ту, которая искалечила ее сына и отрезать голову ей. Что такого они делают с людьми, что они за несколько часов превращаются в таких вот, совершенно чужих, зомбированных существ, отрицающих все, в чем они были воспитаны.

— Слушай, мам, так я и не понял, почему ты волнуешься, — вдруг прервал ее размышления Матвей. — Если я охотник, то нож сломается и все. Я же не этот... как вы там их называете. Почему я должен умереть?

— Потому что сейчас ты — такой как они. Она изменила тебя. Превратила в свое подобие. Говорят, им достаточно прикоснуться, чтобы заживить раны, остановить кровь,

вернуть зрение или навсегда избавить от хромоты...

— Ерунда все это. Она не останавливала мне кровь прикосновением, она держала бинт, пока кровь не перестала идти.

— Ну, может, она делает это словами, — дернула плечами Елена Михайловна, — откуда мне знать, как они делают это с живыми людьми. Я, знаешь ли, никогда не разговаривала с живыми эльфами. Но я вижу тебя и понимаю, что сильно недооценивала слухи, которые о них ходят. Надо было верить всему и запоминать даже самые нелепые истории.

— Да что же со мной не так?

— А ты не чувствуешь?

Он покачал головой из стороны в сторону.

— Не чувствую. Какой я был, таким я и остался...

— Ты иначе пахнешь. Ты не злишься. Я тебя несколько раз оскорбила, ты даже не заметил. Ты заботаешься обо мне, хотя раньше никогда так не делал.

— И тебе за это все хочется меня убить?

— Пока нет. Но я не знаю, что будет, когда перестройка закончится.

Матвей пожал плечами.

— Поживем — увидим. Ты отцу хотела позвонить — так звони. А то через час он на работу уйдет.

— А ты смотри мне, не засыпай!

— Хорошо, — ответил Матвей и улыбнулся.

— И что ты мне предлагаешь? — разговор тянулся непростительно долго, Елена Михайловна уже начала посматривать в сторону кухни. К сожалению, телефон здесь был старый, из тех, которые не взять в руку и не пойти в другую комнату, нужно было стоять, будто привязанный к аппарату. И это Елену Михайловну раздражало тоже.

— Вези его сюда! Билеты у вас на пятницу? Очень хорошо, меняйте на сегодня. Да плевать, что не успеете собраться. Что там у него такого ценного, что нельзя бросить? Машину пусть девчонке оставляет, не обеднем. Фотоаппарат в чемодан, документы туда же и вперед. У нас тут не горячий сезон, знаешь ли, билеты должны найтись. Хоть в бизнес-класс, неважно. Сын дороже любых денег, мы же его потеряем там. Ты же не знаешь, где ходит эта тварь! Может, она за стеной живет, в соседнем подъезде.

— Это вряд ли, я бы почувствовала.

— С одного раза? Сомневаюсь, — хмыкнул мужчина. — В общем, давайте, рысью покупайте билеты и вперед. Я вас жду!

Елена Михайловна не сразу поняла, что значат короткие гудки. Организм требовал сна, но волны адреналина не давали сосредоточиться на сне, хотя и мешали ясной работе головы. Наконец, она положила трубку и посмотрела на сложенный на столе ноутбук. Билеты, сейчас же. Конечно. Только нужно посмотреть, не спит ли Матвей.

Он не спал. Он сидел, положив руку на спинку кресла, уютно устроив подбородок в ямке между большим и указательным пальцами. Глаза были открыты, но смотрели в никуда, вдаль, в лиловый туман небытия. Он был еще теплым, когда женщина рискнула прикоснуться к его лицу и закрыть ему глаза.

Она не делала попыток вызвать скорую помощь или что-то сделать. Это было бесполезно, она знала. А еще она знала, что сама виновата в смерти своего сына. Что не рассказала ему с детства о том, кто они такие. И в том, что не учила его беречься и

охотиться. И больше всего — в том, что она своими руками лишила его огромной Вселенной, решив за него, что ему будет достаточно одного мира, но не додумавшись до простой истины — у миров нет границ, и то, что есть в одном, может попасть и в другой...

Глава 3. Конец

Елена Михайловна в последний раз обвела взглядом пустую квартиру. Слезы закончились уже давно, но теперь, когда закончились дела, которыми она могла отвлекать себя, они снова вернулись. Муж улетел домой два дня назад, она осталась. Она хотела найти эту тварь. Она была уверена, что сможет ее отыскать. Увы, поиски закончились ничем.

Елена Михайловна пересмотрела все профили сына в социальных сетях, которые смогла обнаружить на его компьютере. Постаралась встретиться со всеми девушками, с которыми он дружил. Тупик. Ее там не было. Она просмотрела тысячи фотографий на его компьютере и в портфолио. Он, оказывается, мечтал стать профессиональным фотографом, зарабатывал на собственную студию, а они с отцом так ничего и не узнали. Елена Михайловна пролистала все фотографии, где было хоть одно женское лицо. К счастью, она представляла, как примерно должна выглядеть «эта девушка». Высокий лоб, треугольные брови, глаза со странным разрезом, глубокая носогубная складка и непропорционально большой рот. И фирменный тяжелый подбородок с опущенными вниз щеками. Конечно, не самая модельная внешность, но такого лица не было ни на одной фотографии. Вот ведь чертова кукла, умеет скрываться, — со злостью думала Елена Михайловна, закрывая очередной сет снимков.

В самую последнюю очередь Елена Михайловна сходила к нему на работу, но там ее тоже подстерегала неудача. Под видом поминок в новом конференц-зале собрались все сотрудники, которые знали Матвея. Она сказала короткую речь о том, что благодарна им всем за поддержку и надеется, что они иногда будут вспоминать его. Они покивали, взяли заранее разлитое по стаканчикам тягучее красное вино, молча выпили и разошлись.

Где же она прячется, эта тварь? Где ее искать?!

Впервые Елена Михайловна не знала, что делать дальше. Этот мир был не богат на разрывы границ. Им удалось обнаружить только один — и они жили рядом с ним, потому что подстерегать добычу у тайного логова — одна из лучших тактик, которые она испробовала. Здесь, в столице, было глухое, абсолютно непробиваемое место. Если эта тварь вынырнула из какого-то смежного пространства, то сделала это далеко отсюда. И, скорее всего, находится уже на пути в то самое место прокола. Если еще не скрылась в своем убежище. Все-таки столько дней прошло. Они не из тех, кто должен обязательно увидеть результат своего действия. К сожалению, им незнакомо чувство злорадства.

Впервые в жизни Елена Михайловна приняла решение сдаться. Впервые в жизни, она понимала, что проиграла. И еще она очень хорошо понимала, что впервые в жизни эти твари выиграли и нашли способ убить охотника, не убивая его.

Она захлопнула дверь и вышла на лестницу. Осмотрелась. Нет, ничего подозрительного. Ключи от квартиры бросила в почтовый ящик, как просил владелец, и снова осмотрелась... Ее не покидало чувство, что она что-то просмотрела совсем рядом, чего-то не заметила. Но, возможно, это многолетнее чувство победителя не желало смириться с поражением.

Перед тем, как сесть в машину сына, Елена Михайловна еще раз открыла багажник и заглянула внутрь. Может быть, она что-то пропустила? Нет, обычный пустой багажник с пыльным запасным колесом и черной сумкой с инструментами.

Внутри, ни в карманах на чехлах, ни в бардачке тоже не оказалось никаких посторонних вещей. Ничего, что не принадлежало бы Матвею.

— Хватит уже, — раздраженно сказала женщина и повернула ключ зажигания.

До дома, где жила Люда, Елена Михайловна доехала все с тем же чувством, что что-то важное она упустила. Люда ждала ее на скамейке перед подъездом.

— Она твоя. — Елена Михайловна отдала девушке ключи и документы. — Матвей хотел подарить ее тебе. Матвей ее тебе и подарил.

Люда растеряно смотрела на ключи и бумаги, вертела между пальцами брелок в форме маленького футбольного мяча.

— Мне... мне не нужна машина.

— Напрасно ты так говоришь, — мягко сказала женщина. — Если тебе действительно не нужна машина, можешь ее продать. Она твоя. Делай с ней что хочешь.

— Я не смогу... не смогу в ней ездить. — Она заплакала. Слезы, большие и прозрачные, выкатывались из глаз, ползли по щекам и падали на шею.

Елена Михайловна обняла ее, вздохнула... И вдруг по ее спине побежали мурашки. Девушка была в положении. Неужели Матвей оставил после себя ребенка?!

Женщина судорожно полезла в сумочку, достала визитку и какую-то древнюю сувенирную ручку с полустершейся надписью. Ручка, к счастью, писала. Елена Михайловна написала с обратной стороны визитки то, что она никогда и никому не сообщала: домашний телефон и домашний адрес. И вложила в ладонь Людочки.

— Люда, обещай мне одну вещь. Во имя Матвея. Пожалуйста. — Она взяла девушку за руку и сжала тонкое запястье. Срок еще маленький, всякое может случиться, лучше не торопить события. Вот месяца через два можно будет поговорить. — Обещаешь? Позвонишь?

Люда кивнула.

— Люда, я хочу чтобы ты знала, мой дом всегда для тебя открыт. Ты — член нашей семьи несмотря на то, что вы не успели с Матвеем оформить отношения.

— Мы даже не собирались... — Людочка снова заплакала.

— Обещай, что позвонишь мне. А если не сможешь позвонить, то через два месяца дай о себе знать. Любым способом. Почта, телефон, телеграф. Только голубей не присылай, они к нам не долетят, замерзнут на лету.

Людочка улыбнулась и кивнула сквозь слезы.

— А что мне сообщить вам, Елена Михайловна?

— Все, что захочешь. Любые новости. Я уверена, что через два месяца тебе захочется поговорить со мной. — Она заставила себя замолчать. Обнадеживать раньше времени не стоит никого — ни себя, ни ее.

Людочка смотрела на нее, вытирая слезы свободной рукой.

— Успокоилась? Ну вот и хорошо, — Елена Михайловна улыбнулась, наклонилась и поцеловала девушку в холодную соленую щеку. — А теперь я побегу, мне пора в аэропорт.

Елена Михайловна уже пошла прочь от дома, обернулась, чтобы в последний раз посмотреть на девушку. Будущую мать ее внуков. И вдруг взгляд Елены Михайловны упал на переднее стекло автомобиля. Черная присоска навигатора. Конечно! Вот что пытался ей подсказать ее затуманенный разум.

Елена Михайловна вернулась и рывком открыла машину, включила навигатор, и открыла историю. История была пустой. Совсем. Как будто Матвей и не ездил никуда. И даже последние загруженные карты были удалены. Она хорошо постаралась, эта тварь! Елена Михайловна от отчаяния хлопнула дверью.

— Извини, я хотела узнать, куда Матвей ездил в последний день, — сказала Елена

Михайловна в ответ на недоумевающий взгляд Людочки.

— Вроде бы в лес, — неуверенно ответила та.

— А с кем?

— По-моему, один. Говорил, хочет присмотреть место для фотосессии. Он иногда ездил на разведку на природу, никого с собой не брал... — и Людочка снова заплакала.

— Все будет хорошо, — тихо прошептала Елена Михайловна, подошла к девушке, порывисто обняла ее и пошла прочь, уже больше не оглядываясь.

Каждый человек рано или поздно оказывается перед вопросом: как жить дальше? Иногда он знает, что вопрос еще не созрел, но чувствует его, как чувствуют назревающий нарыв и начинают поиск ответа заранее. Иногда вопрос возникает неожиданно, когда что-то ломается — внутри ли человека, снаружи — неважно. Но внезапность вопроса не отменяет необходимость срочного ответа. А некоторые, вроде меня, живут с этим вопросом постоянно и каждый день, за редким исключением, ищут на него ответ. И каждый новый ответ никак не связан с предыдущим и может заставить бросить все и бежать на край света. Потому что это не риторический вопрос. Такие вопросы не бывают риторическими.

Я снова не знала, что делать дальше. «Жизнь — вечное движение», — говорила мне мама. Я привыкла к переменам, я не боялась их. Но мое воображение и мой трезвый ум изменили мне. Или, может быть, их у меня было меньше, чем сил. То есть силы жить еще остались, а вот разум отказывался искать путь к спасению.

Я сидела на Гоголевском бульваре и смотрела на смешных лягушко-львов у основания памятника, очевидно, Гоголю. Два часа назад я нашла свое имя в списке студентов, зачисленных на первый курс Медицинской Академии. Полтора часа назад я узнала, что мне положена комната в общежитии. И что в общежитии нельзя жить с собаками. Час назад я смотрела в глаза декану и объясняла, что собаки бывают разными. Что у меня нет ни родителей, ни родственников, никого, кроме собаки. Он говорил, что если сделает исключение для меня, то потом в каждой комнате будет по хомячку, попугаю или амурскому тигру.

— Амурские тигры занесены в Красную книгу, — сказала я. — Во всем мире живет примерно шесть сотен особей этого вида. Поэтому едва ли какой-то студент сможет обзавестись амурским тигром. Даже если очень захочет. — Я посмотрела в его непроницаемые стальные глаза и добавила. — С поиском хомячка, конечно же, подобных проблем не возникнет. Так что вы правы. Наверное, я должна извиниться, что отняла ваше время и пойти забрать документы.

— Подожди, — нахмурился он. — Что значит — забрать документы? Ты же поступила. У нас безумный конкурс, у тебя лучший балл.

— У меня никого нет, — повторила я. — Я могу или жить в общежитии, учиться и подрабатывать в ночное время санитаркой, чтобы прокормить себя и свою собаку. Или работать на полный день кем-то более оплачиваемым, чем санитарка, чтобы оплачивать квартиру и кормить себя и свою собаку. И не учиться на дневном отделении.

— А третий вариант? — спросил он. — Всегда есть третий вариант.

— Я не знаю. Если вы его предложите, я обязательно им воспользуюсь.

Он нахмурился. Открыл блокнот в пухлой черной обложке, полистал, бездумно глядя на страницы. Захлопнул. Помотал головой. Пожал плечами.

— Нет, у меня тоже нет третьего варианта.

— Вот видите. — Я поднялась.

— Сядь! — сказал он. — Что это хоть за собака такая расчудесная? Росли вместе или что?

— Я нашла ее в лесу, случайно. Первого января. Привязанной к дереву. Пасть у нее была перевязана скотчем, чтобы она не лаяла. Она была в коме и обмороженная.

— Так, — сказал он. — Делаем так. Никакие документы ты, конечно же, не забираешь. Я давно не встречал девушек, которые знают, сколько на земле амурских тигров и способны отвязывать в лесу обмороженных собак. Не страшно было?

— Да, количество амурских тигров меня испугало. Это очень мало. Достаточно эпидемии или кишечной инфекции, чтобы численность сократилась вдвое. И тогда их будет всего триста. А триста особей — это уже почти не поддающийся восстановлению в дикой природе вид.

— Ого, — сказал декан. — А почему ты не пошла на биофак?

— Простите? На био что?

— Биологический факультет МГУ.

— Потому что людей спасать для меня важнее.

Он покивал головой и спросил с нескрываемым ехидством:

— Почему? Людей ведь намного больше, чем амурских тигров.

— Потому что внутри каждого человека — мир. А что творится в голове амурского тигра — я не знаю. Возможно, если бы я была амурским тигром, мне было бы важнее спасать тигров, а не людей. Но я пока ближе к людям, чем к тиграм.

Мужчина вздохнул.

— Внутри некоторых такой мир, что лучше бы тебе никогда не знать о такой грязи. Есть миры, которые нужно беспощадно уничтожать, знаешь ли.

Я улыбнулась и поднялась.

— Есть врачи, а есть патологоанатомы. Есть лесники, а есть лесорубы. Каждому свое, правда?

— Не нравится мне твоя логика. Но я не могу понять, где в ней ошибка. Ладно, года через три мы продолжим этот разговор. А пока иди домой и готовься к учебе и переезду. За неделю я что-нибудь придумаю. Может, разрешу держать хомячков и собак при условии ночного мытья этажей и сэкономлю на уборщице. А может, устрою военный переворот и отвоюю тебе особняк Перцовой под студенческую берлогу.

Я оставила ему свой домашний телефон. Мобильным я так и не обзавелась, не придумала, зачем он мне нужен и кому я могла бы позвонить.

Мой опыт давал не самые благородные объяснения обещаниям декана, инстинкты молчали, а желание что-то срочно делать — исчезло. Как будто я дошла до очередного промежуточного финиша, вроде бы рубеж взят, но ощущения победы нет. Мне не хотелось бежать, начинать все сначала. Мне хотелось стать врачом и остаться жить здесь. Я устала бегать. В конце концов, здесь были люди, которые шли мне навстречу и помогали просто так. Софья Степановна. Женщина в аптеке. Серафим Витальевич. Может быть... может быть, в нас было больше общего, чем я предполагала? Может быть, в их генах тоже было несколько наших? Может быть, синдром Вильямса может проявляться и так?

Львы улыбались, смотрели на меня выпученными лягушечьими глазами, а я думала, сколько времени пройдет, пока меня вычислят здесь охотники. День, месяц, год? После встречи с Матвеем я прожила спокойно почти полгода. Как показывал мой опыт, даже сто лет — не гарантия, что однажды тебя не найдут. Лягушко-львы были со мной согласны целиком и полностью. Я встала со скамейки, поставила рядом с урной так и не открытую банку пива и направилась к переходу через бульвар. Красный горел уже давно, с той стороны улицы собралась небольшая толпа у узкого перехода. Я лениво считала секунды про себя и сверялась с электронным табло светофора. И вдруг, внезапно, я почувствовала знакомый

медовый запах и одновременно — горьковатый привкус млечного сока на губах. Я обернулась — рядом со мной никого не было. Я обвела взглядом толпу и увидела ее. Свою. Нашу. Невысокая, с пушистыми желтоватыми волосами и ясным взглядом. Она, видимо, увидела меня еще раньше — и немудрено. Я стояла тут, как на витрине, всем на обозрение.

Я улыбнулась ей и помахала рукой. Она расцвела в ответ и мотнула головой — мол, иди сюда! Я едва дождалась зеленого света. Она тоже не стала стоять на месте, и побежала мне навстречу. Мы обнялись прямо на переходе. Я не верила, что я больше не одна здесь, а сердце колотилось как бешеное. Мы добежали до тротуара, взявшись за руки.

— Фарфара, меня зовут Фарфара, — сказала она, снова обнимая меня. — Как давно я была одна!

— Крепис, — представилась я. — Я тоже одна и думала, что здесь нет никого.

Мы говорили как дети, задавая одновременно одни и те же вопросы, перебивая и смеясь. Наши истории оказались похожими. Только ее случилась на пятьдесят лет раньше моей. Фарфару здесь звали Варварой. У нее была квартира, работа и друзья. И страх перед охотниками.

— И даже не думай, что будешь жить одна. Переезжай ко мне немедленно.

— Тебе не кажется, что это опаснее, чем жить по отдельности? — осторожно спросила я.

— Мне кажется глупостью разделяться, — ответила Фарфара. — Или ты боишься, что я помешаю твоей личной жизни?

— Вся моя личная жизнь — это прогулки с собаками, — сказала я.

Мы поехали ко мне, потому что было невообразимо расстаться сейчас, после мучительных лет одиночества, жизни среди чужих и постоянного ожидания сигнала к бегству.

Метель бросилась ко мне, виляя всей попой, и только потом увидела Фарфару. Озадаченность у собак выглядит так: собака садится и переводит взгляд с хозяйки на гостя и потом обратно. Потом собака осторожно встает, на негнущихся лапах приближается к хозяйке и требует объяснений. А хозяйка понимает, что для собак мы, члены одного клана, пахнем совершенно одинаково. Или не пахнем вообще.

— Метель, это Фарфара, это моя семья. Прошу любить и жаловать.

Метель, словно поняв все, до последнего слова, подошла к Фарфаре и завиляла хвостом. Фарфара рассмеялась и похлопала собаку по голове. Фарфара была немного ниже меня, ей даже не пришлось наклоняться для этого.

А вечером мы сидели с ней на диване, Метель блаженствовала между нами, повилявая хвостом время от времени, когда раздавалось ее имя. Я рассказала всю свою историю и к ее концу, когда я подошла к прогулке с Матвеем, Фарфара начала хмуриться.

— Слепой охотник? Ты уверена? Я думала, что их здесь нет, потому что нет нас. Но если здесь есть слепые, спящие — неважно, как их называют, то все плохо... специально они нас не найдут, но мы можем вот так же столкнуться на улице и что тогда?

— Не знаю, — я пожала плечами. — Я действительно не знаю. И я действительно не уверена, что это был охотник. может быть, поэтому я и не сбежала за тридевять земель полгода назад.

— Ну так давай посмотрим! — Фарфара включила ноутбук. Она пользовалась Интернетом намного лучше, чем я. — Как, говоришь, его зовут?

Мы зашли на страницу Матвея. Она оказалась заморожена. И обновлялась в последний

раз накануне нашей встречи.

— Вот это новости, — присвистнула Фарфара. — Что это с ним случилось?

— Я немного поработала с ним. Попыталась перестроить А потом он порезался тем ножом, с которым я сбежала...

— А нож? Где этот нож? Покажи мне его.

Я выудила свою сумку из горы неразобранных мешков, пакетов и коробок. Открыла. Взяла черное хищное лезвие. И оно рассыпалось под моими пальцами в песок и мелкие осколки.

— Ничего себе... — пробормотала Фарфара, заглядывая мне в сумку. — Хотела бы я знать, что это был за нож.

— Я бы тоже... Но может быть, дело не в ноже? Может, дело в том, что я с ним сделала?

Мы снова отправились искать след Матвея во всемирной паутине. Если человек туда попал хоть однажды и продолжает жить, ему уже не выпутаться на свободу, не стать чистым от всех этих твиттеров, фейсбуков, контактов...

Первым делом мы отправились на страницу к Людочке. И там нас ждал сюрприз. Даже целых два. Люда собиралась стать мамой. Срок был намечен на декабрь, но живот у девушки уже был внушительным. Она ждала двойню. Будущего отца на фотографиях не было. Но будущих детей Люда называла «мои маленькие Матвеевичи».

Мы смотрели их в обратном порядке, от свежих к старым, и вдруг, в апрельских, наткнулись на странную запись: «Прощай, Матвей, я буду любить тебя всегда». Фотография, которая шла следом, не оставляла сомнений. Матвей умер. И случилось это в ночь после нашей встречи.

Я потеряла лицо. Мне внезапно стало холодно, до дрожи, до тряски.

— Поздравляю, — сказала Фарфара. — Кажется, ты изобрела способ убивать охотников.

— Нет. Не убивать. Я просто научилась делать их не-охотниками.

— Да, — ответила Фарфара. — Но это их убивает.

Я молча смотрела перед собой. Я не хотела убивать его. Не хотела.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net